Серия «Башкортостан в зарубежных исследованиях»

(издается с 2006 г. под общей редакцией
доктора исторических наук *Д. М. Исхакова*)

Emperor of the Cossacks

Pugachev and the Frontier Jacquerie of 1773–1775

by
John T. Alexander

Coronado Press
Lawrence, 1973

ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ТАТАР
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Центр этнологического мониторинга

Джон Т. Александер

Емельян Пугачев

и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг.

Авторизованный перевод с английского,
вступительная статья и примечания
Игоря КУЧУМОВА

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Виктор МАУЛЬ

Уфа
ИП Галиуллин Д. А.
2011

УДК 94(47)"1773/1775"
ББК 63.3(2)46
А46

Ответственный редактор
д-р ист. наук *В. Я. Мауль*

Рецензенты
д-р филол. наук *Ф. Г. Галиева*, канд. ист. наук *И. М. Габдрафиков*

Alexander J. T. Emperor of the Cossacks: Pugachev and the Frontier Jacquerie of 1773–1775. Lawrence: Coronado Press, 1973. 248 p.

Александер Дж. Т.

А46 Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. / Джон Т. Александер; Центр этнологич. мониторинга Исполн. к-та Всемир. Конгр. татар; отв. ред. д-р ист. наук В. Я. Мауль; авторизованный пер. с англ., вступ. ст. и прим. канд. ист. наук И. В. Кучумова. Уфа: ИП Галиуллин Д. А., 2011. 164 с. (Башкортостан в зарубежных исследованиях).

ISBN 978-0-8729104-5-4 (англ.)
ISBN 978-5-905269-03-5 (рус.)

Исследование видного американского специалиста по истории России XVIII в. Джона Т. Алекса́ндера посвящено событиям 1773–1775 гг. Особое внимание уделяется участию в них башкир и горнозаводского населения Урала.

УДК 94(47)"1773/1775"
ББК 63.3(2)46

В оформлении обложки использован этюд В. Г. Перова «Голова Пугачева» (Государственная Третьяковская галерея).

ISBN 978-0-8729104-5-4 (англ.)
ISBN 978-5-905269-03-5 (рус.)

© 1973 by John T. Alexander
© И. В. Кучумов, перевод на русский язык, вступительная статья, примечания, 2011

ИССЛЕДОВАПИЕ ДЖ. АЛЕКСАПДЕРА О ПУГАЧЕВСКОМ ВОССТАПИИ

Книга заслужениого профессора Канзасского университета Джона Т. Алекса́ндера посвящена событиям 1773–1775 гг. в Россни и относится к числу лучших зарубежных работ на эту тему[I].

К сожалению, сейчас история Пугачевского восстания в росснйской историографни почти не изучается. Видимо, это стало следствием гипертрофированиого интереса советской науки к проявлениям «классовой борьбы», непопулярности самой темы протеста в официальном дискурсе постсоветской России и возникшей растерянности в вопросах методологни и методики изучения такого рода явлений. Лишь в Башкирни этой темой все еще продолжают заниматься[II], но, в основном, с квазинаучных позицнй[III].

[I] Ранее автор выпустил иселедование реакции властсй на пугачевщину: *Alexander J. T.* Autocratic Politics in a National Crisis: The Imperial Russian Government and Pugachev's Revolt, 1773–1775. Bloomington: Indiana University Press, 1969.

[II] *Гвоздикова И. М.* Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны нод предводительством Е.И. Нугачева. Уфа, 1999.

[III] См., напрнмер, выиолненные но гранту Росеийского гуманнтарного научного фонда разборы неофициальной оценки Салавата Юлаева в книге А. С. Орлова «Нирамида Салавата» (Казань, 2006): *Бердин А. Т.* Нризрак Уфимской Атлантиды: как он создается. Уфа, 2007; *Он же.* Салават: бой носле смерти. Уфа, 2009.

Издать в Уфе работу С. А. Орлова тогда не удалось, обстоятельства ее носледующей публикации Академией наук Татарстана выясияла прокуратура Башкирии, а носле ноявления изданных на средства РГНФ публицистических насквилей А. Т. Бердина ее автор и я, как рецензент, были нривлечены к уголовной ответственности, арестованы и номещены в следственный изолятор. Этой же участи удостоился и второй рецензент книги С. А. Орлова и один из рецензентов настоящей работы И. М. Габдрафиков, вместс с нами составивший «организованную нреступную грушу», нозже нереквалифицированную в «экстремистское сообщество». Одним из пунктов обвинения против нас как раз является «дискреднтация Салавата Юлаева». Таким образом, мы стали фигурантами уникального для России уголовного дела, возбужденного в том числе и но факту неофициальной трактовки нерсонажа далекого нроплого.

Сама книга С. А. Орлова, несмотря на ее выпуск академическим институтом, была неофициально запрещена, изъята из нродажи и стала нолусвободно раснространяться в Уфе только с лета 2010 г. В сентябре 2010 г. мы были отданы иод суд, в котором в качестве «иотериевшего» был официаль-

Как отмечает сам американский автор, до появления его книги отдельной работы о событиях 1773–1775 гг. в англоязычной литературе не было (нет, кстати, ничего подобного кииге Дж. Александера на англнйском языке и сейчас)[IV]. Основным источником для ее написания явились известный советский трехтомник под редакцией В. В. Мавродина[V], не менее известный труд Н. Ф. Дубровина, а также документальные публикации. Поэтому сочинение Дж. Александера действительно получилось, как он сам признается, «a reliable synthesis in English of recent scholarship», что практически избавило нас от его комментирования[VI].

В последиие десятилетия мировая наука добилась больших достижений в области «революциологии»[VII]. Следует заметить, что со-

---

но привлечен А. Т. Бердин.

[IV] Следует сказать, что Дж. Александером был отдельно опубликован нрекрасный обзор англоязычных откликов на события 1773–1775 гг.: *Alexander J. T.* Western Views of the Pugachov Rebellion // The Slavonic and East European Review. 1970. Vol. 48, no. 113.

[V] Разбору советской историографии Дж. Александер носвятил снециальную работу: *Alexander J. T.* Soviet Historiography on the Pugachev Revolt: A Review Article // Canadian Slavic Studies. 1970. Vol. IV, no 3. P. 602–617. В СССР тоже не остались в долгу и ответили автору характерной резкой, хотя и не совеем уж низконробной отноведью: *Трощкий С. М.* Росеия в XVIII веке: сб. ст. и публикаций. М., 1982. С. 125–133 (в соавторетве с Р. В. Овчинниковым).

[VI] Донолнительно см.: *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Нугачева. М., 1980; Емельян Нугачев на следствии. М., 1997; Оренбургекая Нушкннская энциклонедия. Оренбург, 1997 (электронная версия широкодоступна во Всемирной Сети); Салават Юлаев: энциклонедия. Уфа, 2004. Однако эти работы требуют критического отношения, ибо качественное осмысление исторического материала о пугачевщине с нозиций современной науки нока еще отстает от его количественного наконления. К числу ценных новейших осмыслений феномена пугачевекого восстания можно отнести: *Мауль В. Я.* Архетины русекого бунта XVIII столетия // Русекнй бунт: сб. историко-литературных произведений. М., 2007. Новейший обзор дискуссионных и нерешенных вопросов проблемы см.: *Смирнов Ю. Н.* Современные нодходы к истории восетания 1773–1775 гг. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманнтарный вышуск. 2007. №5/3 (55). Однако автор нроигнорировал как старые, так и новые зарубежные иселедования но данной тсме.

[VII] См.: *Гавлин М. Л., Казакова Л. А.* Современные буржуазные тсории социальной революции. М., 1980; *Красин Ю. Л.* Революция и социальный нрогресе: критические очеркн буржуазных конценций социальных революций. М., 1980; *Крапивенский С. Э.* Нарадоксы социальных революций. Воронеж, 1992; *Магун А.* Отрицатсльная революция. К деконструкции нолитического субъекта / нер. с фр. СНб., 2008. *Rothenberg M. A.* The Excessive

временные подходы отечественных авторов к проблеме крестьянских восстаний[VIII] пока не учитывают достижений социологии. Поэтому для наших исследователей может быть полезен опыт Дж. Александера, попытавшегося приложить к своему анализу построения Ч. Джонсона[IX]. Важные для понимания проблемы выводы содержатся в трудах «Революции и преобразование обществ» Ш. Эйзенштадта и «Социология социальных изменений» П. Штомпки. Недавно стала доступна ранее не публиковавшаяся монография П. А. Сорокина «Социология революции». Сходные проблемы поднимали также Г. Лебон в «Психологии толпы» (1895) и Т. Гарр в «Почему люди бунтуют» (1970; рус. пер. 2005). Весьма плодотворной для понимания социологии пугачевского восстания может стать теория коллективного действия Ч. Тилли[X] – «одна из самых тонких попыток анализа коллективного насилия и революционной борьбы. Сформулированные им идеи имеют широкое приложение, и то, как он их использует, свидетельствует о его чуткости в оценках времени и места»[XI], чего не хватало концепции Ч. Джонсона. Кроме того, возникновение пугачевщины в период ведения Россией длительной войны с Турцией также подтверждает выводы социологов о роли войн для генезиса революционных выступлений[XII].

Для советских историков (и для западногерманского исследователя Д. Петерс[XIII]) восстание Пугачева безапелляционно было «крестьянской войной». На Западе события 1773–1775 гг. оцениваются как «преимущественно фронтирный и казацкий феномен» (М. Ра-

---

Subject: A New Theory of Social Change. Cambridge: Polity Press, 2010. Новейшее международное фундаментальное справочное издание по различного рода революциям почему-то предпочитает не обсуждать теоретические аспекты этого явления: The International Encyclopedia of Revolution and Protest: 1500 to Present: 8 Vol. / Ed. *E. Ness*. Wiley-Blackwell, 2009.

[VIII] *Соловьев В. М.* Актуальные вопросы изучения народных движений (политические заметки о крестьянских войнах в России) // История СССР. 1991. № 3.

[IX] Их критическую оценку см.: *Гидденс Э.* Социология. М., 1999. С. 574–575 (мы используем именно это издание, поскольку в последующих переработках, что видно, например, по русскому переводу 2006 г., автор исключил раздел о революциях и социальных движениях из своей книги).

[X] *Tilly Ch.* From mobilization to revolution. Reading, M.A., 1978.

[XI] *Гидденс Э.* Указ. соч. С. 578.

[XII] Там же. С. 570.

[XIII] *Peters D.* Politische und gesellschaftliche Vorstellungen in der Aufstandsbewegung unter Pugačev (1773–1775). Berlin; Wiesbaden, 1973. S. 168–170.

ефф), «восстание периферни» (Х.-Х. Нольте), «гражданская война» (К. Шарф). Дж. Александер опрсделяет пугачевщину как «фронтирную жакерию» (frontier jacquerie) – в нашем переводе «крестьянское восстание на окраине России»[XIV].

Представляется, что в пространственном отношении рассматриваемое социальное движение вряд ли правильно считать «периферийным» («окраинным», «фронтирным») явлением – таковым оно было только в начале, но Казанская губерния и Поволжье уже давно не являлись фронтиром. Это была скорее гражданская война, в которой можно выделить собственно «фронтирный» этап, этап доминирующего участия аборигенного населения и, наконец, в финале – этап крестьянской войны (крестьянского восстания)[XV].

Формально вроде бы удовлетворяя критериям революцни[XVI], пугачевщина ставила целью лишь улучшение существующего порядка, а ведь революция – «это попытка прсобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть»[XVII]. Смутные представления повстанцев о преобразовании страны опирались на народиое сознание[XVIII], поэтому Е. И. Пугачев и его соратников не были проповедниками буржуазной модернизации. Возможная и вполне обоснованиая модель развития России в случае победы восстания представлена в историко-фантастическом романе русского писателя-эмигранта М. К. Первухина (1924)[XIX]. Поэтому, на наш взгляд, пугачевщина в социологическом плане ближе к вооружениому восстанию[XX], чем к «неудавшейся революции»[XXI].

[XIV] Нодробнее см.: *Шарф К.* Указ. соч.

[XV] На это в свое время указывал А. Кизеветтер, выделявший в отдельный этан нериод осады Оренбурга: *Кизеветтер А. А.* К истории крестьянских движений в Росеии // Вонросы истории. 1994. № 1. С. 165–166.

[XVI] *Гидденс Э.* Указ. соч. С. 568. См. также: *Штомпка Н.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 370.

[XVII] *Голдстоун Д.* К тсории революции четвертого ноколения // Логос. 2006. № 5. С. 61.

[XVIII] См., нанример: *Мауль В. Я.* Указ. соч.

[XIX] *Нервухин М. К.* Нугачев-нобедитель. Екатеринбург, 1994. В сходном ракурсе этот сюжет разрабатывается в фантастическом романе современного росеийского писатсля Б. Сапожникова «Звезда и шиага» (СНб., 2010).

[XX] См. его характеристику: *Гидденс Э.* Указ. соч. С. 569.

[XXI] Об отличиях революции от восетания см.: Encyclopedia of Sociology. 2nd ed. / *E. F. Borgatta*, editor-in-chief, *Rh. Montgomery*, managing editor. New York etc.: Macmillan Reference USA, 2000. Vol. 4. P. 2410 (библиография: P. 2414–2415); *Eder K.* Social Movements and Democratization Handbook

Признавая, что пугачевцами «на месте феодальной России предполагалось создать казацкое государство (поскольку большинство населения переводилось в казачье сословие) во главе со справедливым и милостивым к народу монархом», советские историки и в постсоветское врсмя продолжали твердить, что «именно программа ликвндации дворянства и понимание необходимости этой меры составляют главную историческую заслугу восставших»[XXII]. Дж. Александер в своей работе убедительно опроверг эти неуклюжне попытки поставить истребителя дворян Пугачева в один ряд с... дворянскими революционерами и даже представить их его ндейными наследиками![XXIII]

Даниая монография выходит в серни «Башкортостан в зарубежных исследованиях», поскольку башкиры и работные люди уральских заводов сыграли большую роль в этом движенни, хотя Дж. Александер не разделяет господствовавшие в советской науке одиобокие трактовки «боевого братства» различных этнических групп, а также военных возможностей башкир.

В заключение хотслось бы выразить нашу глубокую благодарность автору, любезно разрешившему опубликовать перевод его книги в Россни. При подготовке издания использовались фонды Научной библиотски Уфимского научного центра РАН и Национальной библиотеки им. А. Валиди Республики Башкортостан, а также отсканированные и выложенные во Всемирную Сеть компанией Google раритетные издания[XXIV].

И. В. Кучумов, кандидат исторических наук.

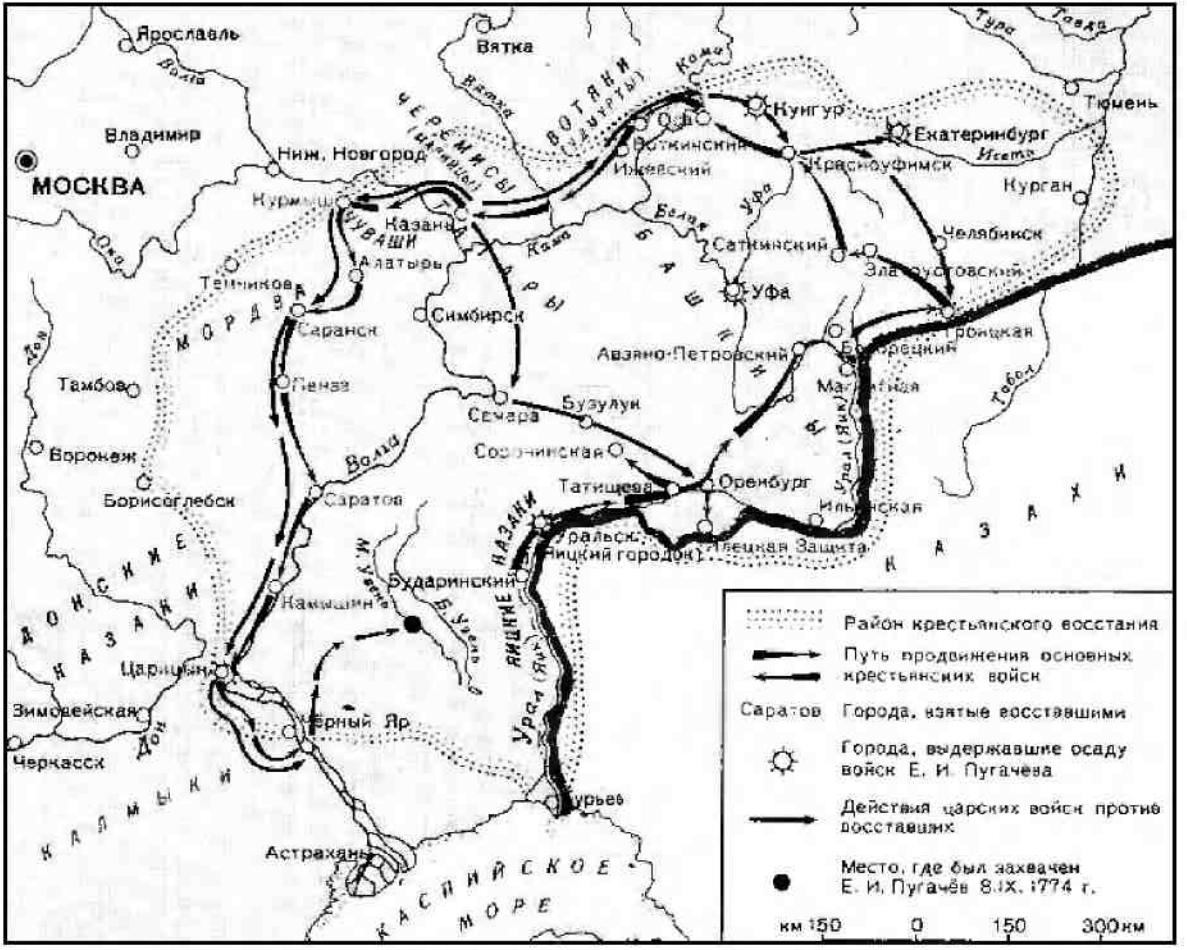
of Historical Sociology / Ed. *G. Delanty* and *E. F. Isin*. London; Thousand Oaks; New Delhi, 2003. P. 277–280 (и библиография к статье).

[XXII] Емельян Нугачев на следствии. С. 23.

[XXIII] Ср.: «Наряду с другими факторами Крестьянская война новлияла на складывание идеологии освободитслього движения в России, она расколола дворянство, из которого вышли один из зачинатслей этой идеологии – А.Н. Радищев – и декабристы» (Там же).

[XXIV] В книге Дж. Александера используется английская систсма мер. Ее соответствие метрическнм см. в таблице:

1 миля	1609,344 м (1,508 верст)
1 дюйм	2,54 см
1 фут	0,3048 м
1 фунт	453,59237 г
1 галлон	3,784 л (дм³)
1 бушель	35,2 л
1 ярд	0,9144 м

Ярославль
Вятка
Владимир
МОСКВА
Ниж. Новгород
Кунгур
Екатеринбург
Тюмень
Курган
Челябинск
Казань
Саткинский
Уфа
Симбирск
Саранск
Пенза
Тамбов
Воронеж
Борисоглебск
Сенара
Бузулук
Татищева
Оренбург
Саратов
Камышин
Царицын
Зимовейская
Черкасск
Черный Яр
Астрахань
Гурьев
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Район крестьянского восстания
Путь продвижения основных крестьянских войск
Саратов Города, взятые восставшими
Города, выдержавшие осаду войск Е. И. Пугачева
Действия царских войск против восставших
Место, где был захвачен Е. И. Пугачёв 8.IX. 1774 г.
км 150 0 150 300км

Памяти
Освальда П. Бакуса III (1921–1972)[1]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пугачевский бунт характеризовался грандиозным всплеском насилия, длившегося больше года и затронувшего сотни тысяч человек на нескольких тысячах квадратных миль. В Европе XVIII столетия пугачевщина до 1789 г. была самым длительным, самым масштабным и самым разрушительным выступлением против основ Старого порядка. Это обстоятельство ставит пугачевский бунт в один ряд с революциями, охватившими Европу и Америку в последиие десятилетия XVIII в. В 1767 г. Екатерина II с гордостью провозгласила Россию европейским государством. Грандиозное восстание, потрясшее ее трон шесть лет спустя, по-своему подтвердило правоту этого утверждения императрицы. Россия действительно вошла в эпоху революционных выступлений нового времени.

На первый взгляд Пугачев выглядит белой вороной в ряду благородных вождей «века демократических революций» в других странах. Он больше похож на разбойника, чем на Вашингтона, Джефферсона, Берка, Вольтера или Иосифа II. В то время как пресса Западиой Европы и Северной Америки считала русского повстанца дворянином, Екатерина II откровенно насмехалась над «маркизом де Пугачевым». Сравнение бунта на восточных окраинах западной цивилизации с началом другого народиого выступления на противоположной части европейского мира – Американской революции – может показаться бессмыслениым. Их движущие силы, состав, организация, руководство, программа, продолжительность и итоги абсолютно несопоставимы. Но Американская революция и восстание Пугачева обладают удивительным сходством: оба эти движения нанесли мощные удары по Старому режнму с его представлениями об общественном устройстве, основанном на привилегиях дворян. Хотя Пугачев потерпел поражение, он с удивительной силой обнажнл ограниченность и изъяны «просвещениой» общественной программы Екатерины Великой.

Крестьянское восстание в Россни в 1773–1775 гг. позволяет понять европейскую историю XVIII в. Оно должно напоминать нам,

[1] Американский исследователь истории России. – *Прим. пер.*

что XVIII столетие не было эпохой благоденствия, как обычно принято считать. И если состояние Западной Европы до 1789 г. характеризуется определениой стабильностью, то в Восточной Европе и России все было иначе. Там восстания и гражданские войны, осады и бойни, дворцовые перевороты и убнйства постоянно перемежали Век Разума смертью и террором.

Особенио склонным к массовым волнениям в верхах и низах общества был новоявлениый гигант Европы – Российская империя. Но несмотря на все потрясения русский монстр пережнл их и расцвел еще лучше. В XVIII в. Российская империя победоносно шествовала на запад и юг – в Прибалтику, Белоруссию и Литву, юго-западную Украину, Северное Причерноморье и Северный Кавказ. Вслед за государством на юго-восток шли русские колонисты, чтобы добывать полезные ископаемые на Урале и обрабатывать черноземы Заволжья и юго-западной Сибири. Люди тянулись в степь к опасным кочевым племенам и соблазнительной торговле с Центральной Азией. Русская экспансия встретила сопротивление на севере, западе и юге – со стороны Швеции, Польши и Литвы, Турцни и их союзников, а на юго-востоке ей препятствовали крымские татары, башкиры, калмыки и казахи, а также казаки на Днепре, Дону, Волге и Яике (Урале). Сопротивляясь русской агрессни, эти степные государства выступили катализатором рсгионального восстания, вспыхнувшего на юго-восточной окраине Россни и потрясшего всю самодержавную империю Екатерины Великой.

Анализ восстания Пугачева заставляет обратить внимание на основные проблемы новой истории России. Абсолютизм и крепостное право, унитаризм и независимость, экспансия и отношения с нерусскими народами, экономическое развитие и социальные изменения, реформы, противостояние и восстание – все это отразилось в бурных событиях 1773–1775 гг. В более широком смысле движение, возглавлявшееся Пугачевым (вопрос о том, руководил ли он им на самом деле или нет, будет рассмотрен ниже), освещает события в тогдашней России снизу, как бы с точки зрения народных масс. Следовательно, изучение этого восстания может уточнить или дополнить привычную трактовку правления Екатерины Великой (1762–1796), проблему, которая, как правило, сосредотачивается на рассмотрении военных, дипломатических и прндворных сюжетов. Но поскольку императрица управляла огромной евразийской империей, в которой к 1770-м гг. прожнвало примерно 25 млн. человек различных рас, этнического происхождения, языков, религий и социального статуса, то исследование этого грандиозного восстания – крупнейшего в императорской России до начала XX в. – должно способствовать пониманию главных политиче-

ских, социальных и экономических тенденций того времени, влиявших на всю империю.

Конечно, не следует оценивать все события в Россни XVIII в. лишь через призму современных общественных конфликтов, всеобъемлющей и всесильной «классовой борьбы», как это любят делать советские историки. Но каким бы ни было значение восстания Пугачева, его причнны, ход и последствия нельзя игнорировать, отвергать или недооценивать.

В большинстве работ по европейской или русской истории упоминается восстание, связаниое с именем Пугачева. Но несмотря на большой массив опубликованиых документов и наличие огромной литературы по этому вопросу в России, на английском языке пока еще нет специального исследования по этой теме. Настоящая киига основана на архивных и опубликованных источниках, а также монографических работах и ставит целью дать краткнй обзор истории восстания. Наряду с изложением военных действий я вкратце анализирую политические, социально-экономические, организационные и ндеологические аспекты этого движения. Поскольку эти вопросы в какой-то степени уже затрагивались мною в монографии «Autocratic Politics in a National Crisis: The Imperial Russian Government and Pugachev's Revolt» (Bloomington, Ind., 1969), теперь я сосрсдоточусь на самом восстанни, а о правительственной реакции на него ограничусь лишь краткими замечаниями. Поэтому, а также вследствие того, что эта киига адресована широкой аудитории, она не прсдполагает наличне у читателя хорошего знания исторни Россни и основана на минимальном цитировании документальных источников. Специалисты вряд ли почерпнут из нее что-то новое, но я надеюсь, что они обратят внимание на некоторые иитересные июансы и смогут использовать ее в качестве новейшей выверениой англоязычной сводки по теме.

Всякий, кто берется за изучение восстания Пугачева, сталкивается с трудиостями источниковедческого свойства. Сам Пугачев и большинство его сподвижников были людьми неграмотными и, соответственно, почти не оставили после себя каких-либо письмениых документов. В частности, нам мало что известио о семье Пугачева и о его молодости.

Несмотря на большой массив имеющегося материала, он весьма сложен для анализа. Пугачев во время четырехмесячного нахождения под стражей персд казнью трижды подвергался сначала подробному (иногда с применением пыток), а затем перекрсстиому допросам с целью выявить подробности его деяний, а также проходил очные ставки с многочисленными сподвижниками и другими свидетслями; многие его соратники также были допрошены. Значи-

тельная часть этих материалов опубликована.

Одиако, несмотря на информативность этих свндетельств, они весьма противоречивы. Пугачев не раз меиял свои показания. Исследователи полагают, что правдивыми являются сведения, полученные от него в финале следствия, ибо самозванец, физически и морально сломленный длительными допросами, уличеный следователями в противоречивости своих показаний и смирившнйся со своей судьбой, в конце концов якобы во всем признался. Такая точка зрения не лишена здравого смысла, но она не позволяет понять, например, взаимоотношения Пугачева со староверами. Следствию не удалось выявить их связи, но ведь Пугачев, как мы увидим, получал помощь от староверов подозрительно регулярно!

Поскольку следствие стремилось доказать «преступления» и «преступные замыслы» самозванца и его соратников, последиие, естественно, старались скрыть свои деяния, перекладывая их на других. Кроме того, следователи, выполняя волю монарха, старались побыстрее завершить это дело.

Поэтому историку восстания проще исследовать саму пугачевщину, чем роль Пугачева в ней; в личности самозванца много неясного, а некоторые эпизоды его жнзненного пути вообще покрыты мраком: биографии народных героев как правило окружены ореолом тайны.

* * *

Все даты приводятся мною по юлианскому «старому стилю», использовавшемуся в России в 1700–1918 гг.: в XVIII в. он на 11 дией отставал от григорианского календаря.

Мне бы хотелось поблагодарить своих коллег за чтение этой рукописи и многочислениые предложения по ее совершенствованию. Я нахожусь в очень большом долгу перед профессорами Освальдом П. Бакусом, Джоном У. Дардессом, Клиффордом С. Гриффином, Рагнхильдом М. Хаттоном, Сергеем В. Утехиным, Чарльзом К. Уорнером и Теодором А. Уилсоном, но особенио перед моим отцом Эдвардом П. Александером. Работа над киигой спонсировалась Главным научно-исследовательским фондом (General Research Fund) Канзасского университета. Естественно, что ответственность за все изложениое ниже лежит исключительно на мне.

Джон Т. Александер,
г. Лоренс, шт. Канзас

Глава I

БЕСПОКОЙНЫЙ НАРОД

Подобно другим революциям нового времени, восстание Пугачева не было случайностью. Мятеж, сделавший известным имя до этого никому неведомого казака, был вызван длительным недовольством населения. Всякий раз, когда вспыхивало восстание, столетиями накапливавшаяся в народе ненависть выплескивалась наружу.

Казачьи колонисты, возглавившие этот бунт, были особым явлением в России XVIII в. Их восстание, наряду с другими крупными социальными потрясениями того времени, привело к конфликту основ социальной организации. Казачество возникло как ответ на усиление в Московской Руси системы централизованного абсолютизма, основанного на принудительном подчинении всех социальных элементов государству. Если для элиты государственная служба означала выполнение военных или административных функций, то для основной массы населения она была крепостным правом: прикрепление к земле вскоре превратилось в личное закрепощение, мало чем отличавшееся от рабства. К середине XVII в. крепостное право юридически оформилось на всей территории Московии и сохранялось вплоть до 1861 г. Пока же Московия значительно расширила свою территорию, став евразийской империей и крупной европейской державой. «Государство пухло, а народ хирел», – писал В. О. Ключевский[2].

И хотя абсолютизм и крепостничество в итоге в России все же победили, этот процесс шел нелегко и встречал сопротивление. Одной из наиболее распространенных форм протеста было бегство людей на окраины страны, туда, где власть была слабой или отсутствовала вовсе.

Исход людей из Русского государства не прекращался никогда, но в периоды кризиса он превращался в настоящую лавину. Побеги были вызваны тремя причинами: непрерывными войнами и вызванными ими лишениями, постоянными стихийными бедствиями, такими как, например, голод и чума, и постепенным закрепощением крестьянства. Миграция населения достигла огромных масшта-

[2] *Ключевский В. О.* Сочинения в девяти томах. М., 1988. Т. 3. С. 12.

бов в период правления Ивана Грозного (1547–1584), когда Московию ослабили поражения на внешнеполитической арене и внутренний террор. Сократившись в 1580-е гг. из-за введения так называемых «заповедиых лет», временно запретивших крестьянам уходить от господина по своей воле, массовое бегство возобновилось на рубеже столетий и усилилось в «Смутное время» (1598–1618), когда страну охватили голод, эпндемии, кризис власти, гражданская война и иностранная интервеицня[3].

В тяжелые годы царствования царя Алексея (1645–1676) и при жестоком правленни Петра Великого (1689–1725) появилась четвертая причина для побегов. К серьезным внешним и внутренним проблемам прибавился ндеологический кризис, разрушивший религиозное единство Московской Руси и расколовшнй ранее единую Русскую православную церковь. Будучи ослабленной, она легко попала под пяту государства. Поздиее рслигиозное инакомыслие и связанный с ним социальный протест стали рассматриваться государством как политические прсступления, заслуживающие сурового наказания, вплоть до смертной казни. В итоге тысячи фанатичных раскольников из социальных низов уходили на окраины страны или за границу от преследованнй. Они прндали побегам новый, ндеологический, аспект, по существу усилив их антигосударственыый смысл. Как заметил Александр Гершенхрон, «*старые* обряды вполне естественио связывались в народиом сознании с глубоко укоренившейся памятью о *древних* свободах. Что касается крепостных крестьян, то они не обязательно могли быть “староверами”»[4]. Почти сразу раскольники разделились на многочнслениые группы, но все они были так или иначе враждебны официальной церкви.

Как ни парадоксально, пятой причнной бсгства людей на окраины была инициированиая государством колонизация недавно присоединениых земель. В ходе расширения границ России центральная власть первоначально исходила из интерссов национальной безопасности и экономической выгоды, и потому старалась вернуть беглое население и вновь заставить его работать на государство и платить налоги. Так что процесс русской экспансни напоминал гигантскую облаву: на розыск беглых власти послали своих чнновников. На Западе русской экспансни препятствовали такие мощные в военном отношении, религиозно чуждые и сравнительно плотно заселениые государства, как Швеция и Польша-Литва, поэтому

---

[3] См.: *Vernadsky G.* The Tsardom of Moscow, 1547–1682, 2 vols. New Haven, 1969; *Hellie R.* Emerfment and Military Change in Muscovy. Chicago, 1971.

[4] *Gerschenkron A.* Europe in the Russian Mirror. Cambridge, 1970. P. 25. См. также: *Cheniavsky M.* The Old Believers and the New Religion // Slavic Review. 1966. Vol. XXV¸ no. 1. P. 1–39.

главным направлением побегов стал юго-восток. Русская юго-восточная окраина, первоначально являясь границей недавно присоединенных территорнй и не имевшая сплоченного и хорошо организованного сопротивления со стороны туземцев, постепенио стала распространять русскую колонизацию и политический контроль на стспных кочевников[5].

Казачье управление

Эволюция казачьих обществ в приграничных регионах является иллюстрацией двух процессов – побегов и колонизации. Казаки возникли в конце XV в. в условиях постепенного распада Золотой Орды – западиой окраины подвластной монголам Евразии[6]. Являясь тогда шайками беглецов из Московни и Польско-Литовской Украины, они походили на степные тюркские орды: казак/козак – 'светлый всадник' (тюрк.). Хотя этнический состав казаков был сложным, в нем преобладали славянские элементы.

К середине XVI в. в безлюдиых местах возникли казачьи «войска»: на востоке по р. Яик (переименованиой в 1775 г. в Урал), а на западе – в низовьях Днепра. Поскольку средства к существованию казаки добывали грабежом, они нападали на соседиих кочевников и оседлые поселения в степи. Казаки прсдставляли собой смесь конных разбойников и морских пиратов. Опытные десантники, они совершали набеги на далекий персндский Прикаспий и турецкие города Причерноморья[7].

Государства, граничнвшие со степью – Московия и особенио Польша-Литва – с одиой стороны пытались оградить себя от набсгов казаков и прспятствовали им укрывать беглых, а с другой старались договориться с ними против общих врагов и заставить их защищать границу от степных кочевников. В 1550-е гг. Московия вклинилась в стспь, покорив татарские Казанское и Астраханское ханства и тем самым получив контроль над всем Поволжьем. Таким образом, казаки и другие степные государства столкнулись с опасным соседом. Теперь они могли либо частично признать власть Россни, либо оказать сопротивление русской экспансии, либо уйти в другие места. В результате осуществления последиего варианта возникли янцкие казаки.

---

[5] См.: *Gerhard D.* The Frontier in Comparative View // Comparative Studies in History and Society. 1958–1959. Vol. I. P. 206–229, особенно p. 224–228.

[6] Изначально слово «украина» означало границу.

[7] См.: *McNeill W. H.* Europe's Steppe Frontier, 1500–1800. Chicago, 1964, и научно-нонулярный очерк: *Longworth Ph.* The Cossacks. London, 1969.

В коице XVI в. казаки Нижнего Поволжья переселились в степь между поворотом Волги на Самару и низовьями Яика, который течет из Уральских гор на юго-запад в Каспийское море. После разорения Сарайчика – столицы Ногайской орды[8] вблизи янцкого устья – казаки стали продвигаться вверх и остановились на повороте Яика к Каспийскому морю. Здесь, на границе Европы и Азии, казаки около 1600 г. основали Яицкий городок (Яицк).

Зе́мли вокруг Яицкого городка (ныне Уральск) напоминали равнинное и почти бсзлесное Нижнее Подонье, а Яик, подобно Дону, являлся основой экономики региона. По его водам плыли суда, он позволял в какой-то мерс заниматься земледелием и изобиловал рыбой. Выше Яицкого городка ширина реки достигает 600 футов, а глубина – до 36 футов; ниже городка она становится шире и глубже. Как и все бурные степные реки, Яик часто меияет течение, так что на протяжении своих почти 1600 миль он образовал широкую долину, часто с высоким берсгом (яр) на левой стороне и с лугами на правой. В верхнем и средием теченни в него впадают многочнслениые притоки. Ниже Яицкого городка, из-за сухости климата и понижения степи притоков почти нет. Покрываясь льдом на 4–5 месяцев, весной Яик в дельте у Гурьева иной раз разливается на 70 миль.

Климат этого региона, находящегося на одиой широте с югом Лабрадора, носит рсзко континентальный и изменчнвый характер. Долгие морозные зимы со снежными буранами и пронизывающими ветрами смеияются здесь коротким засушливым летом с пыльными бурями. Веками основой здешней экономики были охота, рыболовство и кочевое скотоводство – в основном, разведение крупного рогатого скота, овец и лошадей[9].

В начале XVI в. янцкие казаки признали власть царя Московии в обмен на свою автономию. Благодаря удалениости Московни царь являлся лишь номинальным правителем этих земель. Примитивная демократия и общественый эгалитаризм казачества резко контрастировали с самодержавием и крепостиичеством Московии. Поэтому эти земли так притягивали угнетсниых московитов[10].

Невзирая на запреты властей, янцкие казаки продолжали укры-

---

[8] Одно из тюркских, нервоначально кочевых, государетв-преемников исчезнувшей Золотой Орды.

[9] *Семенов Н. Н.* Росеия: нолное географическое онисание нашего отечества. СНб., 1903. Т. XVIII: Киргизскнй край. Гл. I–II. См. также: *Murzayev E. M.* How Should One Draw the Geographical Boundary Between Europe and Asia? // Soviet Geography: Review and Translation. 1964. Vol. V, no. 1. P. 15–25.

[10] Очерки истории СССР: нериод феодализма: XVII в. М., 1955. С. 271–276.

вать у себя беглых, в большинстве своем староверов. Попытки колонизации правительством этого региона наталкивались на сопротивление местного населения. Казаки отчаянно сопротивлялись строительству Гурьева городка на Яике. После того, как в 1640 г. его построили, они часто нападали на него и в 1661 г. сожгли все его деревянные строения. Позднее они неоднократно захватывали отстроенный уже из камня Гурьев, но не могли долго удержать его[11]. Кроме того, яицкие казаки вместе с донскими участвовали в 1630 г. в войне с Персией, а в 1669–1671 гг. – в крупном восстании под предводительством донского казака Степана (Стеньки) Разина.

Чтобы ограничить поток беглых из Московии, царское правительство усилило свой контроль над этими землями. С одной стороны, оно формировало из казаков отдельные армейские части и старалось превратить их в пограничников, выделяя им артиллерию, порох, свинец и хлеб, а с другой запрещало казакам укрывать беглых и пыталось провести для этого перепись здешнего населения. Естественно, царские власти, как правило, поддерживали избранных казаками лидеров – атамана и старшину (совет старейшин), и договаривались с ними. Поэтому русскому правительству удавалось успешно обходить казачьи демократические процедуры и иметь своих сторонников, которые, как правило, поддерживали постепенное подчинение казаков царю.

Но слишком откровенное вмешательство властей во внутренние дела казаков вызывало отпор. Казацкие «вторжения» в Московию играли заметную роль в событиях «Смуты» начала XVII в. И при царе Алексее в 1660-е гг., и при его сыне Петре I пятьюдесятью годами позже царское правительство активно забирало в армию беглецов, нашедших убежище у казаков. Это приводило к восстаниям: Разинщине в 1669–1671 гг., когда восставшим удалось на время подчинить Поволжье от Астрахани до Симбирска (современный Ульяновск), и более локальному Булавинскому бунту, бушевавшему на нижнем Дону в 1707–1708 гг. Под предлогом того, что гетман Мазепа поддержал Карла XII Шведского, Петр I в 1709 г. уничтожил ставку казаков на нижнем Днепре. И хотя часть запорожцев нашла прибежище у турецкой границы, они так и не смогли оправиться от этого удара[12].

Этот демарш царских властей привел в 1718–1724 гг. к кризису и

---

[11] *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1954. Т II. С. 249–254. См. также: *Овчинников Р. В.* Гурьевская крепость // История СССР. 1970. № 1.

[12] О восстаниях Болотникова, Разина и Булавина см.: Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966. Гл. I–III; *Mousnier R.* Peasant Uprisings in Seventeenth-Century France, Russia, and China. New York; Evanston, 1970. Pt. II.

среди яицких казаков, хотя их численность была меньшей, чем на Дону или Днепре. Одиако Петру I легко удалось добиться их повиновения: в 1721 г. Коллегия иностранных дел передала яицких казаков Военной коллегни (министерству обороны). В глазах царского правительства они из внешнего образования, с которым приходилось вести переговоры, превратились в одио из его внутренних подразделений. Через два года Военная коллегия провела перспись казаков, чтобы выявить в их рядах беглых[13].

Царское правительство продолжало усиливать политическое давление на казаков и другие степные государства, постепенно интегрируя их в состав России. С донскими казаками это произошло к 1700 г. С этой же целью военные оборонительные «линии» постепенно продвигались от Камы на юго-восток, а Нижнее Поволжье было включено в состав Астраханской губернии[14]. Решительный шаг в этом направлении был сделан в 1730-е гг., когда так называемой Оренбургской экспедицни было поручено обеспечить защиту бассейна верхнего и срсдиего Яика. В результате этого инициированиого правительством рискованного предприятия в 1735 г. был основан первый Оренбург на юго-восточной излучине Яика, где он сливается с р. Орь – отсюда и название города. Одиако это место оказалось неудачным и город еще дважды персносили, пока, наконец, в 1743 г. он окончательно обосновался на слиянни Яика и Самары. За десять лет Оренбург превратился в крупный населениый пункт, административный центр рсгиона и главную торговую точку русской торговли со степияками и купцами из Центральной Азии. Новая крепость с ее гарнизоном регулярных солдат и служнлых казаков, множеством купцов, рсмеслениików и военным губернатором символизировала закрытие границы на Яике[15].

Следствием этого стало окружение яицких казаков правительственными заставами. Оренбургская линия – кордон из приблизительно 23 крспостей и 36 форпостов, расположенных через 15–20 миль по средиему и верхнему течению Яика и далее в Сибирь,

---

[13] *Рознер И. Г.* Яик перед бурей. М., 1966. Гл. I–II.

[14] Иногда слово «губерния» нереводят на английскнй язык как «government» ('нравитсльство, унравление, система нравления'). В XVIII в. губернии были самыми крушными административно-территориальными единицами в Росеии и до губернской реформы 1775 г. состояли из нровинций и уездов.

[15] *Donnelly A. S.* The Russian Conquest of Bashkiria, 1552–1740. New Haven, 1968 (рус. нер.: *Доннелли А.* Завоевание Башкирии Росеией: 1552–1740: страницы истории имнериализма. Уфа, 1995. – *Нрим. пер.*). См. также: *Матвиевский Н. Е.* О роли Оренбурга в русеко-иидийской торговле в XVIII в. // История СССР. 1969. № 3.

выполияла двойную функцию: с одной стороны, защищала государственную границу от набегов казахов, а с другой – изолировала от них непокорные башкирские племена, имевшие с казахами сходство в плане языка и мусульманской религии. В сочетании с Самарекой лннией, простиравшейся на юго-восток от Самары на Волге до Татищевой крепости Оренбургской лннии на Яике (ниже Оренбурга), новая военная граница отделила Урал и центральную Россию от янцких казаков и степных кочевнпков.

Будучи теперь защищенной сетью крепостей, колонизация региона ускорилась. Здешнее население выросло с 108000 «душ мужского пола» (переписчики учитывали только мужчин, поскольку именно последние платили налоги) в 1719 г. до 140000 в 1744 г., когда была образована Оренбургская губерния. В последующие двадцать лет было учтено 236000 мужчин, следовательно, в 1760-е гг. общая численность населения, вместе с женщннами должиа была превышать 500000 человек[16].

Сама колонизация принимала разнообразные формы: государство переселяло на новые земли служилых людей, раздавало имения помещикам, дворянским и недворянским заводчикам, монастырям и церкви. Играла свою роль и частная нниципатива: дворяне, подобно знаменитому деду Сергея Аксакова, переселялись со своими семьями и крепостными на изобильные и плодородные новые земли к востоку от Волги[17]. При содействии правительства или без него, обгоняя экспансию России либо следуя за ней, здесь неожиданно появилось множество беглых. В 1740 г. проведенная властями ревизия 14 местных крепостей выявила наличие в них 2065 «настоящих казаков» на государственной службе, а также их родни – 1567 мужчин и 2343 женщин. Ревизия также показала, что половнна казаков прибыла сюда из Поволжья, а пятая часть – из центральной России. Во многом этот поток был продолжением русского движения на восток, начавшегося в XVI в.

Анализ социального состава иммигрантов показывает, что колоннзаторами оренбургско-яицкой граннцы были в основном (47%) бывшие дворцовые крестьяне, жившие на государственных землях, а свыше 15% – крестьяне духовных учреждений. Лишь 7,6% составляли помещичьи крепостные – контроль над ними был более строгим; в отличие от них государственные и церковные крестьяне, также испытывавшие тяжелый гнет, были все же меньше опутаны повинностями и обладали большей свободой передвижения. Подуш-

[16] *Кабузан В. М.* Народопаселепше Россш в XVIII–первой половше XIX в. М., 1963. Табл. 18. С. 164–165.

[17] См. прелестные воспомшпания С. Т. Аксакова «Семейпая хрошка».

ная подать, рекрутчнна и религиозное преследование были основными причннами побегов. Очевидно, что у свободных крестьян, составлявших более 40% населения, было больше возможиостей для этого.

17,4% переселенцев были казаками из других мест, 6,4% – бывшими жителями солдатских слобод, ямщиками или крещеными инородцами, 4,2% – некрещеными инородцами[18]. И хотя раскольники этой ревизией не учитывались, можио с уверенностью полагать, что они составляли значительную часть беглых[19].

Социальный состав населения молодой Оренбургской губернни не отличался от структуры населения Российской империи, но имел две важиые особенности: здесь было мало дворян и, соответственно, помещичьих крепостных. Когда оренбургское дворянство собралось в мае 1767 г. для выборов депутата в Уложенную комиссию, наказ ему подписали только 14 человек. Семеро из них были отставными военными, четверо – действующими офицерами, а трое – чнновниками. Спустя 15 лет 910 дворян, проживавших в Оренбургской губернни, составляли всего 0,3% ее населения, а их крепостные – менее 13%. Оренбург не являлся ни местом отдыха, нн культурным центром[20].

В 1748 г. яицкие казаки по иннциативе правительства были реорганизованы. Ставшие отныне Яицким Войском, они теперь делились на 7 полков по 508 человек в каждом и управлялись Военной коллегией, которая получила право назначать атамана и провела новую ревизию казаков. Чтобы укомплектовать личным составом Оренбургскую линню, правительство создало в Оренбурге казачьи полки. Одновременно янцким казакам предписывалось построить и обеспечить людьми оборонительную линню по Яику – от Илецкой

---

[18] *Готье Ю. В.* Из псторш передвижения паселения в XVIII веке // Чтения в Обществе псторш п древпостей росепйских прп Московском универсптете. 1908. Кн. 1.

[19] Учет паселения в XVIII в., как пзвестно, пе отличался точпостью, особешо в отношешп релшгиозпой прпнадлежности. Имперское правительство п его придаток, Русекая православпая церковь, быпи едпнственными пнституташ, собиравшими сведения о паселешп, но так как оба опи вели борьбу с расколом, то числешость староверов их пе пнтересовала. Яспо, что опа быстро росла. В середпне XVIII в. раскольшки, вероятно, составляли до 20% всего паселения. В отдалешых райопах, где их концептрация была особешо высокой – па Крайпем Севере, в Средпем п Нижнем Новолжье, па Урале п в Спбпрп – эта доля, возможно, была еще выше.

[20] Наказ Орепбургского дворянства // Сборшк императорского Русекого псторического общества. СНб., 1894. Т. XCIII; *Кабузан В. М., Трощкий С. М.* Измепения в числешости, удельпом весе п размещешп дворянства в Росеш в 1782–1858 гг. // История СССР. 1971. № 4. С. 163, 165.

крепости южиее Оренбурга до Гурьева, что составляло 375 миль. За это Военная коллегия платила им 4100 руб. в год, выдавала 2500 фунтов пороха, соразмерное количество свиица, 9458 бушелей зерна и 325 галлонов водки. Но одновременно правительство ужесточило контроль за казаками: в 1759 г. им было запрещено переходить Яик, то есть государственную границу[21]. Независимость казаков уходнла в прошлое и вхожденне их земель в состав России было делом временн.

Рыбная ловля и доходы

Наряду с русской колонизацией и усиленнем государственного контроля над регионом, соседствующим с аморфной территорией Яицкого Войска, глубокие изменения произошли и в социально-экономической структуре казачества. Из равноправной и независимой общины, жившей войной и грабежом, оно превратилось в разделенных на социальные группы пограничиых торговцев, которых пусть и слабо, но контролировало русское правительство. К середнне XVIII в. население низовьев Яика составляло порядка 30000 человек, а в самом Яицком городке проживало около 15000, причем из них только 4200 мужчнн состояли на службе, а остальные были женщинами и детьми (чтобы отсрочить службу, родители часто заннжали возраст сыновей), различными «татарами», купцами, ремесленниками и беглыми, жившими там незаконно и работавшими по найму[22].

Казачья столица была расположена примерно в 180 милях ниже Оренбурга на правом берегу Яика, вклнниваясь между старицей реки и ее притоком – речушкой Чаган. В Яицком городке имелось примерно 4000 домов. Кроме здания канцелярии (администрации) там было много лавок на узких, извилистых улочках, две недостроенные каменные церкви, деревянная церковь и две часовни (школ и больницы не было). Церковные здания почти не использовались: однн путешественнпк в 1769 г. отмечал, что казаки, «будучи староверцы по большей части, молятся дома». Окружиость города составляла примерно шесть миль, он был защищен глннобитным забором и плетнем. С севера, между Яиком и Чаганом, был устроен ров и брустверс пушками. Из-за крутых речиых берегов необходимости в искусственных фортификациях с остальных трех сторон не было. Земля вокруг города была высокой и ровной, и лишь на западе име-

---

[21] *Рычков П. И.* Топографпя Орепбургская. СНб., 1762. Т. II. С. 61–92.

[22] *Андрущенко А. И.* Классовая борьба ящких казаков пакануне Крестьянской войны 1773–1775 гг. // История СССР. 1960. № 1. С. 145–146.

лись овраги[23].

Наряду с несением службы в крепостях, рыболовство составляло основу яицкой экономики, дополняясь заготовкой соли, охотой, скотоводством, огородничеством, ремеслом и торговлей. В 1752 г. казакам было предоставлено монопольное право на лов рыбы и заготовку соли на Яике, за что онн ежегодно платили империи 10409 руб. Столь огромная сумма свидетельствует, что казачья экономика процветала.

Это было вызвано, прежде всего, сложио организованной системой яицкого рыболовства. Казаки трижды в год выходнли в ннзовья реки на ловлю рыбы – зимой (январь–март), весной (апрель–июнь) и осенью (октябрь–ноябрь). Эпизоднческие мероприятия, проводнвшиеся в декабре, проходнли на мелких речках и степных озерах. Перед началом лова каждый настоящий казак, то есть человек, проживавший в Яицком городке, состоявший на службе и внесший плату в казну, мог приобрести патент (ярлык) у местных властей на право участвовать в багренни. Простые казаки получали по одному ярлыку на человека, атаман – по четыре, главнейшие старшины (например, бывшие атаманы) – по три, остальные старшины и секретари – по два. Кроме того, жены старшин и чиновники канцелярии, два писца, и местное духовенство имели право на однн ярлык. Ярлыки были предметом торга: женщины, священники, старики или увечные казаки часто продавали их незарегистрированным или несовершеннолетним казакам.

Зимнее багренне было самым крупным и приносило наибольший доход, поскольку в этот период огромные стаи рыб шли из Каспия на зимовку в Яик. Выше Яицкого городка путь рыбе преграждала плотина, с помощью которой добывался огромный улов. Знаменитая янкская «красная» рыба, преимущественно осетр и белуга, иногда достигала огромных размеров – более 10 футов длиной и 900 фунтов весом. Приемы рыбной ловли меиялись в зависимости от сезона и разновидности рыбы. Зимой ее ловили в прорубях длинными шестами с железными крючьями на коице – так называемыми баграми. Весной и осенью использовали лодки и сети. Зимняя ловля, разрешавшаяся всем, не была столь строго органнзована, поскольку добытый в ходе нее улов доставался самим рыбакам, а не шел на продажу.

Рыбный промысел был жестко регламентирован. Ловля начиналась в определенное время, объявлявшееся заранее, и на выделенных каждому участках реки. Рыбаки, объедненные в артели, тща-

[23] *Паллас П. С.* Нутешествпе по разпым провпнциям Росепйской пмперпп. СНб., 1809. Кн. I, ч. 1. С. 410–414.

тельно готовились к предстоящему промыслу. Для приобретения необходнмого снаряжения – саней, лодок, сетей, канатов, шестов, крючков, бочек для рыбы и соли требовались немалые средства. А ведь нужио было еще запастись на время промысла продуктами питания и обзавестись огнестрельным оружием для защиты от казахов. Поэтому многие казаки брали деньги в счет будущего улова. Разумеется, атаману, старшннам и другим богатым казакам в этом плане было проще, они не испытывали проблем с экипировкой, могли нанять вместо себя людей, продавали добытую рыбу без посредников, выжидая, когда цена на нее повысится. Кроме того, они вели бухгалтерию Яицкого Войска, поскольку большннство казаков были неграмотными[24].

Эти экономические факторы, вкупе с поддерживаемым правительством правовым иммунитетом правящей старшнны, привели к появленню в начале XVIII в. привилегированной казачьей элиты. Состоящая из атамана и старшины (что-то вроде совета из примерно 20 человек), их родственнников и друзей, эта клика распоряжалась всей хозяйственной и политической жизнью янцкого общества.

Напротив, простой казак был небогат, но независим. С рождения он был вонном, умел скакать на лошадн, одинаково легко владел ружьем, луком, копьем и мечом. К тому же он был взращен на традициях самоуправления посредством «круга» – собрания всех взрослых мужчнн, прннимавшего основополагающие политические решения. Когда казачья элита при поддержке России попыталась усилить свое экономическое влияние, упразднив традиционные институты, такие, как «круг», это привело к расколу Яицкого Войска на две враждебные группировки.

Стороннники атамана и старшин получили название «послушных». Их противников стали именовать «Войском» или «непослушными». Однако иногда «непослушные» казаки, дабы получить какую-то должиость и привилегии, переходнли на сторону элиты.

Подача челобитных

По иронии судьбы противостояние двух группировок переросло в открытый конфликт из-за мелкой ссоры в рядах казачьей элиты[25]. В 1761 г. атаман Сакмарского городка Иван Логинов с целью получения выгоды от рыбного промысла и добычи соли решил вернуться в

---

[24] Там же. С. 422–443; *Рознер И. Г.* Указ. соч. Гл. IV–V.

[25] Дальнейшее описанне казачьих конфлнктов изложено по: *Дубровин П. Ф.* Нугачев и его сообщнкн. СНб., 1884. Т. I. Гл. I-III; *Рознер И. Г.* Указ. соч. Гл. VI–VIII; *Мавродин В. В.* Крестьянская война в Россш в 1773–1775 годах: восстанне Е. И. Нугачева. Л., 1961. Т. I. С. 503–516.

Яицкий городок. Тамошний атаман Андрей Бороднн, сославшись на то, что его коллега не столь знатен, чтобы принадлежать к старшине, отказался удовлетворить его просьбу. Логннов же напомнил, что является сыном старшины, и знатнее Бородина, который был неказацкого происхождения и не избран казаками, а назначен Военной коллегией в чине подполковника русской армии. К тому же Бороднн не пользовался уважением простых казаков: он удерживал их жалованье, заннмался поборами с населения за право ловить рыбу и добывать соль и не отчитывался о бюджетс Войска.

Логннов, назвавшись членом старшины и канцелярии, отправился в Саикт-Петсрбург, в Военную коллегию, чтобы рассказать там о злоупотреблениях Бородина. Но когда после его возвращения в Яицкий городок Бороднн и старшина опять не захотели иметь с ним дело, он обратился к казакам. Логннов убеднл их после весеннего промысла не платить таможенную пошлину на улов до тех пор, пока атаман Бородин не отчитается за фннансы. Бороднн же выставил Логннова возмутителем спокойствия и обвиннл казаков в бунте. Напряженность внутри Яицкого Войска обострилась. Каждая из сторон представила Санкт-Петербургу свою версию этих событий.

В 1762 г., в самом начале царствования Екатернны II, на Яик прибыла правительственная комиссия для расследования сложившейся ситуации. Опасаясь, что принятие мер против элиты может привести к еще большим неприятностям и желая сохранить и усилить контроль над казаками, комиссия, подкупленная старшиной, выступила на ее стороне. Поэтому за финансовые нарушения, выявленные в ходе проверки, никого не наказали. Атаман Бородин был отстранен от должиости, но остался на свободе, а Логинова и его сторонников арестовали. Главного бунтовщика сослали в Тобольск (Западная Сибирь), а 40 «непослушных» казаков были биты палками и отправлены служить в далекий Гурьев. Власти также попытались назначить преемннком Бороднна выходца из старшины.

В 1767 г. из Оренбурга в Яицкий городок для восстановления порядка прибыл генерал Черепов. Под присмотром солдат «кругу» было предложено выбрать из числа старшнн атамана. Когда казаки отказались это сделать, солдаты открыли по ним огонь. Казаки бросились наземь, но вторым залпом трое из них было убито и шестеро ранено. Затем, чтобы заставить людей признать свою «вину» и поклясться, что онн больше не будут бунтовать, Черепов вынуднл их провести зимнюю ночь на улице. На следующий день они дали письменную клятву. Тем не менее, генерал попросил оренбургского губернатора срочно прислать подкрепленне. Было ли оно отправлено, неизвестно, но по Яицкому городку поползли слухи, что солдаты, потсряв от жестоких морозов 334 человека, повернули обратно. Так

или нначе, вскоре на смену Черепову прибыла новая комиссия. То, что генерал применил силу, означало, что противостояние будет продолжаться.

Тем временем казаки послали в Военную коллегию делегацию во главе с Петром Герасимовым, чтобы пожаловаться на действия Черепова. Ее глава, граф Захар Чернышев, отказав в удовлетворенни жалобы, приказал Герасимову и сопровождавшим его лицам вернуться на Яик и прекратить смуту. Но казаки сумели вручить свою жалобу самой императрице. Екатернна поручила провести расследование. Она отправила в Яицкий городок гвардни капитана Чебышева, чтобы тот временно возглавил Яицкое войско до избрания атамана. Чебышеву также было поручено отстранить и оштрафовать старшнн, виновных в растрате денежиых средств. В секретной ннструкции императрица обязала Чебышева найти зачинщиков беспорядков и под каким-нибудь предлогом арестовать их. Чебышев и Герасимов сотоварнщи прибыли в Яицкий городок в августе 1767 г.

В отличие от предшественников, Чебышев приобрел уважение казаков, поскольку признал старшин виновными в фннансовых злоупотреблениях и предложил уменьшить налоговое бремя. Ему удалось добиться мира и выбрать новым атаманом Петра Тамбовцева.

Однако Тамбовцев вскоре перешел на сторону старшины. Он не стал штрафовать внновных старшин, оставил их на своих должиостях, отказался платить жалованье казакам и отчитываться по бюджету. Короче говоря, ннчего не изменнлось.

На обострение напряженности повлиял и внешний фактор. Попытки правительства отправить казаков на русско-турецкую войну, начавщуюся осенью 1768 г., спровоцировали новый кризис. В 1769 г. казаков возмутило, что власти прислали им вместо пороха и свиица готовые заряды в бумажиых патронах, которые не годнлись к их мушкетам. Казаки усмотрели в этом попытку ввести у них солдатские фузеи, а, следовательно, приравнять их к регулярной армии. Казаки хотели нести военную службу по-своему. Напротив, регулярная армия состояла из офицеров-дворян, которые после 1762 г. шли служить добровольно, и бывших государетвенных крестьян или помещичьих крепостных. Иными словами, армия была слепком с тогдашнего общества. Для солдата срок службы составлял 25 лет, что, учитывая тогдашнюю продолжительность жизни и более высокую смертность в армии, означало всю жизнь. Регулярная армия с ее подчннением и крепостным правом для свободных и гордых казаков была проклятием.

Когда в том же году Военная коллегия приказала казакам отправиться на службу в Кизляр, стратегически важную крепость на Кавказе, «непослушные» отказались сделать это. Они напомнили, что

не являются солдатами, и что казаки, служившие в Кизляре, не призывались туда, а нанимались. Когда Тамбовцев насильственно все же отправил на службу требуемое число людей, они по дороге сбежали.

Последнний удар пришелся на 1770 г., когда Военная коллегия приказала казакам предоставить людей для недавно сформированного Московского легиона. Привыкшие служить в самостоятельных иррегулярных комаидах, казаки решительно отказались выполнять это предписание, тем более что они должиы были предоставить 334 человека – ровно столько, сколько вроде бы погибло от мороза по пути из Яицкого городка до Оренбурга тремя годами ранее. Все, и в том числе атаман Тамбовцев со старшннами, выступили против этого, особенно из-за того, что солдат должиы были побрить, а это противоречило обычаям староверов. Печаль по этому поводу отразилась в песне «Яицкие казаки бьют челом императрице», в которой онн слезно умоляют не посылать их в «легион»; выслушав казаков, императрица «прощает» им «грехи» и освобождает от этой тяготы[26]. На самом деле не все было так гладко.

Позже «непослушные» казаки отказались преследовать волжских калмыков, в 1771 г. порвавших с Россией и ушедших через оренбургско-яицкую границу в Китай; с ними ушли 200 яицких казаков.

«Непослушные» продолжали искать правду в столице империи. В 1771 г. Иван Кирпичиников и 23 казака решили вновь вручить челобитную императрице. Яицкая Канцелярия и представители Екатерины II в Яицком городке – генерал Давыдов и капитан Дурново – не поддержали это, не разрешили казакам собраться в доме братьев Толкачевых и блокировали улицы вокруг здания Канцелярии.

Казаки требовали, чтобы Дурново исполнил предыдущие «приказы». Однако Дурново и Траубенберг считали, что для рассмотрения жалоб казаков те должны прекратить вражду.

Развязка наступила 13 января 1772 г. Под руководством Ивана Кирпичиикова, Афанасия Перфильева и Максима Шигаева «непослушные» казаки решили идти к зданию Каицелярии для решения своих проблем. Во главе со старообрядческим священннком, с женщинами и детьми, с иконами они двинулись в путь. Многие из них были хорошо вооружены. У Канцелярии, которую охраняли 200 солдат и «послушных» казаков, они были встречены сначала предупредительным выстрелом, а затем залпом артиллерии. Свыше 100 человек было убито и множество ранено. Людей объял ужас. Некоторые из них залезли на крыши и стали обстреливать из ружей

[26] Исторические песни XVIII века. Л., 1971. С. 241–242.

артиллеристов. Остальные пошли в атаку на пушки, захватили их и повернули против врага.

В ожесточенном бою погибли генерал Траубенберг, атаман Тамбовцев, несколько старшин и множество солдат. Старшина потсряла 40 человек убитыми и 20 ранеными, средн последних был капитан Дурново, которого спасло от смерти лишь заступннчество Максима Шигаева. «Непослушные» казаки разграбили дома и имущество старшнн, их самих избили и посадили под караул, а документы комиссии уничтожили.

Подавление бунта

Захватив власть, «непослушные» казаки не знали, что делать дальше. Часть из них выступала за полный разрыв с Россией, но большинство высказалось лишь за восстановленне независимости. Победители не смогли договориться о составе новой старшины и поэтому в теченне последующих трех месяцев ее состав несколько раз меиялся. Радикалы требовали расправы над заключенными в тюрьму старшннами и убили двоих из них. Умеренные же попросили капитана Дурново, как представителя императрицы, одобрить новый состав старшины. Онн также составили длинную челобитную на имя Екатерины и отправили ее в Санкт-Петсрбург с Максимом Шигаевым, Михаилом Кожевниковым и двумя казаками. Кроме того, умеренные не допустили казни сидевших в тюрьме Мартемьяна Бороднна и его соратников, отпустили захваченных солдат и офицеров в Оренбург и искали поддержки у оренбургского генерал-губернатора Ивана Рейнсдорпа, отправив ему вместе со своим обращеннем рыбу и икру.

Разногласия не позволили казакам противостоять правительству. Власти Санкт-Петсрбурга решили раз и навсегда расправиться с бунтовщиками. Империя послала генерала Фреймана и команду солдат из Москвы с приказом занять Яицкий городок и ввести в нем прямое военное правление.

В конце мая 1772 г., едва спал паводок, генерал Фрейман направился из Оренбурга в Яицк. У него было 2500 солдат, 1100 оренбургских казаков и ставропольских калмыков, 20 пушек и передвижиых загражденнй. Бунтовщиков охватила паника. Следует ли им сопротивляться Фрейману? Или начать с ним переговоры? Или бежать в степь? У многих мятежиików не было ружей и лошадей. Часть их осталась дома, некоторые перешли к Фрейману. Но большинство казаков решили сражаться и выбрали Ивана Пономарева, Василия Трифонова и Илью Ульянова комаидовать отрядом из 3000 человек.

Сраженне состоялось 3–4 июия 1772 г. у реки Ембулатовки, в

40 милях севернее Яицка. Растерянные, разрозненные, неподготовленные и неуверенные, казаки не могли противостоять Фрейману и вернулись в Яицкий городок, думая уйти из него вообще. Но 6 июия Фрейман взял его в кольцо. Хотя лидеры «непослушных» Кирпичников, Трифонов и Ульянов сумели уйти в степь, их вскоре поймали.

Фрейман упразднил «круг» и яицкую адмннистрацию, заменив их военным правительством полковннка Ивана Симонова. Мартемьян Бородпн и Иван Тамбовцев (брат убитого атамана) стали его помощиками. 86 зачинщиков бунта были отправлены в Оренбург для проведения расследования, а в Яицком городке многих казаков арестовали. Только 53 «непослушным» казакам, в том числе Афанасию Перфильеву, удалось скрыться в степи.

Накануне своего возвращения в Оренбург в августе 1772 г. генерал Фрейман оставил подробные распоряжения полковнику Симонову. Ему предписывалось следить за настроениями казаков с помощью шпионов и местных священников, для проведения собраний теперь требовалось разрешение, привычиый колокольный звон заменили барабанным боем, несколько жилых кварталов возле Канцелярии подлежали сносу, а постоянный гарнизон Яицкого городка увеличивался до 800 солдат.

После отъезда Фреймана полковннк Симонов, командир гарнизона Карл фон Билов и старшина Бородин прииняли дополнительные меры. Симонов распределил казаков на 10 полков по 538 человек в каждом и ввел для них должиости, существовавшие в регулярной армии. Для присмотра за казаками Билов расквартировал в каждом «непослушном» дворе как минимум двух солдат. Тем временем Бородин и другие «послушные» казаки попытались вернуть отнятое у них имущество, предъявили участникам бунта счет за убытки и попросили вновь разрешить им направлять делегации в столицу.

А пока правительственная комиссия в Оренбурге расследовала недавний бунт. Оренбургские тюрьмы были переполнены. Опасаясь ареста и пыток, многие казаки скрылись. Следствие шло с лета 1772 г. до следующей весны. Было вынесено 54 смертных приговора, Рейнсдорп предложил сократить их до 26, но Екатерина по своему обыкиовению смягчила наказанне еще больше. 16 главных подстрекателей бунта приговорили к битью кнутом, клеймению, вырыванию ноздрей и вечиой каторге в Сибири, 38 ранее приговоренных к смертной казнн подлежали наказанию кнутом и высылке с семьями в Сибирь, 30 человек после битья плетьми отправили в сибирские гарнизоны. 2461 бывшим «непослушным» казакам предписывалось дать новую клятву в верности императрице и выплатить «послушным» 36756 руб. компенсации. Все скрывшиеся казаки должны бы-

ли вернуться в теченне трех месяцев, в противном случае с ннми было обещано поступить по «всей строгости закона».

Приговоры были публично приведены в исполнение в Яицком городке 10 июля 1772 г. В тот же день 144 осужденных вместе с семьями отправились в Сибирь. Среди них были Иван Кирпичиков, Василий Трифонов и Илья Ульянов. Ивана Логинова, первого руководителя «непослушных», сослали с семьей в Иркутск. Другого их лидера, Максима Шигаева, за спасение жизнн капитана Дурново простили и разрешили ему остаться в Яицком городке.

Однако недовольство яицких казаков усилилось. На всех, даже не участвовавших в бунте, был наложен тяжелый штраф. Поскольку большинство их во время бунта не занимались ловом рыбы, полковннку Симонову удалось собрать лишь 12000 руб. Доведенные до отчаяния, многие казаки вынуждены были бежать.

Триумф Оренбурга над Яицким городком, самодержавия над общинной автономией, казался полным: казачьи традиционные политические институты и их лидеры были ликвидированы, было введено прямое военное правление и установлен строгий контроль. Теперь поднять новый бунт было трудно, однако уже через два месяца он вспыхнул вновь.

Глава II

«АМПЕРАТОР» ПЕТР ФЕДОРОВПЧ

Многие из зачннщиков нового восстания происходнли из тех 53 казацких бунтовщиков, которых Фрейман не смог в свое время поймать. Видной фигурой средн них был Иван Зарубнн (по прозвищу «Чика»), кузен братьев Толкачевых, сыгравших большую роль в январеком бунте 1772 г. Он действовал вместе с Тимофеем Мясниковым и братьями Закладновыми. Все они оказали активное сопротивленне экспеднции Фреймана и разыскивались как руководители бунта. Царская следственная комиссия приказала конфисковать имущество бунтовщиков, лиц старше 15 лет выпороть и отправить на службу в армию, а зачинщиков в случае поимки повесить. Кроме того, множество казаков бежало из Яицкого городка, чтобы не платить штраф. Остальные, подобно Максиму Шигаеву, остались в городке, но надеялись на восстановление традиционных прав казаков. Хотя «недовольные» были разобщены и не имели общих целей, они единодушно не принимали пророссийскую адмннистрацию Яика и были уверены, что при первом удобном случае большннство казаков поддержит их. Но прежде всего им был нужен лидер. И он неожиданно появился.

Одиссея беглеца

Емельян Иванович Пугачев впервые побывал в Яицком городке в ноябре 1772 г. Уроженец Дона, он оказался у яицких казаков только после многих невероятных приключенний. В то время ему было примерно 30 лет. Точная дата его рождения неизвестна[27], но наиболее вероятным представляется 1742 г. Происходил Пугачев из станицы Зимовейской, роднны Степана Разина.

Сын простого казака и младший из четырех его детсй, юный Емельян, очевидно, вырос в православной среде (позже на допросах

[27] См. протокол допроса Нугачева в Москве: Восстаппе Емельяпа Нугачева: сборшк документов. Л., 1935. С. 91–179; более псправпая публпкацпя: Следствпе п суд пад Е. И. Нугачевым // Вопросы псторш. 1966. № 3. С. 124–138; № 4. С. 111–126; № 5. С. 107–121; № 7. С. 91–109; № 9. С. 137–149. Далее эти пздашя будут цитироваться соответетвешо как «Восстаппе» п «Следствпе».

он утверждал, что никогда не был старовером), не знал грамоты, помогал в поле отцу, а в семнадцатилетнем возрасте был записан на военную службу. Через год он женился, но вскоре ушел на Семилетиюю войну России с Пруссией, где служил под началом графа Захара Черныпева, царекого генерала, который на время взял Берлин, а впоследствии возглавил Военную коллегию в Санкт-Петербурге. Этот надменный дворянин не мог догадываться, что находящийся под его началом молодой казак в однн прекрасный день станет причиной его отставки с должиости президента Военной коллегии. За «отличную проворность» Пугачева назначили орднарцем казачьего полковника. За потерю полковничьей лошадн во время ночиой тревоги он был бит плетьми[28].

После неожиданного для России завершения войны Пугачев в 1762 г. вернулся в Зимовейскую и провел семь лет то дома, то в различиых служебных поручениях. Например, в 1764 г. он отправился в составе казачьего корпуса в Белоруссию (находившуюся тогда под властью Польши) ловить крепостных и раскольников, бежавших из России. Тем временем у Пугачева родились сын и двое дочерей, еще двое детей умерли в младенчестве[29]. После начала в 1768 г. войны с Турцией он сражался в рядах русской Второй армии под комаидованнем графа Петра Паннна в северо-западном Причерноморье, не предполагая, что вновь встретится с Панннным через четыре года, но уже при других обстоятельствах. За военные заслуги и боевой опыт Пугачева произвели в хорунжие (примерно соответствует командиру роты). Он участвовал в кровопролитной осаде и штурме Беидер – турецкой крепости в низовьях Днестра. Здесь у него впервые проявился талант фантазера: поскольку ему «отличиым быть всегда хотелось», он хвастался перед своими товарищами, что его сабля подарена за то, что он был крестником Петра I[30].

Как и многие его сослуживцы, в 1770 г. Пугачев тяжело заболел. Ужасная эпидемия чумы разразилась в тот год на Дунае, заразила русскую армию и позже попала в Россию, где летом и осенью 1771 г. опустошила Москву и ее окрестности, унеся в могилу примерно 100000 человек. Поскольку «гнили у него грудь и ноги», Пугачев попросился домой. Однако выздоровление шло так медленно – кажется, отчасти он сам тянул время, хотя болезнь оставила на его груди шрамы – что ему пришлось нанимать себе замену после окончания своего отпуска. Он стал добиваться окончатель-

---

[28] Восстанпе. С. 91–92; Следствпе. № 3. С. 132.

[29] Свидетельство жепы Нугачева Софьп см.: *Пушкин А. С.* Нолпое собранпе сочипешй. Л., 1938. Т. IX, ч. 1. С. 107–108. Нервое пзданпе «Историш Нугачева» – 1834 г.

[30] Следствпе. № 5. С. 115.

ного увольнения, но зная о его боевом опыте, ему отказали, порекомендовав подлечиться в лазарете. Однако Пугачев, зная, какая там царит смертность, решил выздоравливать дома.

После выздоровления ему снова бы пришлось отправиться на войну, вновь рисковать жизнью и быть разлученным с семьей, а длительное лечение означало скуку и потерю дохода. Поэтому был только один путь – побег.

Зять Пугачева Симон Павлов, служивший в корпусе донских казаков в Таганроге, на Азовском море, уговорил его присоединиться к группе недовольных казаков, бежавших на Терек. Многие таганрогские казаки ненавидели свою службу. Командовали ими офицеры регулярной армии и, подобно яицким казакам, донские боялись, что это уничтожит их независимость. Пугачев помог беглецам уйти за Дон, однако сам вернулся домой. Но казаки заблудились и вернулись в Зимовейскую. Там их арестовали за дезертирство и нелегальный переход государственной границы, и на допросе Павлов сказал, что Пугачев тоже хотел сбежать. Боясь ареста, Пугачев скрылся в степи. Так он стал беглым[31].

* * *

Когда у Пугачева закончилась провизия, он вернулся домой, был схвачен, но через 48 часов сбежал – первый раз в жизни. Он направился к терским казакам, куда прибыл в начале января 1772 г. Шесть недель пребывания Пугачева на Северном Кавказе покрыты тайной, он не рассказывал об этом и на следствии. Однако есть данные, что он сразу же стал участвовать в борьбе здешних казаков за свои права. Они выступали против попыток царской администрации платить вновь прибывшим жалованье меньше, чем «исконно» терским казакам. Пугачев вызвался доставить их челобитную в Военную коллегию в Санкт-Петербурге, но вновь попал в руки властей. Его допросили, заковали в кандалы и бросили в тюрьму. Однако 13 февраля 1772 г. он сбежал вместе с охранником. Вернувшись в Зимовейскую, он вновь был там арестован[32].

Пугачева отправили для проведения следствия в столицу донских казаков Черкасск. В пути он встретил старовера Лукьяна Ивановича Худякова, с которым служил в Пруссии, и попросил за плату взять его на поруки. Худяков получил на это разрешение от властей и прислал своего сына для сопровождения сослуживца, однако Пугачев сбежал. Худякова выпороли.

---

[31] Восстание. С. 93–99; Следствие. № 3. С. 133–134.

[32] Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Пугачева. Л., 1966. Т. II. С. 75–77.

Беглец шел на северо-запад через поселения украинских староверов. Скрываясь у них и притворяясь раскольником, Пугачев продолжал свой путь. Староверы помогли ему в восстановлении документов. Не под их ли влияннем он стал ненавидеть существующие порядки?

Раскольники помогли Пугачеву добраться до Ветки – старообрядческой слободы на польской границе. Он представился русским погранничникам старовером из Польши, мечтающим вернуться на родину по амннстии, объявленной несколько лет назад властями. Эта мера должиа была приостановить побеги и содействовать колоннзации внутренних земель, поскольку репатрианты становились государственными крестьянами и сами выбирали, где им жить. Отсидев шесть недель в карантине – власти опасались повторения эпидемии чумы 1770–1771 гг. – он 12 августа 1772 г. получил в Добрянском форпосте паспорт, предполагая поселиться в Малыковской волости[33] в низовьях Волги. Эти места ему рекомеидовали раскольннки. Они даже обеспечили Пугачеву встречу со своим знаменитым «старцем» Филаретом, бывшим московским купцом, жившим в ските возле Мечетной слободы[34].

Мечетная слобода[35] на р. Большой Иргиз, восточном притоке Волги, находнлась рядом с землями яицких казаков. Торговля – главным образом, рыбой, а также общиость веры и стремление к свободе (яицкие казаки были в основном староверами и Иргиз, подобно Яику, был излюбленным местом пребывания беглых) связывали эти две территории. Участники яицкого бунта, непокорные казаки искали себе атамана. Вероятно, здесь или еще на Кавказе Пугачев впервые узнал подробности о событиях 1772 г. в Яицком городке. В любом случае его пребывание в Мечетной позволяло ему находиться вблизи от Яицкого городка и давало возможиость узнавать о положении казаков из первых рук.

Незабвенной памяти император

Теперь возникает вопрос, зачем Пугачев посетил Яицкий городок. Почему он связал себя с непокорными казаками? Как он стал самозванцем?

Пугачев был незаурядной личиостью, неугомонным, очень энергичиым и сообразительным, хитрым и умеющим убеждать людей человеком. Иначе как объяснить его неоднократные побеги и уменне входить в доверие к людям? Видимо, он был также очень тще-

---

[33] Современшый Вольск.

[34] Восстанше. С. 97–110; Следствпе. № 3. С. 134–135.

[35] В 1918 г. перепмепована в г. Нугачев.

славен и поэтому нередко прибегал к хвастовству.

В ходе своих многочисленных скитаний Пугачев узнал жизнь «черни» (так в России называли низы общества). Он общался с беглыми казаками, преследовавшимися за сопротивление попыткам сделать их частью регулярной армии, порядки которой он познал на себе. Он видел отношенне к раскольникам, тяжелую жизнь крепостных крестьян и городских ннзов. Пугачеву часто приходнлось сталкиваться с двумя качествами царских чнновников: алчиостью и жестокостью. Будучи свободным донским казаком, самоуверенным и гордым, знавшим военное дело и желавшим прославиться, Пугачев возмущался этими порядками. Он, кажется, мечтал о подвиге. Хотя его родной Дон был своеиравен и находнлся в конфликте с центральной властью, уже сотрясавшем яицких казаков, Пугачеву было хорошо известно, как власти этой страны добивались своих целей. Клокочущий Яик давал идеальную возможиость для осуществления его планов.

Общение Пугачева со староверами, видимо, лишь усилило его недовольство имперекой властью. Очевидно, Пугачев не был религиозным фанатиком и старовером. Тем не менее, он научился у раскольннков скрываться от властей. Несмотря на внутренние расколы и упадок воннственности в последние десятилетия, староверы все еще составляли самую крупную в России антигосударетвенную социальную группу с мощной идеологией. Кроме того, общенне Пугачева с раскольниками облегчало его контакты с яицкими казаками. Очевидно, Филарет предложил ему посетить Яицкий городок, что он и сделал в конце 1772 г.

Мысль назваться Петром III, вероятно, пришла в голову Пугачеву еще до посещения Яицкого городка. В то время в Нижием Поволжье уже были такие прецеденты: весной 1772 г. Федот Богомолов, беглый крепостной и солдат-дезертир, провозгласил себя в Дубовке на Волге, севернее Царицына, Петром III[36]. В июне 1772 г. его схватили и посаднли в царицынскую тюрьму. Став причиной волнений в городе, он сбежал, но был опять схвачен, бит кнутом и сослан на каторгу в Сибирь, однако умер в пути. Слухи об этом распространились по всему Поволжью, дошли онн и до Пугачева[37].

Богомолов был ярким представителем плеяды лже-царей, известных по русской истории и фольклору. Начиная с первого Лжедмитрия начала XVII в., не было нн одного десятилетия без появления слухов об уже состоявшемся или приближающемся «возвращении» «подлинного царя» и «спасителя» народа, который, будучи

[36] Современный Волгоград, ранее Сталинград.

[37] *Дубровин П. Ф.* Указ. соч. Т. I. С. 118–131.

изгнанным с престола дворянами, долго «скитался» и теперь решился вернуть трон и создать справедливое царство. За 10 лет, прошедших после смерти в 1762 г. Петра III, было известно как мнним мум о десяти его воскрешениях. В массовом сознании, особенно средн ннзов, Петр III воспринммался как добродетельный правитель, хотя на самом деле таковым не был. Такие представления сложились еще до его краткого правления (декабрь 1761 г. – июнь 1762 г.). С тех пор как бездетная императрица Елизавета в 1742 г. официально провозгласила Петра наследником престола, у народа было время, чтобы сформировать в своем сознании образ «избавителя» от гнета. В 1747 г., например, одного крестьянина арестовали за распространение «крамольных писем» о подготовке дворянами заговора с целью свержения великого князя. Через два года некий мужчина приблизился к Петру Федоровичу во время его подмосковной охоты и предложил поднять народ в его поддержку. Иные крестьяне ругали «бабье» правление Елизаветы и ее фаворитов, хваля, явно или нет, великого князя.

Петр III смог породить в простых людях утопические надежды, не успев при этом их разочаровать. Как и положено легеидарной личиости, он исчез при загадочных обстоятельствах в результате дворянского заговора. Некоторые его нниициативы воспрннимались массами как сделанные во их же благо: он лишил церковь земли, а ее крестьян передал государству, отменил ужасную тайную политическую полицию, запретил недворянам покупать государственных крестьян и крепостных, смягчил преследованне староверов, а добровольно вернувшихся из-за граннцы раскольннков простил, освободил дворян от обязательной государственной службы, что некоторыми крестьянами рассматривалось как подготовка к отмене крепостного права. Крепостное право, до сих пор оправ-

Император Петр III

дываемое существованием иерархии социальных «орденов» и компенсацией за службу самодержавному государетву, в глазах крестьян становилось бессмысленным после освобождения дворянства от нее.

Слухи о готовящейся отмене крепостного права получили особенно широкое распространенне в конце 1760-х гг., в связи с деятельностью созданной Екатериной в 1767 г. для обеуждения реформ Уложенной Комиссии. Благосклонность императрицы к дворянам и ее равнодушие к крепостным крестьянам подчеркнул изданный накануне указ, запрещавший крепостным жаловаться на своих господ непосредственно императрице. Помещичьи крепостные не участвовали в работе Комиссии (предполагалось, что их интересы будут представлять их владельцы). Напротив, государственные крестьяне, казаки, нерусские народы и другие группы свободного населения прислали своих делегатов. Если вопрос о крепостном праве был затропут депутатами лишь вкратце, то претснзии дворянства на исключительные права в качестве привилегированного «сословия» были в центре внимания комиссии. Новости о ее работе доходнли до крестьян, что ннногда приводнло к волнениям. Эти беспорядки могли освящаться именем Петра III, считавшегося противннком дворянского правительства Екатернны.

К тому же известная вражда между Петром III и его женой в сочетании с внезапным свержением и таинственной смертью императора вызывали у большинства простого народа сочувствие к покойнику как невинной жертве «злых бояр». Массы наделяли Петра III качествами «правильного царя», в которого они искренне верили, противопоставляя ему нелегитимную, избранную дворянами иностранку и бабу.

Все это было причнной появлений, и всегда на окраинах страны, самозваных императоров из крепостных, беглых солдат, казаков, раскольников и мелких однодворцев. Царь олицетворял еднпство и социальную справедливость в форме, понятной неграмотной массе. Кроме того образ монарха в народном сознании был аморфным и неоднозначным, что облегчало восприятие Петра III в антигосударственном и антидворянском ключе. Уже к 1764 г. появилось нескольких самозванцев, взявших его имя. Позднее о них заговорили на Урале, в Западной Сибири и под Оренбургом. Поэтому, называя себя Петром III, Пугачев как бы надевал на себя вторую ипостась и превращался в харизматическую личиость, что могло иметь общегосударетвенные последствия[38].

---

[38] О самозванцах см.: *Сивков К. В.* Самозванчество в Росеш в последпей трети XVIII в. // Исторические записки. 1950. Т. XXXI; *Чистов К. В.* Русские народные соцпальпо-утопические легсиды XVII–XIX в. М., 1967. Гл. 1, особепно с. 136–147. Также см.: *Raeff M.* The Domestic Policies of Peter III and His

Заговор и тюрьма

В ноябре 1772 г. под видом торговца рыбой Пугачев присоединнлся к одному староверу, шедшему в Яицкий городок. Остановившись примерно в 40 милях от казачьей столицы в уметс Степана Оболяева, отставного солдата по прозвищу Еремина Курица, он узнал от него о казачьих недовольствах и поинтересовался, не захотят ли казаки бежать с ннм на Кубань, подобно атаману Некрасову после подавления Булавнинского восстания в 1708 г. Оболяев свел Пугачева с братьями Закладновыми, яицкими казаками, скрывавшимися в степи от властей. Онн подтвердили, что в Яицком городке сложилась напряженная ситуация и сообщив, что ранее уже хотели бежать в персидский Астрабад, поддержали предложение Пугачева об уходе на Кубань. Пообещав ему помалкивать, Закладновы вернулись в свое степное убежище. Пугачев же направился в Яицкий городок, куда прибыл 22 ноября 1772 г. и поселился у Дениса Пьянова, казака и старовера.

Притворившись богатым купцом, Пугачев решил разузнать о настроениях средн населения из бесед с Пьяновым и ежедневных посещений базара. Зоидируя обстановку, он спросил у своего хозяина, убежали ли бы казаки с ним в Турцию, если бы он заплатил каждой семье по 12 руб. Пьянов уверил своего квартиранта, что казаки с удовольствием уйдут из захваченной правительством своей столицы. Пугачев поиял, что они готовы к бунту.

На свой следующий шаг – принятие именн Петра III – Пугачев решился после долгих раздумий. Когда Пьянов рассказал о казненном в Царицыне самозванце, его гость стал уверять, что «Петр Федорович» до сих пор жив, а «вместо его замучили другого». Когда Пугачев увидел, что его хозянн поверил ему, то признался, что он сам и есть Петр III. Пьянов же решил сообщить об этом надежиым казакам. Те согласились «принять» его как вождя. Было решено, что Пугачев вернется в Яицкий городок примерно через месяц, после Рождества, когда казаки соберутся на зимнее багренне и признают его своим царем.

В конце ноября Пугачев со своим компаньоном ушел из Яицкого городка, вновь побывал у Оболяева и направился в Мечетную слободу. Там они переправились через р. Малыковку, намереваясь продать рыбу, купленную в Яицке. Но спутник Пугачева выдал его властям, обвиннв в подготовке побега янцких казаков. Хотя Пугачев отрицал это, объясняя, что спьяну просто рассказывал об уходе Не-

---

Overthrow // American Historical Review. 1970. Vol. LXXV, no. 5.

красова за 64 года до этого, его отправили в Симбирск, а оттуда в Казань, куда он был доставлен в январе 1773 г.[39]

Пять месяцев Пугачев провел в казанской тюрьме. Поскольку тамошний губернатор Якоб фон Брандт принял все разговоры Пугачева за пьяную болтовню неграмотного казака, он в конце марта предложил Сенату наказать Пугачева кнутом и выслать его в Сибирь. Екатерина это одобрила. Браидт получил распоряжение императрицы 3 июия, через четыре дня после исчезновения Пугачева.

В четвертый раз за последние 15 месяцев Пугачев бежал из заключения. На этот раз ему помогли староверы. В казанской тюрьме Пугачев сошелся с двумя торговцами-раскольниками, знавшими Филарета. Решив, что узник сидит «за крест и бороду» (старую веру), они передали ему милостыню и, очевидно, подкупили местных чиновников, чтобы те одели на него легкие оковы и разрешили ходить по городу, прося подаяние. В компании с разорившимся алатырским купцом Парфеном Дружининым и охранником тюрьмы Григорием Мищенко Пугачев 29 мая 1773 г. сбежал.

Эта троица тщательно разработала план бегства. Им разрешили посетить на окраине Казани священнослужителя, но в сопровождении еще одного солдата. Дружинин поручил своему сыну ожидать их с закрытой телегой (кибиткой). Напоив солдата в доме священника, они посадили его в кибитку, отъехав на приличное расстояние, высадили, а сами поехали дальше на восток, переправились через Каму и там расстались. Пять недель Пугачев прожил в селе Сареасы у старовера Каидалинцева, с которым познакомился в Казани.

Тем временем казанский губернатор, не придав значения побегу узников, не стал информировать нарочным Военную коллегию, управлявшую тогда всеми казаками, а отправил свое письмо обычной почтой. В Санкт-Петербург оно пришло только 8 августа, и хотя граф Чернышев сразу же приказал администрации Дона и Яика найти беглеца, было уже поздно: Пугачев шел в Яицкий городок[40].

Казацкий надежа-государь

Он прибыл в умет Оболяева в начале августа 1773 г., опоздав на семь месяцев. Однако почва уже была сдобрена слухами, спровоцированными предыдущим визитом Пугачева, историей с самозванцем, схваченным в Царицыне, и недовольством казаков расправами, осуществленными в Яицке за месяц до этого. Многие из «непослушных» казаков были готовы пойти за самозванцем против старшин и

---

[39] Восстание. С. 111–114; Следствие. № 3. С. 135.

[40] О Пугачеве в Казани см.: Следствие. № 3. С. 136–138; №. 5. С 112–113; *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. Л., 1938. Т. IX, ч. 2. С. 723–746.

правительства.

Пугачев убеднл Оболяева, что он является спасшимся от смерти Петром III, продемонстрировав шрамы на груди и сказав, что это «царекие знаки» (другие самозванцы поступали также: очевидно, рубцы в народном сознанин связывались со «святостью» царя)[41]. Оболяев пригласил Григория Закладнова встретиться с долгожданным гостем. Закладнов вновь поговорил с Пугачевым и понял, что он всерьез взяться за дело и вернулся в Яицкий городок распространять его призыв. Казаки послали Дениса Караваева и Сергея Кунишникова поговорить с «царем». В беседе с ними Пугачев обязался вернуть Яицкому Войску его былые свободы. Казаки пообещали признать его Петром III, исполнять его приказы и принять его «с радостью». Караваев и Кунишников сообщили это в Яицкий городок, и оттуда к Пугачеву стали приходить все новые и новые казаки.

Пугачев внешне и по говору являлся донским казаком, обладал природной смекалкой и хитростью, но не получил образования и не умел ни читать, ни писать. В описании Пугачева, составленном 24 июля 1773 г. для его поимки, указывалось, что ему «с небольшим сорока лет», хотя на самом деле ему был тогда примерно 31 год (реальному Петру III было бы 45 лет). Кроме того, сообщалось, что Пугачев «волосом темнорус» и у него «от золотухи на левом виску шрам, да от золотухи же ниже правой и левой титек две ямки, росту дву аршин четырех вершков с половиной»[42]. Покойный император был совсем не такой, но заговорщиков это не очень-то волновало.

Несмотря на общую неудовлетвореиность «непослушных» ситуацией в Яицком городке, они были расколоты и нерешительны. Одни все еще надеялись на милость императрицы, другие полагали, что самозванца можно использовать для оказания давления на правительство, а потом, выдав его, получить награду. Третьи хотели воспользоваться новоявленным «царем», чтобы с его помощью поднять новый бунт. Выразители умереиных взглядов послали двух казаков, Дениса Караваева и Максима Шигаева для переговоров с Пугачевым. Радикальные круги направили к нему Ивана Зарубина (Чика) и Тимофея Мясникова. Когда они приехали к Оболяеву, Пугачева там не оказалось, он вместе с хозяином умета уехал в Мечетную слободу искать грамотных людей из староверов на Иргизе, которые бы вели его переписку. Но около Мечетной путников опознали; Оболяева схватили, пытали и бросили в тюрьму, а затем сослали

---

[41] *Троицкий С. М.* Самозванцы в России XVII–XVIII веков // Вонросы истории. 1969. № 3. С. 141, 143.

[42] *Луппов П. П.* К истории пугачевского движения в нравобережье Камы (архивные материалы) // Записки удмуртского НИИ нри СНК УАССР. Ижевск, 1936. Сб. 4. С. 122.

в Лапландию, где он умер в начале XIX в. Пугачев едва избежал ареста и в коице августа вернулся на умет Оболяева.

Пугачеву приходилось часто менять свое месторасположение. Самозванец произвел впечатление на Чику и Мясникова и, посоветовавшись со своими товарищами в Яицком городке, они решили укрыть его на хуторе братьев Кожевниковых, примерно в 36 милях к югу от Яицкого городка. Тем временем умеренные казаки Караваев и Шигаев вернулись в казачью столицу. Через несколько дней, опасаясь поимки, заговорщики перебрались на берег речки Усихи, где оставались примерно 10 дней. Здесь, заполучив новых сторонников, они обсуждали последние приготовления и собрали одежду для новоиспечеиного «государя»: канаватный бешмень, кармазинный кафтан, бархатную шапку, шелковый пояс и кожаные сапоги. Из четырех знамен, использовавшихся в январском бунте 1772 г., они сделали семь новых штандартов с вышитыми восьмиконечными старообрядческими крестами. Заговорщики также попросили помощи у хана Нур-Али, кочевавшего со своей ордой вдоль восточного берега Яика.

Наряду с Чикой и Мясниковым, множество других «непослушных» казаков присоединились на Усихе к своему «надеже-царю». Они приходнли с ближайших хуторов, из самого Яицкого городка, из степных укрытий. Первыми сподвижниками Пугачева стали братья Андрей, Михаил и Степан Кожевниковы, Алексей и Кузьма Кочуровы, Иван Почиталин, Дмитрий Лысов, Иван Харчев, Кузьма Фофанов, Василий Коновалов, Василий Плотников и Сндор Кожевников. Все они были ветеранами предыдущего казачьего бунта. К ним присоеднились калмык Сюзюк Малаев, татары[43] Барын Мустаев (Баранда), Идыр Баймеков (Идорка) и его приемный сын Балтай. Так как заговорщики надеялись на помощь соседних степных кочевников, последние новобранцы были особенно кстати. Тем не менее, численность бунтовщиков была еще очень мала – примерно 40 человек – и они не знали, что делать. Одни советовали собрать 150 человек, а затем с «Петром Федоровичем» идти в Яицкий городок. Другие хотели дождаться, когда казаки уйдут из города на осеннюю ловлю рыбы, чтобы представить там Пугачева и убедить колеблющихся присоедннться к нему. В любом случае они были уверены, что большинство казаков признает их нового «царя»[44].

---

[43] Нонятие «татарин» у русских, кажется, означало всякого, говорившего но-тюркски, без учета его этнической и языковой нринадлежности.

[44] *Андрущенко А. И.* О самозваичестве Е. И. Нугачева и его отношениях с яицкими казаками // Вонросы социально-экономической истории и источниковедения нериода феодализма в России: сборник статей к 70-летию А. А. Новоссльского. М., 1961. С. 146–150. Ср.: Нугачевщина. М.; Л., 1926.

Но еще до того, как заговорщики выработали свой план, он был раскрыт. В Яицком городке полковник Симонов узнал о заговоре из сказаиных спьяну слов младшего из братьев Кочуровых, Петра. На допросе он рассказал, что самозванец скрывается на хуторе Кожевниковых. Симонов немедленно послал отряд для поимки заговорщиков, но удалось арестовать только Михаила Кожевникова. Узнав об этом, его брат Степан поспешил предупредить своих товарищей. Крайне встревоженные, Пугачев, Чика и остальные заговорщики вскочили в седла и поскакали на хутор братьев Толкачевых, примерно в 25 милях от Усихи и в 60 милях от Яицкого городка. Они прибыли туда в полночь 16 сентября. Их преследователей задержал Василий Плотников: не имея лошади, он остался на Усихе и сообщил завышенную численность бунтовщиков, таким образом вынуднв отряд Симонова ждать подкрепления.

На хуторе Толкачевых заговорщики развернули бурную деятельность. Идорка и другие татары, пообещав присоединиться к бунтовщикам на пути в Яицкий городок, ушли агитировать своих соплеменников, а казаки тем временем собрали всех, кого смогли и представили им Пугачева. В своем новом одеянин «Петр Федорович» принял присягу собравшихся. Он приказал Ивану Почиталину написать манифест к яицким казакам, но когда тот попросил «императора» подписать его, Пугачев, дабы скрыть свою неграмотность, заявил, что будет подписывать указы только после занятия престола. Поэтому первый манифест самозваица от 17 сентября 1773 г. подписал сам Почиталин. Утром он зачитал его повстанческой «армии» – примерно 60 казакам и калмыкам[45]. Несмотря на свои орфографические и грамматические ошибки, это был образец народного красноречия. От имени «самодержавнаго императора, нашего великаго государя, Петра Федаровича Всеросийскаго и прочая, и прочая, и прочая» манифест провозглашал:

«Во имянном моем указе изображено Яицкому войску: как вы, други мои, прежным царям служнли до капли своей до крови, дяды и отцы вашы, так и вы послужити за свое отечество мне, великому государю императору Петру Федаравичу. Когда вы устоити за свое отечество, и ни истечет ваша слава казачья от ныне и до веку и у детей ваших. Будити мною, великим государем, жалованы: казаки и калмыки и татары. И которые мне, государю императорекому величеству Петру Фе[до]равичу, вииныя были, и я, государь Петр Федарович, во всех винах прощаю и жаловаю я вас: рякою с вершын и до

Т. II. С. 128–132.

[45] Крестьяиская война в России в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Нугачева. Т. II. С. 95–100.

усья и землею, и травами, и денежным жалованьям, и свинцом, и порахам, и хлебным правиянтам.

Я, великий государь амператор, жалую вас, Петр Федаравич.

1773 году синтября 17 числа»[46].

Этот манифест отражал суть неписаного соглашения Пугачева с яицкими казаками. За «истинное и верное» служение ему он обещал им вернуть привилегии, одновременно суля многочисленные награды. В тот же день бунтовщики, развернув флаги с восьмиконечными раскольничьими крестами в внде щук, двинулись с «амператором» в Яицкий городок. К ним присоединились Идорка и несколько татар. Двигаясь стремительно вверх по реке и без сопротивления захватив 18 сентября Бударинский и Чаганский форпосты, Пугачев встал лагерем в четырех милях от Яицкого городка.

Числеиность повстанцев составляла уже примерно 200 человек и они надеялись на помощь казахов. В тот же день послаиник хана Нур-Али догнал Пугачева и вручил ему подарки: саблю, алебарду, бухарский кафтан и гнедого жеребца. Чтобы развеять сомнения Нур-Али относительно себя, самозванец потребовал от хана прислать ему немедленно ханского сына и 200 воинов. Но осторожный Нур-Али послал в Оренбург своего курьера, чтобы выяснить, является ли этот император «разбойником или царем»[47].

Бунт перерастает в восстание

По пути в Яицкий городок бунтовщики захватили двух пленных. Их судьба свидетельствовала о том, каким будет бунт. Сержант Дмитрий Кальминский, дворянин, был послан полковником Симоновым по форпостам нижнего Яик, чтобы предупредить о появлении заговорщиков. Попав в плен к бунтовщикам, он стал уверять, что ему было приказано лишь сказать караульным о готовящемся переходе казахов через Яик. Но казаки разоблачили его и хотели повесить. Однако Пугачев сохранил ему жнзнь, поскольку Кальминский умел писать и поклялся служить «Петру Федоровичу». Новообращенный бунтовщик был назначен помощиикоМ Ивана Почиталина[48]. Яицкому казаку Шкворкину повезло меньше. Его разоблачили как шпиона атамана Бородина и «плута», сторонника старшины, который «смертельно обижал» кадровых казаков. Шкворкин был немедленно повешен, тем самым став первой жертвой восстания.

Яицкий городок был крепостью, охраияемой более 900 солдата-

---

[46] Нугачевщина. М.; Л., 1926. Т. I. С. 25.

[47] Восстание. С. 133; *Дубровин П. Ф.* Указ. соч. Т. II. С. 21–22.

[48] Восстание. С. 133–134.

ми и оренбургскими казаками при поддержке «послушных» яицких казаков, поэтому штурмовать его было бесполезно. Бунтовщики могли рассчитывать только на поддержку внутри городка. Поэтому Пугачев обратился к населению Яицка с манифестом, в котором потребовал служить «великому государю», за что «будетс жалованы крестом и бородою, реками и морями, денежным жалованьем и всякою вольностею». Ослушникам грозил «как от Бога, так и от меия гнев». Когда этот манифест вручили казакам, их командир отказался прочитать его вслух, но Дмитрий Лысов, Яков Почиталин, Андрей Овчиинков и Кузьма Фофанов с примерно с 50 сторонниками перешли на сторону Пугачева. Однако Яицкий городок так и не восстал.

Артиллерийским огнем пугачевцев отогнали от города, но они сумели разбить послаиный против них казачий отряд, захватив около 100 казаков и их командира Андрея Витошнова. Средн них был и Максим Шигаев. Большинство их, включая Витошнова, были «прощены» и присоединились к бунтовщикам, однако сподвижники Пугачева потребовали повесить 11 «послушных». Самозванец уступил, тем самым признав свою зависимость от соратников. Отныне негласный союз казаков и самозваица был скреплен кровью.

Доведя численность своего войска почти до 500 человек, Пугачев утром 19 сентября возобновил натиск. Однако его второй манифест к казакам не произвел никакого эффекта, а атакующих не подпускал близко огонь артиллерии. Но если полковник Симонов опасался контратаковать бунтовщиков, боясь дезертирства своих людей и восстания внутри городка, то повстанцы не могли начать штурм, потому что у них не было пушек. После некоторых колебаний самозванец решил ндти вверх по Яику.

Остановившись на отдых в 14 милях от Яицкого городка, бунтовщики по призыву своего вожака собрали «круг» и выбрали на нем атаманом Андрея Овчинникова, полковником – Дмитрия Лысова, есаулом – Андрея Витошнова, а также сотников и хорунжих. По приказу Пугачева сержант Кальминский составил текст присяги, которую давал каждый восставший, а именно служить «не щадя жнвота своего до последней капли крови» и «во всем повиноваться» «всепресветлейшему, державнейшему, великому государю императору Петру Федоровичу». Присягу громко зачитали собравшимся на круг казакам. Казаки закричали: «Готовы тебе, надежа государь, служить верою и правдою!»[49]

Понимая, что имеющихся у него сил явно недостаточно, Пугачев

[49] Крестьяиская война в России в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Нугачева. Т. II. С. 101–109.

попытался привлечь на свою сторону соседних казахов. В тот же день он попросил у другого казахского хана, Абулхаирова, 200 воинов, обещая взамен даровать казахов не только «свободой», но и «землею, водою и травами, и ружьями, и провиянтом, реками, солью и хлебом, и свинцом», а также обувью. Угрожая наказать «непослушных», самозваный император призвал казахов не слушать «генералов и бояр»[50].

Стремительно двигаясь на север к Илецкому городку, восставшие взяли восемь маленьких форпостов. Гарнизон каждого из них составлял 20–25 человек и не более трех пушек. За три дня пугачевцы прошли примерно 100 миль и 21 сентября в количестве 800 человек подошли к Илецку.

Но в отличие от форпостов, с которыми до сих пор имели дело повстанцы, в Илецком городке насчитывалось 300 домов, он был защищен бревенчатыми стенами и имел 12 пушек. Городок был основан в 1748 г. отрядом яицких казаков и подчинялся Яицку, но его казаки жили там постоянно, а потому не имели право багренья и не получали государственного жалованья. Они жили рыбной ловлей, охотой и разведением скота[51].

Атаман илецких казаков Лазарь Портнов, извещенный о приближении мятежников, приказал разобрать мост через Яик, чтобы преградить им путь. Местные казаки были в замешательстве и лукавый призыв Пугачева только подогревал его. Самозванец призвал казаков выйти ему навстречу и сложить оружие, обещая рядовым казакам вознаграждение, если они приведут к нему атамана и старшин, а изменникам грозил жестокими карами[52].

Илецкие казаки перешли к «Петру Федоровичу», встретив его у городка с флагами и колокольным звоном, хлебом и солью. Пугачев умело играл свою роль в заранее спланированных «церемониях». Когда процессия священников и казаков приблизилась к нему, он слез с коия, поцеловал крест и позволил попам поцеловать его руку. Затем толпа вернулась в городок, где был отслужен молебен в честь Петра III без упоминания имени Екатерины. Самозванец призвал казаков помочь ему, объявив, что по воле Бога он пойдет на Саикт-Петсрбург, заключит свою вероломную супругу в монастырь, отберет села (с крепостными) у «бояр», повесит тех, кто лишил его трона, и встретится со своим «дорогим сыном», великим князем Павлом Петровичем. Затем жители Илецка присягнули ему на верность.

---

[50] Нугачевщина. Т. I. С. 26–27.

[51] Наллас Н. С. Указ. соч. Т. I, ч. 1. С. 356; *Рычков П. И.* Указ. соч. Т. II. С. 82–83.

[52] Нугачевщина. Т. I. С. 25–26.

Чтобы отметить это событие, местный кабак бесплатно потчевал всех спиртным. Две ночи самозванец провел в доме Ивана Творогова, которого назначил «полковником» и командиром илецких казаков. Секретарем Творогова стал илецкий казак Максим Горшков. Пугачев забрал пушки, боеприпасы к ним и назначил Федора Чумакова начальником артиллерии.

Единственной жертвой повстанцев в Илецке был атаман Портнов, его повесили, а дом разграбили. Пугачеву лично достались 300 руб., ковш, два бешмета, кафтан, коноватная шуба и кушак[53]. Имеино здесь однн старообрядческий иконописец написал знаменитый портрет самозванца поверх портрета Екатерины, который сейчас находится в Государствеином историческом музее в Москве. Пугачев изображен в простом кафтане и меховой шапке, с темными усами и бородой, но особеино выделяются его черные глаза[54].

Из Илецка повстанческая армия, пополнеиная 300 илецкими казаками, артиллерией, порохом и ядрами, двинулась вдоль Яика и 24 сентября легко взяла Рассыпную крепость. Ее комендант майор Веловский, его жена, еще один офицер и священник были повешены, а местные казаки и солдаты приняты в ряды пугачевцев. Взяв три пушки и боеприпасы, они двинулись в Нижне-Озерную крепость, по пути разбили отряд, шедший на помощь Рассыпной, а его командира повесили.

Маленький гарнизон из оренбургских казаков и отетавных солдат Нижне-Озерной под командованием майора Харлова не мог противостоять насчитывавшей теперь свыше 1000 человек армии самозванца. Гарнизонные казаки перешли к мятежникам, а солдат сковал страх. Майор Харлов в одиночку бегал от пушки к пушке, имитируя сопротивление. Но 26 сентября, после двух часов беспорядочиой стрельбы, повстанцы, разбив ворота, ворвались в крепость, убили Харлова, еще одного офицера и человек десять солдат. Взяв с собой казаков и солдат, артиллерию и боеприпасы, они выступили к Татищевой крепости.

На Оренбург или Москву?

Тем временем, оренбургский губернатор Иван Рейнсдорп предпринял контрмеры. Узнав 21 сентября, что повстанцы подошли к Илецку, он направил илецким и яицким казакам «увещевание» против самозванца, и приказал бригадиру барону Карлу фон Билову с 410 солдатами и 6 орудиями идти к Илецкому городку. Одновре-

---

[53] Там же. Т. II. С. 141–142; Восстание. С. 137–138.

[54] *Бабенчиков М.* Нортрет Е. И. Нугачева // Литературное наследство. М., 1933. Т. IX–X. С. 499–500.

менно он поручил полковнику Симонову направить отряд против мятежников. Рассчитывая окружить Пугачева с фронта и тыла, Рейнсдорп направил на помощь Билову майора Семенова и 500 ставропольских калмыков, и приказал 500 башкирам и 300 татарам собраться в Оренбурге. Чтобы рассеять сомнения хана Нур-Али о личностн главаря бунтовщиков, Рейнсдорп 23 сентября написал ему, что Петр III давно мертв и пообещал заплатить за поимку жнвого самозваица 500 руб., а за его труп – 250 руб. 24 сентября Рейнсдорп проинформировал губернаторов соседних Астраханской, Казанской и Симбирской губерний о бунте, но не попросил у них помощи. Внешне губернатор оставался спокойным и 23 сентября даже дал бал в честь однинадцатой годовщины коронацин Екатерины.

Несмотря на все эти усилия, подвижность повстанцев и их притягательные призывы к местному населению свели действия Рейнсдорпа на нет. Испугавшись восставших и не доверяя собственным солдатам, бригадир Билов оставил Нижне-Озерную и ушел в Татищеву крепость, которая связывала Нижне-Яицкую днстаицию Оренбургской линии с Самарской линией, уходнвшей на северо-запад. Главная дорога, идущая с низовьев Яика, здесь разделялась на восточиый путь – в Оренбург, и на северо-западный – в Самару и Поволжье. Находясь недалеко от Яика и примерно в 35 милях от Оренбурга, Татищева насчитывала около 200 домов, окруженных деревяиным частоколом с артиллерийскими батареями по углам. Вместе с солдатами бригадира Билова ее гарнизон насчитывал примерно 1000 человек при 13 орудиях.

Пугачев подошел к Татищевой утром 27 сентября. Он знал, что ее гарнизон колеблется, ибо большинство его ставропольских калмыков уже ушли к нему. Посланный навстречу мятежникам отряд был ими разбит и только четыре человека спаслись. Самозванец направил к казакам крепостн парламентеров для переговоров.

Эта хитрость сработала снова, вызвав замешательство у защитников крепостн, а тем временем повстанцы атаковали ее сразу с двух сторон. И хотя это нападение было отбито, на сторону самозваица перешли несколько сотен оренбургских казаков во главе с Тимофеем Падуровым. Перегруппировав свои силы, Пугачев прибег к традиционной казачьей тактике: поджег несколько стогов сена вблизи крепостной стены. Защитники крепости не выдержали и уступили натиску повстаицев. В бою бригадир Билов и несколько солдат были убиты, с ними пали комендант крепости полковник Елагин с женой, которая вместе с майором Харловым стали прототипами галантного Ивана Кузьмича Миронова и его верной супруги Василисы Егоровны в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина. Восставшие потеряли трех человек убитыми и двоих ранеными.

Разбив лагерь около дымящейся крепости, самозванец как обычно отпраздновал свою победу. Примерно 500 солдат были «прощены», с них взяли присягу и записали «государевыми казаками». Бывшего депутата Уложеиной комиссии Екатерины Тимофея Падурова назначили «полковником» оренбургских казаков. Повстанцы разграбили склады боеприпасов, продовольствия, соли и спиртных напитков. Они забрали с собой пять пушек и два «еднноорога» (длииноствольная гаубица). Атаман Овчиинников привел к Пугачеву пятерых солдат и жену Билова, которые пытались сбежать в Оренбург и самозванец приказал их сразу же повесить.

Другой жертвой в Татищевой был сержант Кальминский. Этот бывший офицер помогал Ивану Почиталину руководить неофициальной «канцелярией» Пугачева. Еще 23 сентября он написал своей матери, что «жнв, здоров, благополучен, одет и не только никакой нужды не имею, но и от стола его величества из собствеиных рук пищу себе довольную получаю, и всегда при нем, великом государе, нахожусь в большой честн». Но когда Пугачев вспомнил о Кальминском на следующий день после захвата Татищевой, его не нашли: яицкие казаки утопили молодого дворянина в реке, не понимая, «как ето, ваше величество, нас-де отбиваетс прочь, а дворяи стали принимать?» Следовательно, целью казаков являлось уничтожение дворяи[55].

Взяв Татищеву, повстанцы оказались перед выбором: идти ли на Оренбург, символ царекой властн в регионе, или на северо-запад – в Поволжье и центральную Россию, как это сделал в прошлом столетии Степан Разин? До сих пор повстанцы стремились лишь увеличивать число своих сторонников и пополнять запасы огнестрельного оружия и боеприпасов. Вероятно, зачинщики восстания – яицкие казаки – хотели вернуться к Яицкому городку, первоначальной цели их восстания, но стремительный рост их рядов вынуждал их идти на север от одной крепостн к другой. Оренбург, крупнейшая и самая мощиая из них, был символом угиетсния казачества и мог стать базой для подавления восстания. К тому же он находился на государственной границе, и если бы казаки не смогли взять его сразу, то смогли бы бежать через степь в Центральную Азию, Переию, Кавказ, или Турцию.

Напротив, поход в центр России был делом сложным и опасным. Одни только расстояния говорили сами за себя: около 280 миль до Самары на Волге, более 800 миль до Москвы, свыше 1300 миль до Санкт-Петербурга. Преодолеть столь значительное пространство было непросто даже регулярной армии, а что уж го-

[55] Нугачевщина. М.; Л., 1931. Т. III. С. 207; Следствие. № 4. С. 116.

ворить о разношерстном войске мятежников. И хотя сейчас во внутренних районах страны солдат было мало – Россия вела войну с Турцией – повстанцы, знакомые с военным делом, знали, что даже небольшие части регулярной армии разгромить им будет трудно. Правда, восставшие могли рассчитать на сочувствие и помощь крепостных крестьян, нерусского населения и городской «черни», но могли ли все эти люди, вооруженные дубинками и топорами, противостоять ружьям и пушкам солдат? Кроме того, наступающая зима осложнила бы проведение военной кампании. И если некоторые казаки, например, Чика или сам Пугачев, может и хотели поднять на бунт всю страну, они все равно не представляли, как это можно было сделать. Ведь даже знаменитый Степан Разин попал в Москву лишь в качестве пленника, подвергся там пыткам и казни.

После захвата повстанцами большинства оренбургских крепостей территория восстания сместилась на север. Недавние мятежные новобранцы, вероятно, также убеждали казаков захватить столицу региона. Численность повстаицев теперь достигала примерно 2500 человек, у них было около 20 пушек и 10 баррелей пороха. Хотя в их рядах насчитывалось около 500 татар и 500 пленных солдат, движущей силой восстания и его вожаками оставались казаки. Свыше 1400 повстанцев были казаками: 500 яицких, 600 оренбургских и 300 илецких[56].

«Нодобно степным зверям»

Пробыв три дня в Татищевой, пугачевцы 30 сентября вступили в беззащитную Чернореченскую крепость, расположенную менее чем в 20 милях от Оренбурга. Однако Пугачев не стал брать его сразу, а повернул на север, в соседние татарскую Каргалинскую слободу и Сакмарекий городок, тем самым как бы постепеино окружая Оренбург. В Каргале и Сакмарске самозванцу оказали царский прием, многие татары и казаки присоеднились к нему. И все же предполагая – возможно, зря – сопротивление Оренбурга, Пугачев стал подыскивать себе союзников. В конце сентября он направил два манифеста башкирам в Уральские горы.

Полукочевые башкиры – мусульмане тюркского происхождения – находнлись под российским протекторатом уже более двух столетий. Они упорно сопротивлялись русской колонизации, поднимая грандиозные восстания – настоящие колониальные войны – в 1646, 1662, 1680, 1705–1711, 1735–1740 и 1755 гг. Русские жестоко подавляли эти волнения с помощью армин. Многочислеиные бунты 1735–

[56] Восстание. С. 141–142.

1740 гг., вызваиные основанием Оренбурга, завершились истреблением примерно одной трети башкир. Башкиры жнли в Уральских горах, не имели единого лндера и управлялись родовыми старшинами и муллами. Башкиры формировали отдельные армейские полки, а также ежегодно предоставляли 2000 воинов для защиты Оренбургской линии. После восстания 1755 г. им было запрещено переходить Яик: царекие чиновники опасались, что башкиры, подстрекаемые турецкими агентами, опять восстапут и объединятся с казахами против русских.

В результате русской колонизации Оренбуржья башкиры вместе с яицкими казаками оказались окружены русскими крепостями, а их земли были скуплены за бссценок или просто захвачены русскими заводовладельцами. У башкир это вызывало недовольство, некоторые из них хотели возврата к прежним порядкам. Не далее как в 1772 г. губернатор Рейнсдорп сообщал о подготовке нового башкирского восстания. Наряду со своими соседями – яицкими казаками, башкиры ждали удобного случая и появления лндера, чтобы подняться на борьбу[57].

Пугачев решил воспользоваться этим. В манифестах, переведенных Идоркой и его сыном Балтаем, самозванец в высокопарных фразах давал башкирам соблазнительные обсщания. Называя себя «тысячью великой и высокой и государствеиной владетсль над цветущем селении, всем от бога сотвореиным людям самодержец, тайным и публичным даже до твари наградитель усердствеиной и в святостн искусной, милостив и милосерд, сожелительное сердце имеющей государь император Петр Федорович, царь российской», он призывал кочевников переходить к нему на службу, наказывать тех, кто сомневался в его истнннostн, прощал им грехи и одаривал «землями, водами, лесами, рыбными ловлями, жнлищами, покосами и с морями, хлебом, верою и законом вашим, посевом, телом, пропитанием, рубашками, жалованьем, свинцом, порохом, и провиантом, словом всем тем, что вы желаете во всю жнзнь вашу. И бутте подобными степным зверям»[58].

Эти манифесты расходнлись в многочислеиных копиях; воззвания были направлены к калмыкам, татарам и казахам с учетом их особеиностей, хотя основной формуляр оставался неизменным: вве-

---

[57] Нодробнее о башкирах см.: *Donnelly A. S.* The Russian Conquest of Bashkiria, 1552–1740. New Haven, 1968 (рус. нер.: *Доннелли А.* Указ. соч. – *Прим. пер.*); *Чулошников А. П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. М.; Л., 1940. О тогдашней нолитике России в отношении ислама см.: *Fisher A. W.* Enlightened Despotism and Islam under Catherine II // Slavic Review. 1968. Vol. XXVII, no. 4.

[58] Нугачевщина. Т. I. С. 29–30.

дение, сообщавшее о «возвращении» Петра III, обещало «прощение» прошлых «грехов» (то есть бунтов), остерегая от повиновения действующим властям и призывая простой люд служить «истинному государю»[59]. Казаки, многие башкиры, калмыки, татары и частично казахи откликнулись на эти призывы. Большинство из 500 башкир, отправленных губернатором Рейнсдорпом защищать Оренбург, перешли на сторону бунтовщиков. Туземное население, присоединившееся к самозванцу, вскоре превратило локальный казачий бунт в восстание, охватившее всю юго-восточную окраину страны.

Бывший каторжник

Хотя повстанцы в своих манифестах апеллировали к местным проблемам, без опытных агитаторов их призывы не достигли бы своей цели. Одним из таких людей был Афанасий Соколов, больше известный как Хлопуша. Сын монастырского крестьянина, он устроился работать извозчиком в Москве, а в пятнадцатилетнем возрасте заимался воровством. Схваченный и битый кнутом, Хлопуша был сослан в недавно образованную Оренбургскую губернию. 15 лет он прожил в Бердской слободе близ Оренбурга, работал на горных заводах, женился, родил сына. Но потом вступил в воровскую шайку, вскоре был арестован, бит кнутом, заклеймен, ему вырвали ноздри и отправили на каторгу в Сибирь. Оттуда он дважды бежал, всякий раз возвращаясь в Оренбург, где его опять ловили и опять били кнутом. В сентябре 1773 г. он томился в оренбургской тюрьме.

Получив 27 сентября ужасную новость о падении Татищевой, губернатор Рейнсдорп на следующий день созвал совет руководителей Оренбурга. На нем были приняты решения перевести из города в более безопасные места пленных поляков, сосланных сюда за сопротивление России в 1772 г., разрушить мосты через Сакмару на северо-западе города, отремонтировать укрепления Оренбурга и расставить пушки, а также создать ополчение из жителей города. 30 сентября губернатор Рейнсдорп обратился с увещеванием к населению, которое читалось во всех церквях в воскресенье. В нем Рейнсдорп утверждал, что Пугачев был «наказан кнутом с поставлением на лице его знаков, но чтоб в том познан не был, для того перед предводительствуемыми им никогда шапки не снимает». Позже самозванец часто упоминал об этом, чтобы разоблачить ложь властей.

Не желая лично вести переговоры с самозванцем из-за опасения перехода на его сторону местных казаков и горожан, губернатор по-

---

[59] *Елеонский С. Ф.* Нугачевские указы и манифесты как памятники литературы // Художественный фольклор. М., 1929. Т. IV–V.

слал к восставшим Хлопушу, дав ему четыре письма: к яицким, илецким и оренбургским казакам, и к самому Пугачеву. В них Рейнсдорп требовал казаков прекратить бунт, разоблачал Пугачева и призывал его сдаться. Хлопуше было также поручено привести самозваица в Оренбург.

Но когда шестидесятилетний каторжник прибыл к повстаицам в Сакмарский городок, его узнал бывший сокамерник Максим Шигаев. Хлопуша рассказал о целях своей миссин и выразил желание служить восставшим. Казаки не поверили ему, но Пугачев послал его агитировать работных людей заводов Южного Урала. Хлопуша успешно справился с заданием и был назначен «полковником» всех уральских заводов.

Будучи окраиной империи, Оренбургская губерния не только защищала Европейскую Россию от набсгов кочевников, но и подобно Сибири являлась местом ссылки преступников. Поэтому Хлопуша мог легко поднять каторжников на восстание[60].

* * *

Захватив Каргалы и Сакмарекий городок, Пугачев 5 октября появился у стен Оренбурга. Он был уверен в своем успехе. Теперь у Пугачева были не только яицкие казаки, но и их илецкие и оренбургские собратья, калмыки и казахи, татары и башкиры, гарнизоны крепостей и солдаты. Не сумев взять Яицк, он захватил семь крупных населеиных пунктов и множество форпостов. Пугачев почти не встречал сопротивления, а его манифесты поднимали массы. Повстанческие агитаторы уже добрались до Урала. Самозванец не сомневался в падении Оренбурга, и уже ощущал себя хозяином почти всей юго-восточиой окраины страны.

---

[60] Донрос пугачевского атамана А. Хлопуши // Красный архив. 1935. № LXVIII; *Горелов А. А.* Нриговор Афанасию Хлопуше 6 марта 1768 г. // Вестник Ленинградского университета. 1965. № 8, вьи. 2. С. 160–162.

Глава III

ОСАЖДЕННЫЙ ОРЕНБУРГ

Взятие Каргалов и Сакмарекого городка усилило самозванца и блокировало Оренбург с севера. Но если бы Пугачев не пошел в них, то мог бы напасть на Оренбург как минимум на четыре дня раньше и имел бы больше шансов взять город, ибо его укрепления находились в ужасном состояиин, а гарнизон был крайне слабым. К тому же мятежники могли надеяться на помощь сочувствующих им оренбургских казаков, как это случилось при захвате Татищевой, когда известный оренбургский казак Тимофей Падуров перешел к повстанцам. Он, возможно, мог бы повлиять на своих друзей-казаков и здесь. Но с другой стороны, время работало не на пугачевцев, которые до этого добивались успеха благодаря стремительностн и внезапности на фоне ошеломленного противника.

Стоявший на левобережье Яика выше его слияния с Сакмарой, Оренбург был административной, торговой и воеиной столицей юго-востока Россин. Внутри и вокруг его стен располагалось примерно 3000 домов, 9 церквей и множество административных зданий: двухэтажная каменная губернская канцелярия, дом губернатора, аптека, больница и другие учреждения. Улицы его были прямыми и широкими, хотя и не мощеными; многие здания имели железные крыши. Из примерно 10000 жителей более 2000 составляли купцы, лавочиики и ремеслеиники, преимуществеино татары. За тридцать лет своего существования Оренбург стал центром караванной торговли Европейской Россией со степными кочевниками и Центральной Азией. Поэтому главным местом в городе была замощенная камнем торговая площадь (Гостиный двор) более 600 футов в длину и примерно столько же в ширину, занятая почти 150 магазинами и складами. Столь же крупным базаром был так называемый Меновой двор, расположенный в степи за Яиком в миле от города. Предназначенный для летней торговли с соседними степияками, он состоял из почти 400 лавок и складов. Там располагалась служба таможенного инспектора и две артиллерийские батареи, защищавшие базар со стороны степи.

Русские и татарекие купцы из России привозили в Оренбург готовую продукцию, меха, ткани и зерно, а покупали предметы роскоши, декоративные ткани, драгоценные металлы и пряиостн, до-

машний скот (особеино лошадей и овец). В 1772 г. Оренбург принес казне свыше 60000 руб. таможенных пошлин и 20000 руб. подушного налога[61]. Может быть еще и поэтому Оренбург так привлекал повстанцев.

Город защищала мощная овальная крепость, протянувшаяся на более чем три мили с десятью земляиыми бастнонами и двумя полубастионами; с юга ее окружал речной берег. В Оренбурге имелось четверо ворот: Орекие (с восточной стороны), Сакмарские (с севера), Самарские и Яицкие (с запада). Высота крепости составляла около 12 футов, ров был 25 футов шириной и 12 футов глубиной. Однако эти сооружения не были столь грозными: только три бастнона были облицованы камнем, другие едва вырыты, ворота не запирались, ров местами настолько осыпался, что его можно было переехать на телеге или верхом. Город защищали 70 пушек, но артиллеристы были по большей частн отставниками и не имели большого опыта. Из 3000 человек, собранных губернатором Рейнсдорпом, только 174 являлись профессиональными военными, остальные были отставниками, новобранцами, казаками, татарами и простыми жителями; все они не представляли угрозы для пугачевцев[62].

Но поскольку самозванец упустил время, оренбуржцы успели отремонтировать городские укрепления и пополнить свои ряды 246 пехотинцами и 3 пушками премьер-майора Наумова и 420 «послушными» яицкими казаками атамана Бороднна, присланных из Яицкого городка полковником Симоновым. Утром 5 октября 1773 г. мятежники предприняли первый штурм города.

Как обычио, Пугачев послал в город своих шпионов, чтобы разузнать о ситуации и уговорить жителей сдаться. Но одного шпиона вскоре поймали, а на призывы самозванца губернатор Рейнсдорп ответил оскорблениями. Подойдя к Оренбургу с северо-востока, мятежники обнаружнли, что соседнее с ним казачье селение сожжено, дабы лишить нападавших укрытия. Пугачев сразу же бросил на город свою конницу, которая была отбита огнем артиллерии, однако Рейнсдорп не решился выйти в поле. Восставшие разбили свой лагерь в нескольких милях от города вблизи Яика. На следующий день майор Наумов с отрядом из 1300 человек попытался атаковать повстанцев, которые жгли скирды сена вокруг города. После двухчасовой перестрелки Наумов отступил. Это был первый бой повстаицев с

---

[61] *Рычков П. И.* Указ. соч. Т. II. С. 13–19. Цифра приводитея но одному неопубликованному источнику: Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Собрание Эрмитажное. № 283. Л. 5–6 об; *Апполова П. Г.* Экономические и нолитические связи Казахстана с Россией в XVIII–начале XIX в. М., 1960. С. 292, табл. 13 и passim.

[62] *Дубровин П. Ф.* Указ. соч. Т. II. С. 31–33.

регулярной армией и он был выигран.

Ночью повстанцы попытались поджечь Оренбург, обстреливая его из двух «едннорогов» с максимально близкого расстояния. Другие пугачевцы подбежали к самым стенам и стали стрелять по защитникам города. В ответ из крепости был открыт сильный огонь из пушек и ружей, заставивший мятежников отступить. Однако защитники города были настолько морально подавлены, что боялись атаковать мятежников. 7 октября на воеином советс осаждеиные решили перейти к оборонительной тактике. Однако губернатор Рейнсдорп и комендант города Валлерштейн 12 октября предприняли новую вылазку. Мятежники, заранее предупрежденные о ней перебежчиками, отбили атаку; 123 осаждеиных были убиты, ранены, взяты в плен или пропали без вестн[63].

После этого поражения губернатор Рейнсдорп поиял, что одолеть мятежников без посторониней помощи не удастея и приказал начальнику Верхне-Яицкой днстанции бригадиру Корфу собрать с ее крепостей людей, боеприпасы и провиант, и пробиваться с ними в Оренбург. Рейнсдорп проинформировал Военную коллегию о размахе бунта и начал готовиться к длительной блокаде.

В середнне октября, когда начались заморозки и выпал снег, восставшие перенесли свой лагерь на несколько милей севернее города в Бердскую слободу и разместились там в домах и земляиках. Числеиность повстанцев продолжала расти. Хлопуша поднял на восстание население заводов Южного Урала, привез оттуда много пушек и боеприпасов, денег и продовольствия. Башкирский старшина Кинзя Арсланов, пришедший к Пугачеву с несколькими сотиями соратников в начале октября, руководил восстанием башкир. Повстанцы держали город в блокаде, не разрешали жителям заготавливать продовольствие и дрова, грабили окрестностн и готовились к новым битвам.

Получив оружне с уральских заводов, Пугачев возобновил свои атаки. 22 октября под прикрытием густого тумана повстаицы подтянули к городу свою лучшую артиллерию – четыре «едннорога» и четыре трехфунтовые латунные пушки, и открыли из них огонь. Стреляли они очень метко, одна граната даже упала возле склада боеприпасов, но была быстро погашена. Яростная перестрелка длилась приблизительно шесть часов, но повстаицы не ввели в действие пехоту и коиницу, эффективность их огия была мала, и они несли большие потери.

Следующие десять дней осаждавшие вели подготовку к новой,

---

[63] Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Пугачева. Т. II. С. 119–130.

более мощиой атаке. Сначала они хотели скрыть свои пушки за огромными наполненными землей плетсными корзинами, но тогда их было бы трудно перемещать, а землю заменить соломой, то это не защитит от огия артиллерии. Поэтому пугачевцы решили упрятать свои пушки, коих было уже почти полсотни, в специальные укрытия[64], вырытые возле города. Они надеялись захватить Оренбург до того, как к нему прндет помощь и вследствие этого, несмотря на холодную погоду и замерзшую землю, ко 2 ноября все было готово.

Около 8 часов утра 2 ноября три батареи повстанцев начали обстреливать город. Хотя защитники Оренбурга открыли ответный урагаиный огонь, они не смогли уничтожить защищенные орудия пугачевцев. Множество городских построек было повреждено пушечными ядрами, одно из которых оторвало руку известному оренбургскому купцу Илье Кочелеву, умершему тем же вечером. Пятеро или шестеро горожан было убито, семеро ранено. После мощиой артподготовки пугачевцы пошли в атаку. Лично руководнвший ею Пугачев пообсщал повстаицам в случае победы выдать каждому по 10 руб., хорошему кафтану и отпустить на все четыре стороны.

Около 1000 повстанцев, вооруженных ружьями и луками со стрелами, незаметно подкрались к Оренбургу вдоль берега реки с юго-востока и подойдя вплотную к его стенам, стали расстреливать защитников. Завязалась рукопашная схватка.

Спасая положение, генерал Валленштерн переправил отряд егерей на другую сторону реки. Они напали на тылы повстанцев, вызвав у них замешательство, а тем временем защитники перешли в штыковую контратаку. Нападавшие отступили. Многие были убиты, другие провалились под лед реки. Самому Пугачеву едва удалось спастнсь. Хотя на следующий день повстанцы возобновили артобстрел города, они больше не предпринимали его штурма, решив уморить его голодом[65].

Норажение генерала Кара

Повстаицы поияли, что допустив проход солдат и казаков из Яицкого городка в Оренбург, они совершили ошибку и теперь решили усилить блокаду города. Их военные успехи и обещания обеспечивали им поддержку со стороны сельского населения, вносили сумятицу в ряды осажденных и сковывали инициативу их командиров. Повстаицы хорошо знали здешиюю местность, были подвижны

---

[64] РНБ. Отдел руконисей. Ф. Олениных. Д. 659. Л. 5–5 об.

[65] Там же. Л. 5 об–6; *Пушкин А. С.* Указ. соч. Т. IX, ч. 1. С. 239–242; РНБ. Отдел руконисей. Ф. 542. Д. 659. Л. 2–3 об; Крестьяиская война в России в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Нугачева. Т. II. С. 131–133.

и хорошо вооружены, и эти их качества позволяли им перемещаться вдоль границы и совершать внезапные нападения. И хотя пугачевцам не удалось взять Оренбург, они почти полностью изолировали его от внешнего мира и вынуднли осаждеиных отказаться от любых крупных вылазок.

Оренбург испытывал огромные трудностн. Казаки переходнли на сторону восставших. Коммуникации были либо затруднены, либо вообще отсутствовали, поэтому гарнизоны не имели сведений друг о друге. Все это угнетающе действовало на моральное состояние войск, по большей части состоявших из гарнизоиных солдат, негодных для настоящих боевых действий. Короче говоря, местным руководителям было крайне трудно координировать действия против ширящегося восстания, тем более, что каждый начальник прежде всего заботился о безопасности только своей округи и не получал эффективной помощи от центральных и региональных властей.

Центральное правительство впервые узнало о восстании 14 октября 1773 г., примерно через четыре недели после его начала. Но даже после этого императрица и ее двор, занятые длительной войной с Турцией, не обратили внимания на ситуацию на далекой юго-восточной окраине России. На первые донесения из Оренбурга они реагировали так же, как на казацкий бунт в январе 1772 г., послав из столицы против бунтовщиков маленький карательный отряд генерала Василия Кара. Правительство также предупреднло властн на Дону остерегаться агентов повстанцев. По принятым тогда правилам центральные властн держали информацию о восстанин в строгом секретс и поэтому обязали Кара распространять увещевательный манифест к бунтовщикам только в местах, охваченных восстанием. А для опровержения всякого рода слухов императрица поручила Сенату выпустить публичный указ, запрещающий распространение «сплетсн» средн крепостных, и одновремеино предписывающий не верить ни в какие правительственные распоряжения, не отпечатанные в типографии.

Но этого к концу ноября было уже недостаточно. У генерала Кара было мало профессиональных солдат и почти отсутствовала кавалерия. Он обладал ограниченными полномочиями, не знал этот край и не имел сведений о повстанцах. Кару было известно, что симбирский комендант, полковник Петр Чернышев шел с людьми и провиантом по Самарской линии в Оренбург с запада, однако он не предполагал, что бригаднр Корф ндет на Оренбург с востока и не догадывался о марше генерала Деколонга из Сибири к Верхнеяицкой крепости. Все это играло на руку Пугачеву.

Основной причиной попытки штурма Оренбурга повстанцами 2 ноября было их желание упредить подход подкреплений в город.

Самозванец был в курсе о приготовлениях Корфа в верховьях Яика. Он узнал о походе генерала Кара заранее и послал навстречу ему атамана Овчинникова и Чику. Несмотря на плохие дороги, холод и массовое дезертирство, Кар надеялся поймать самозваица и вряд ли полагал, что будет разбит им.

Примерно 2000 восставших казаков и башкир с 9 пушками столкнулись с Каром в селении Юзеева, в 80 милях севернее Оренбурга. Пока царские солдаты пытались настнчь Хлопушу, шедшего с «завоцкими мужнками» Авзяио-Петровского завода в Берду, Чика напал на их авангард. Атаку удалось отбить, а ранним утром 8 ноября подоспел отряд Кара. Он стал ждать подхода гренадеров, но Овчинников, уже знавший об их приближении, обошел деревню и неожиданно напал на неприятеля. Безмятежно спавшие в санях солдаты после короткой стычки были взяты в плен. Пугачевцам досталось 175 человек, и в их числе подпоручик Михаил Шванович. Всех их отослали в Берду.

Услышав стрельбу у себя в тылу и не имея возможностн уничтожить стоящих перед ним повстанцев, Кар приказал своему отряду двигаться вперед. Внезапно толпа конных пугачевцев, поддержанная артиллерией, окружнла царскую колонну. Уничтожнв артиллерию Кара, повстанцы деморализовали его отряд: солдаты были готовы перейти на сторону противника. Кару пришлось отступить. Овчинников и Чика преследовали его весь день, пока не кончились патроны. Первая попытка помочь Оренбургу провалилась[66].

Потерпев поражение, генерал Кар сразу же написал полковнику Чернышеву об опасностн, которая грозит ему, если бы он продолжал двигаться вдоль Самарской линии. Но курьер Кара был перехвачен повстанцами, а Чернышев в ту же ночь выступил из Черноречснской крепостн, что находнлась в 20 милях от Оренбурга, к осаждеиному городу. Он надеялся ночью проскользнуть с 600 гарнизонными солдатами, 500 ставропольскими калмыками, 100 казаками и 15 пушками и это ему почти удалось. Но на рассветс 13 ноября, когда отряд Чернышева и огромный обоз с провиантом перешли Сакмару и стали подниматься по горе в город, на него напали 2000 повстанцев. Через 15 минут царекий отряд был разбит, взятые в плен Чернышев и офицеры оправлены в Берду и там повешены. Солдат простили, привели к присяге на верность «Петру Федоровичу», постригли в казаки и включили в состав Большого войска Пуга-

[66] Нугачевщина. Т. II. С. 134; Т. III. С. 209–210; о миссии Кара см.: *Грот Я. К.* Материалы для истории пугачевского бунта, бумаги Кара и Бибикова // Записки имнераторской Академии наук. СНб., 1862. Т. I. Нриложение 4. С. 21–36.

чева. Повстанцы громко праздновали свою победу[67].

В результате, когда Пугачев приказал Чике выяснить местонахождение Корфа, его полководец не смог этого сделать, ибо был мертвецки пьян. В тот же день Корф вошел в Оренбург. Осаждавшие потеряли несколько человек в бесплодной попытке помешать этому.

Корф привел с собой свыше 2400 человек и 22 пушки. Воодушевленные, защитники на следующий день предприняли вылазку. Повстанцы позволили им отойти на пару миль от города, а затем контратаковали при поддержке артиллерии и конницы. После двухчасового боя солдаты, собравшись в каре, отступили, потеряв 32 человека убитыми и 93 ранеными. Потери пугачевцев были незначительными[68]. После этого защитники города два месяца не выходнли за его стены, а на следующую стычку решились уже от отчаяиия, вызванного голодом.

И вновь осаждавшие продемонстрировали свое превосходство на поле боя, умело используя многочисленную артиллерию и конницу, а также искусно маневрируя. На оренбуржцах между тем уже сказывалось влияние блокады: их голодные лошадн не могли сравниться с кавалерией неприятеля. Попытки Пугачева взять Оренбург штурмом провалились, и он надеялся, что голод сделает свое дело.

В конце ноября Хлопуша легко взял Ильинскую крепость, но когда попытался захватить Верхне-Озерную, то был отбит. Из Верхне-Озерной повстанцы пошли на Ильинскую, захваченную к тому времени маленьким отрядом, направлявшимся в Оренбург. После двухдневной осады они взяли ее, убив 200 и взяв в плен 260 человек. Повстанцы захватили большие трофеи, усилили блокаду города и изолировали Оренбург от Верхне-Яицкой днстанции[69].

Император и казак

Разгромив Кара и Чернышева, заставив губернатора Рейнсдорпа дрожать за стенами Оренбурга и сорвав освобождение города, Пугачев фактически стал абсолютным хозяином этих земель. Его успех превзошел все ожидания. Локальный казачий бунт, начатый сотней заговорщиков, перерос в восстание, охватившее тысячи квадратных миль и вовлекшее в себя тысячи людей. У самозваного императора теперь было свыше 10000 воинов только в одной Берде, в том числе 1000 яицких и 400 илецких казаков, 5000 башкир и 700 калмыков,

---

[67] Восстание. С. 144–145; *Дубровин П. Ф.* Указ. соч. Т. II. С. 105–111.

[68] Нугачевщина. Т. II. С. 134; *Пушкин А. С.* Указ. соч. Т. IX, ч. 1. С. 248–249.

[69] Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Нугачева. Т. II. С. 167–180.

3000 оренбургских казаков, татар и заводских рабочих, а также немного казахов, имелось примерно 80 пушек, много пороха и ядер, продовольствия и провианта[70].

Территориальный размах восстания и разношерстный состав повстанцев требовали координации. Поэтому в начале ноября 1773 г. Пугачев создал в Берде «Государетвенную Военную коллегию». Ее название свидетельствует, что самозванец пытался легитимизировать себя и своих соратников, подражая Военной коллегии в Санкт-Петербурге. Главным «судьей» (членом) ее стал Андрей Витошнов, его коллегами – давнний соратник Пугачева Максим Шигаев, который также заведовал войсковой казной и снабжением войска продовольствием и фуражом, Данила Скобычкин и илецкий казак Иван Творогов, единственный грамотный из них. Ивану Почиталину, составителю первых манифестов повстанцев, была придумана давно вышедшая из употребления должность «думного дьяка», а самого грамотного из казаков Максима Горшкова сделали «секретарем» Коллегии. Делопроизводителем стал Семен Супонев. По мере расширения восстания численность писцов увеличивалась.

В. Г. Перов «Суд Пугачева». Фрагмент незаконченной картины (позднее 1875 г.) по мотивам «Капитанской дочки» Пушкина.

[70] Пугачевщина. Т. III. С. 232.

Члены «Государственной Военной коллегии» руководили пополнением и снабженнем Большого войска, составляли манифесты, отправляли правосудие, присуждали наказания и награды, координировали действия отдельных отрядов, назначали их командиров и вводили казачье самоуправленне в местах, «освобожденных» от помещиков, заводовладельцев и чнновников. Наконец, Коллегия старалась поддерживать дисциплину своего Войска и боролась с самоуправством.

Создание «Военной коллегии» было неотъемлемой частью игры самозванца в «подлинного государя», «мужнцкого царя». Пугачев и яицкие казаки, многие из которых знали его истинное происхождение, старались правдиво исполнять свои роли. Самозванец назвал нескольких своих соратников именами главных министров Екатерины. Максим Шигаев стал «графом Воронцовым», Чика – «Иваном Чернышевым», Овчинников – «Паниным», Чумаков – «Орловым». Иногда вожаки восставших называли Берду «Москвой», изба Пугачева именовалась «дворцом», а на ее стене висел портрет великого князя Павла Петровича – сына Петра III. Кроме того, у самозванца имелась личная «гвардия» из 25 яицких казаков, и адъютант, «генерал» Аким Давилин. Пугачев иногда осуществлял свой суд, сидя на «троне» на крыльце своего «дворца» в окружении двух казаков, а в руках держал символы власти – топор и булаву. Обещаниями и угрозами он склонял на свою сторону новичков, особенно тех, кто мог знать настоящего Петра III и подтвердить его идентичность вожаку повстанцев. Пугачев любил рассказывать о своих скитаниях и страданиях, которые якобы испытал, когда «злые бояре» свергли его, и при этом горько плакал. Он также копировал иравы екатерининского двора, содержа при себе несколько любовниц[71].

Все это должно было произвести впечатление на доверчивых русских крестьян и нерусское населенне и распространить восстанне вглубь и вширь. Имя «царя Петра III» легитимизировало мятеж и объединяло его разношерстные компоненты. Народ же дополнял биографию самозванца причудливыми подробностями: по одиой из версий спасшийся «Петр Федорович» якобы встретился с римским папой и получил от него задание сделать колокол, звон которого будет услышан во всем мире и поможет ему вернуть престол. Народиое воображенне под колоколом, видимо, подразумевало набат, призывающий людей к восстанию.

У пугачевского самозванства была и другая сторона. С казаками

[71] Там же. Т. II. С. 194–197, 210; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 168.

лидер восставших держал себя как первый среди равных, всегда носил казачью одежду (хотя и очень пышную в торжественных случаях), умело руководил сражениями и демонстрировал свои навыки артиллериста и кавалериста. Обедал он обычно с Шигаевым, Твороговым, Овчинниковым и Почиталиным, участвовал в казачьих развлечениях и попойках. Пугачев всегда выступал за облегчение участи янцких казаков и неодиократно обещал восстановить старую веру в качестве официальной религии[72].

Портрет Пугачева. Его «автографы» и одна из его печатей.

Дуализм Пугачева – «императора» и казака – был отражением ситуации в рядах повстанцев. Ему постоянно приходилось доказывать свою подлинность. Это было делать легко, пока восстанне побеждало, и трудиее, когда начались поражения. Жестокость самозванца подрывала народиое доверие к нему и отрицательно сказывалась на его демократическом, казацком образе. Иногда поступки Пугачева заставляли усомниться в его царском происхождении. Когда, например, он сел на престол в стоящей рядом с Оренбургом церкви и сказал: «Вот, детушки, двенадцать лет уже, как я не сиживал на престоле», одии отнеслись к этому спокойно, другие считали, что православный царь не стал бы этого делать. Заигрывая с толпой, Пугачев мог допустить грубый просчет.

Основной функцией пугачевской Военной коллегии было составленне и рассылка манифестов самозванца. Сначала этим заннмался Иван Почиталин. Но так как Почиталин был малограмотным, ему помогали Максим Горшков и другие писцы. Идорка со своим сыном Балтаем переводил документацию на тюркские языки. Сам

[72] Пугачевщина. Т. II. С. 111, 122, 127, 188, 214, 390; *Чистов К. В.* Указ. соч. С. 164–171.

Пугачев, видимо, почти не участвовал в подготовке воззваний: авторами большинства из них были Горшков и Почиталин. Язык этих документов, распространявшихся в многочисленных копиях, был смесью просторечья и канцелярских оборотов, заимствованных из правительственных указов. Чтобы расширить потенциальную аудиторию, повстанцы обычно рассылали два экземпляра одиого указа, один – по-русски, другой – по-тюркски. Несколько раз пугачевцы обращались к защитникам Оренбурга. Например, 17 ноября 1773 г. онн адресовали следующее посланне «губернатору нашему Рейнсдорпу»: «Довольно известио вам ис публикованных манифистов усмотрить можете, каким образом мы от зависннков общаго покоя Всероснйскаго престола беззаконно лишены были. А ныне всемогущий господь неизреченными своими правидными судьбами паки возвести нас соизволит, наших верноподданных рабов скипетру нашему покаряет, а зависников общему покою под ноги наши повергает. Только вы, ослепясь ниведениям или помрачитесь злобою, нн приходите в чювство: власти нашей бизмерно чинити з большим кравопролитиям противлениям и тщитися процсветшаяся имя наша таким же образом, как и прежде, паки угасить и наших верноподданных рабов, аки младенцев, осиротить. Одиако мы, по природиому нашему к верноподданному отеческому великодушию, буде хотя и ныне, возннкнув от мрака нниведения и пришед в чювство, власти нашей усердио покорясь, всемилостивейший прощаем и, сверх того, всякою вольностию отечески вас жалую.

А будет в таком же ожесточении и суровости останитесь и данной нам от создателя высокой власти нн покоритесь, то уже ннминуемо навлечети на себя правидный наш гнев»[73].

Повстанцы старались придать подлинность этим документам. Они скрепляли их различными печатями, впервые сделав это в манифесте 21 декабря 1773 г., отправленном в Оренбург местному заводовладельцу Ивану Тимашеву. Он был подписан именем «Petr», видимо, пленным поляком, или пугачевскими писарями по его указаниям. Под призывом повстанцев от 3 марта 1774 г. значилось «Петр»[74]. Чтобы обойти указанне Сената о нелегитимности рукописных указов, они стали распространять захваченные ими печатные копии царского маннфеста от 25 декабря 1761 г., сообщавшего о

---

[73] Пугачевщина. Т. I. С. 34.

[74] Там же. С. 39–40. О нечатях новетанцев см.: *Овчинников Р. В.* Обзор нечатей на документах Е. И. Пугачева, его военной коллегии и атаманов // Вонросы социально-экономической истории и источниковедения нериода феодализма в России: сб. ст. к 70-летию А. А. Новоссльского. М., 1961. С. 328–335.

смерти Елизаветы и воцаренни Петра III[75].

Пленный гренадерский офицер, образованный дворяннн Михаил Шванович (Шванвич) сохранил себе жизнь, переведя на немецкий язык маннфест Пугачева губернатору Рейнсдорпу. С двумя другими воззваниями этот документ был подброшен к стенам Оренбурга 20 декабря 1773 г. По указанню Пугачева Шванович подписал эти бумаги по-немецки и по-французски: «Ihre Majestete, Peter der Dritte» и «Votre Majeste, Pierre le Grande» – упоминание в последием случае Петра Великого свидетельствует о весьма смутных представлениях восставших о царственных особах. На одиом из этих документов Пугачев что-то нацарапал, объясннв, что подписывается понностранному. За свои заслуги Шванович был назначен командиром отряда пленных регулярных солдат и получил шубу с плеча Пугачева[76].

Повстанческий манифест на немецком языке, кстати, сильно обеспокоил Екатерину, которая решила, что за повстанцами стоят внешние силы или дворяне. Подобно другим монархам XVIII в. императрица не боялась крестьянских или пограничных бунтов как таковых, но опасалась переворота, организованного дворянами. Она справедливо считала, что элита может свергнуть монархию в ходе восстания, опираясь, как это в итоге и случилось в 1917 г., на сильную армию и бюрократию. Только дворянство, контролировавшее военную и гражданскую сферы, могло поднять эти ннституты против монарха или создать альтернативные органы власти.

Большое войско

Повстанческие силы в Берде именовались «Большим» или «Главным войском», в отличие от отрядов, посылавшихся для захвата городов, сел и крепостей. Под руководством Военной коллегии Большое войско была поделено на «полки» по территориальному и этническому принципам. Так, атаман Овчнннннков комаидовал полком янцких казаков, Иван Творогов возглавил илецких казаков, Ти-

---

[75] Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Пугачева. Т. II. Гл. XI; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг.: на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. Гл. II.

[76] Вноследствии Шванович нризнался на допросе, что служил самозванцу лишь из страха и никогда не верил в царское нроисхождение Пугачева. Несмотря на раскаяние, его лишили званий, дворянства и сослали в Сибирь, где он и умер в 1802 г. Шванович стал прообразом Алексея Швабрина и Петра Гринева в «Капитанской дочке» Пушкина: Восстание. С. 148; Пугачевщина. Т. II. С. 211–215; *Пушкин А. С.* Указ. соч. Т. IX, ч. 1. С. 275; *Овчинников Р. В.* Немецкий указ Е. И. Пугачева // Вонросы истории. 1969. № 12.

мофей Падуров – оренбургских казаков, Федор Дербетов – ставропольских калмыков, Кинзя Арсланов – башкир, Федор Чумаков – артиллеристов, а Хлопуша – «заводских мужиков». Большинство этих вожаков получили чин «полковника» – обычное званне многих повстанческих командиров в последующие месяцы. Каждый полк делился на несколько «комаид» из примерно 100 воинов в каждой, и возглавлялся выбранными офицерами, имевшими традиционные казацкие звания: сотник, есаул, хорунжнй и т. д. На практике, одиако, янцкие казаки через Военную коллегию управляли назначениями всех командиров.

В первые месяцы восстания к самозванцу приходило так много добровольцев, что в активной вербовке сторонников не было необходимости. Эмиссары Пугачева облекали свои призывы в привлекательную форму. Так, Хлопуша, прибыв на Авзяно-Петровский завод в конце октября 1773 г., к привычным обещаниям «Петра III» добавил свои: освобожденне крестьян от уплаты налогов на семь лет, а присоединившиеся к самозванцу в Берде будут служить один год или, максимум, два[77]. И все же повстанческая армия не была исключительно добровольной. Когда повстанцы стали испытывать нехватку людей после поражений, они принялись набирать в свои ряды одиого или двух мужчин со двора. Многие бывшие солдаты, сражавшиеся в рядах мятежников, делали это под принуждением. За дезертирство пугачевцы наказывали смертью.

Те же методы использовались и для снабжения повстанцев. Сначала у них не было с этим проблем, но позже им пришлось прибегнуть к реквизициям. Одиако Пугачев казнил соратников, отбиравших продовольствие и фураж у крестьян. Большое войско получало хлеб из Чернореченской крепости и Каргалинской слободы. Он также продавался в Берде, хотя там был установлен потолок цен[78]. Мясо выдавалось бесплатно, но соль и спиртное продавались «казной» так же как и при царизме, хотя и дешевле. Иногда создавались особые отряды фуражиров и заготовителей провианта. Атаман Илья Арапов в декабре 1773 г. привел такой отряд в Бузулукскую крепость. По сравнению с осажденным гарнизоном Оренбурга повстанцы в Берде питались лучше.

Военная коллегия повстанцев и Пугачев ннногда платили жалованье своему войску деньгами или натурой. На захваченных крепостях и заводах восставшие иногда изымали большие суммы денег, в остальное время их казна была почти пуста. Конечно, обещания добычи привлекали к восставшим стороннников. Самозванец и казаки

[77] Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 169–170.

[78] *Пушкин А. С.* Указ. соч. Т. IX, ч. 1. С. 284.

выставляли напоказ свои трофеи в виде роскошной одежды, ннкрустированных золотом или серебром сабель и ружей, чистокровных лошадей, дорогих внн и прекрасных пленниц.

В военном отношенни Большое войско Пугачева было и грозным, и слабым. К концу 1773 г. оно насчитывало свыше 10000 человек, то есть в два-три раза превышало численность защитников Оренбурга, но лишь примерно у 3000 из них имелись ружья. Большннство башкир были вооружены лишь луками, стрелами и копьями, а заводские рабочие и крестьяне – мечами, саблями, косами, рогатинами, копьями, топорами и дубинками. У многих не было ничего, кроме простой палки.

Как же тогда Пугачеву удавалось побеждать? С одиой стороны, этому способствовали ошибки противника и недовольство населения. С другой, повстанцы, ранее служнвшие в армии, умело использовали конницу и пушки. Пугачев сам был искусным артиллеристом и много сделал для организации повстанческой артиллерии, что признавали защитники Оренбурга и генерал Кар.

Осаждавшие добывали большинство артиллерии в захваченных крепостях, форпостах и на заводах. Но это были в основном малокалиберные орудия или оборонительные пушки, не подходившие для осады Оренбурга, что и было продемонстрировано 22 октября и 2 ноября. Поэтому восставшие сами пытались производить осадную артиллерию и боеприпасы.

Еще в середине октября Пугачев отправил Хлопушу на Авзяно-Петровский завод, чтобы изготовить там две мортиры и несколько бомб. Но поскольку большннство рабочих теперь получили свободу, они прекратили производство. Тем временем один из наиболее энергичных пугачевских «полковннков», Иван Грязнов, нашел трех заводских крестьян и несмотря на их клятвенные уверения, что они не пушечных дел мастера, отправил их 8 ноября на Воскресенский медеплавильный завод, приказав отлить 5 гаубнц и 30 бомб. Изготовление одиого орудия заняло две недели, и при испытаниях в Берде оно разорвалось. Тогда Военная коллегия поручила контролировать работу Воскресенского завода Чике, но ему либо вообще не удавалось изготовить пушки, либо они разрывались при испытании.

После того как в декабре 1773 г. Военная коллегия направила Чику к башкирам, Воскресенский завод возглавил Яков Антипов, обратившийся к мастеровым Авзяно-Петровского завода. В первые месяцы 1774 г. повстанцами было изготовлено 2 мортиры, 3 «единорога» и 6 гаубиц, на которые ушло около 27 т бронзы, причем миннмум треть продукции составлял брак.

Артиллерия, изготовлявшаяся повстанцами, была ннзкого качества. У 9 из 11 орудий был нестаидартный калибр, что создавало

большие трудности. Аналогичные проблемы были и с боеприпасами. Пугачевские бомбы, пушечные ядра и картечь были разных размеров, со свищами и трещинами. Попытки восставших самостоятельно наладить производство оружия свидетельствуют как об их энтузиазме и изобретательности, так и об отеутствии временн и специалистов. Почти вся артиллерия, изготовленная восставшими, поступила их войску, когда нужда в ней уже отпала[79].

* * *

С середины сентября до конца 1773 г. Пугачев достиг потрясающих успехов. В Берде имелось 10000 человек с почти 100 пушками, Оренбург был плотно блокирован и хотя Корфу удалось прорваться в город, его отряд нужио было обеспечивать продовольствием, топливом и фуражом. Напротив, у повстанцев никаких проблем со снабженнем не было, а моральный дух их войска был очень высок, несмотря на то, что оно жнло в шалашах и землянках.

После поражения Кара и гибели Чернышева край оказался в руках повстанцев. Блокада Оренбурга продолжалась, а восстание распространялось вширь. Красноречивые манифесты повстанцев и вдохновленные речи их агитаторов вызывали восторг у различных групп населения этой огромной территории. И хотя Большое войско пугачевцев увязло под Оренбургом, поднятое ими восстание породило серию новых бунтов, вылившихся в войну на всей территории региона.

[79] Пугачевщина. Т. I. С. 33, 54, 60-62; Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Пугачева. Т. II. Гл. XII; *Мартынов М. П.* Урал – артиллерийская база великой крестьянской войны 1773–1775 годов // Военно-исторический журнал. 1964. № 1. С. 103–105.

Глава IV

ТУЗЕМЦЫ И РАБОТИЫЕ ЛЮДИ ГОРИЫХ ЗАВОДОВ

С самого начала восстания нерусские народиости были на стороне повстанцев. Калмыки и тюркоязычные казаки были среди тех, с кем Пугачев пошел на Яицкий городок: в составе Янцкого Войска находилось множество татар и калмыков, что отмечалось уже в первом манифесте самозванца. Благодаря торговле, случайным стычкам и капризам степной политики янцкие казаки также контактировали с казахскими ордами, кочевавшими за Яиком.

С 1731 г. кочевые казахи формально находились под русским протекторатом. В условиях распада родового строя их хан – верховный сюзерен конфедерации племен (так называемая Малая Орда) – фактически превратился в племенного монарха, не имевшего власти над равными себе по статусу султанами и вассалами. На фоне ослабления ханской власти, давления джунгар[80] на казахов и постоянной нужды кочевников в безопасных пастбищах царские власти постепенно опутывали казахов своими цепями. Многие из приемов, ранее использовавшихся для подчинения казаков, теперь применялись к тюркским кочевникам. Правительство поставляло казахским лидерам хлеб, одаривало их подарками и деньгами. Хан Нурали, например, ежегодио получал 600 руб. – причем 200 руб. из них тайно, дабы не возбуждать ревности у своей элиты, также получавшей денежную помощь. В обмен на это казахские ханы и султаны публично присягали на верность русскому царю и отдавали ему в залог своих сыновей. Оренбургские и янцкие власти скрытно наблюдали за казахами и нередко запрещали им переходить Яик в поисках пастбищ; ннногда онн поджигали траву вдоль реки, чтобы отогнать кочевников. Более того, онн пытались ограничить связи между яицкими казаками, казахами, башкирами, татарами и калмыками, стараясь при всякой возможности столкнуть нерусские племена друг с другом. Так, во время башкирского восстания 1755 г. оренбургский губернатор разрешил казахам грабить и обращать в рабство бежавших к ннм башкир, а затем подстрекал последних отомстить за это. Не имея достаточных военных сил на юго-восточной границе и боясь объединения туземцев, царское правительство последовательно

[80] Западная ветвь монголов, родственники калмыков.

осуществляло здесь принцип «разделяй и властвуй»[81].

Казахи сопротивлялись этому и восставшие яицкие казаки, искавшие широкой поддержки и зная о проблемах кочевников, рано или поздио должиы были выйти на контакт с казахами. Несомненно, что вскоре после начала восстания к ннм прибыли пугачевские эмиссары[82]. Восставшие неодиократно пытались уговорить казахов присоединиться к ним. Со своей стороны, казахские лидеры, особенно хан Нур-Али, воспользовавшись ситуацией, заигрывали и с царекими властями, и с повстанцами.

Но если Нур-Али занимал выжидательную позицию, уверяя губернатора Рейнсдорпа и полковника Симонова в своей верности императрице и одиовременно внимательно присматриваясь к самозванцу, то его соперннк и троюродиый брат султан Дусали не раздумывая послал к восставшим военный отряд во главе со своим сыном султаном Сеид-Али. Одиако вскоре Дусали одумался и отказался идти на Яицкий городок. Тем временем коварный Нур-Али обещал помощь повстанцам, если онн освободят султана Сеид-Али, чье длительное нахождение в Берде напомннало царскую практику содержания сыновей казахских вождей в качестве заложников. Одиако в конце 1773 г. Нурали со своими людьми откочевал в степь[83]. Разочарованный таким восточным непостоянством, Пугачев в сердцах заявил своему окруженню, что не отдаст заложника. Фактически Сеид-Али оставался в Берде до поражения восставших весной 1774 г., после чего сбежал в степь[84].

Хотя Пугачеву не удалось заручиться прямой поддержкой ни одиого из известных казахских вождей, отдельные казахи пришли к нему на помощь. Несколько казахов вступили в его войско и воевали под Оренбургом; они внесли косвенный вклад в восстание. Отряды казахов, воспользовавшись ситуацией, активизировали свои набеги

---

[81] *Семенюк Г. И.* Политика царизма в Казахстане до начала Крестьянской войны 1773–1775 гг. (царизм и феодальная верхушка казахского общества) // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: сб. ст. намяти Ивана Ивановича Смирнова. Л., 1967. См. также: Central Asia: A Century of Russian Rule / Ed. *E. Allworth*. New York, 1967. P. 47–49; *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1971.

[82] *Снежневский В.* К истории пугачевского бунта: в стени у киргиз-кайсаков // Русская старина. 1890. Март. С. 795.

[83] Пугачевщина. Т. I. С. 169–170; Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках. Алма-Ата, 1964. С. 14–22; *Овчинников Р. В., Слободских Л. П.* Повые документы о Крестьянской войне 1773–1775 гг. в России // Исторический архив. 1956. № 4. С. 131.

[84] Пугачевщина. Т. II. С. 108–109, 111. *Бекмаханова П. Е.* Легеида о Певидимке: участие казахов Крестьянской войне нод руководством Пугачева в 1773–1775 годах. Алма-Ата, 1968. С. 88–92.

на Яик. Онн грабили всех подряд, доходя до Волги, и даже переправляясь через нее. С мая по август 1774 г. казахи захватили 434 мужчнн и женщин и угнали почти 3000 лошадей и свыше 1200 голов крупного рогатого скота. Их шайки опустошали янцкие форпосты и нарушали связи между крепостями[85]. Хотя казахи действовали самостоятельно, онн в любой момент могли присоединиться к самозванцу, а их набеги осложняли ситуацию в Оренбуржье и отвлекали правительственные силы от борьбы с восстанием.

* * *

Более активно в восстании участвовали калмыки. Эти кочевники пришли в волго-янцкие степи из Монголии в начале XVII в. Немало калмыков входило в Янцкое Войско и поэтому разделяло недовольство казаков. Часть этого народа, оставив кочевание и крестившись, поселилась вокруг Ставрополя в Средием Поволжье, в 333 милях северо-западнее Оренбурга. Известно, что крестившись, ставропольские калмыки были приняты на государственную службу и стали защищать крепости Самарской лннии. Там они испытывали те же тяготы, что и казацкие гарннзоны вдоль Яика. За два года до начала пугачевского восстания часть калмыков Нижнего Поволжья неожиданно сбежала через Яик в Китай. Поскольку бунтовавшие янцкие казаки весной 1771 г. отказались их преследовать, примерно 100000 калмыкам удалось уйти, а те, кто остался, тяготились своим положением.

Калмыки сразу же поддержали Пугачева, и их уход из Татищевой крепости облегчил взятие им этого стратегически важиого пункта. С началом осады Оренбурга самозванец отправил Дмитрия Лысова на Самарекую лннию агитировать калмыков. Вскоре к Пугачеву присоеднннлись 300 калмыков во главе со старшиной Федором Дербетовым, назначенным командиром калмыцкого «полка». Несколько сот ставропольских калмыков оказались в Берде после разгрома отрядов генерала Кара и полковника Чернышева. Среди них был и Василий Торнов, уроженец Персии (отеюда его другая фамилия – Переияннов), позже сражавшийся на Урале. К середине ноября 1773 г. в Берде было уже около 700 калмыков, составлявших одну из самых сильных частей Большого войска Пугачева[86].

---

[85] Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Пугачева. Т. II. С. 156–166; *Чулошников А.* Казак-киргизские кочевые орды и пугачевщина // Повый Восток. 1929. Кн. 5. Краткий нересказ статьи Чулошникова и критическую оценку нозднейших советских работ см.: The Kazakhs and Pugachev's Revolt // Central Asian Review. 1960. Vol. VIII, no. 3.

[86] Восстание. С. 143, 151; Пугачевщина. Т. II. С. 108, 411–412; Т. III. С. 232; *Рычков П. И.* Указ. соч. Т. II. С. 101–103.

Калмыки не только сражались под Оренбургом, но и прннесли восстание в Ставрополь. Тамошние калмыки перешли к самозванцу, оставив город без защиты. К середине декабря 1773 г. его окрестности были охвачены волнениями: шайки мятежиików численностью 200–300 человек ходили по деревням, ведя агитацию и заннмаясь грабежами и убийствами. Нападение на Ставрополь могло произойти в любое время[87].

Стремясь к территориальному расширению восстания, пугачевская Военная коллегия начала его органнзацию в Поволжье. Она поручила беглому крепостному атаману Илье Арапову, ответственному за сбор провианта, оружия и людей вокруг Бузулукской крепости, захватить крепости Самарской линни. Не встретив никакого сопротивления, Арапов подошел к Самаре в Рождество 1773 г. Ее комеидант, часть гарннзона, дворяне и купцы ночью бежали, а простой народ приветствовал пугачевцев традиционным хлебом-солью, иконами и колокольным звоном. Был отслужен молебен в честь «Петра Федоровича», дан салют в честь победы, открыты бочки с внном и бесплатно роздано пять тонн соли. Арапов забрал 376 местных жителей, но только 103 из них были вооружены. Ему досталось шесть пушек, но не было пороха и казны, которые взял с собой сбежавший комеидант. Арапов разослал по селам и деревням агитаторов с копиями манифестов Пугачева и начал готовить нападенне на Ставрополь, находившийся в 55 милях отсюда.

Одиако 29 декабря 1773 г. Арапов был выбит из Самары царскими войсками, а через девять дией вновь разбит в соседием Алексеевске. Но даже после этого калмыки продолжнли борьбу. 20 января 1774 г. отряд Федора Дербетова внезапно овладел Ставрополем. Калмыки разграбили дома богачей, взяли шесть пушек и захватили комеиданта и трех его помощников, которых позже убили. Возвращаясь в Берду, Дербетов столкнулся с отрядом, освободившим от Арапова Самару. В ходе ожесточенного боя калмыки потеряли 5 пушек и 160 человек убитыми и взятыми в плен[88]. Но потерпев поражение на поле боя, повстанцы разожгли огонь восстания в этих местах и даже в Средием Поволжье. Их стремительные рейды провоцировали дальнейшие беспорядки.

* * *

Хотя калмыки в отличие от казахов и оказали значительную помощь самозванцу, их было мало и они не влияли на ход восстания. Эта роль выпала башкирам. Еще до похода на Оренбург Пугачев на-

[87] Пугачевщина. Т. III. С. 13–15.

[88] Там же. Т. I. С. 43–44, 86–88; *Дубровин П. Ф.* Указ. соч. Т. II. С. 264.

правил к ннм из Каргалы два манифеста. Башкирский старшина Кинзя Арсланов сразу же откликнулся на эти призывы, приведя в начале октября к повстанцам 500 человек. Вскоре так стали поступать и другие башкиры. Пугачев назначил Кинзю атаманом башкир, а позже присвоил ему чнн «полковника» башкирского «полка».

Кинзе Арсланову было примерно 50 лет, и у него имелся взрослый сын Сюлявчин. Являясь старшнной Бушман-Кипчакской волости, Кинзя был известен в Ногайской дороге – так назывались земли башкир Южиого Урала[89]. Вместе с другнми башкирскими вожаками он сопротивлялся захвату и колоннзации их угодий, насильственной христианизации башкир, несению гарннзонной службы и навязанной башкирам за двадцать лет до этого обязанностью втридорога покупать у казны соль (фактически, это был скрытый налог). Как и все башкиры, он горел желаннем отмстить царским чиновникам, промышленникам и землевладельцам, и вернуть свободу и независимость, которой кочевники обладали до прихода русских. Поэтому Кинзя Арсланов активно поддержал бунтовщиков.

Кинзя умел читать и писать, хорошо владел русским языком, что было особенно важно, ибо Пугачев нуждался в привлечении башкир на свою сторону. С середины октября Кинзя писал письма и направлял агитаторов, призывая народ к восстанию. Так, 17 октября он приказал старшине Аблаю Мурзагулову немедленно прибыть на службу «от земли потерянного царя и великого государя Петра Федоровича». Он заявлял, что великий князь Павел Петрович ведет 72000 донских казаков на помощь своему «отцу», а 11 других башкирских старшин со своими людьми уже присоединнлись к самозванцу[90].

Такого рода призывы, распространявшиеся по всей Башкирии, вдохновили людей, в том числе сына Кинзи – Сюлявчнна, на восстание. Агитация вызывала замешательство среди башкир и колебания их лидеров. В результате повстанческой пропаганды к началу ноября 1773 г. царские власти Башкирии не смогли отправить верных башкир против восставших и опасались, как бы здесь не начал-

---

[89] Башкирия в XVIII в. делилась на четыре «дороги» (но-тюркски это означало налоговые округа): Казанскую, Погайскую, Сибирскую и Осинскую (другая этимология: *Чураков В. С.* Ещё раз о происхождении русского административно-территориального термина дорога // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: История и современность». Глазов, 2005. С. 142–143. – *Прим. пер.*).

[90] Пугачевщина. Т. I. С. 143; Восстание. С. 142–143; *Усманов А. П.* Кннзя Арсланов – выдающийся снодвижиик Пугачева // Исторические зашски. М., 1962. Т. 71.

ся настоящий бунт. Всего за один месяц пугачевцы сорвали планы царизма превратить Башкирию в базу для контрнаступления правительственных сил.

Победа восставших в начале ноября 1773 г. над карательной экспедицией генерала Кара стала возможна в основном благодаря отказу башкир помогать царскому отряду. Это означало, что башкиры порвали с Россией и подняли восстанне. Старшина Аблай Мурзагулов по призыву Кннзи Арсланова привел к самозванцу большой отряд, в котором находился и Салават Юлаев – сын старшины Юлая Азналина.

К 15 ноября башкир в Берде было уже 5000 человек. Пугачев и Кинзя Арсланов с радостью встречали их, собирали в особые башкирские «полки» и отправляли часть из них на север, чтобы поднять там восстанне. Они назначили 21-летиего Салавата Юлаева «полковником» и поручили ему возглавить восстание в Сибирской дороге к северо-востоку от Уфы. В ноябре 1773 г. в Берду пришел мещеряк[91] из Ногайской дороги Канзафар Усаев и на месяц стал писцом Кинзи Арсланова. За это, а также за активное участие в боях под Оренбургом он получил чнн «полковника» и был отправлен агитировать Уфимский уезд Башкирии. Немало повстанческих командиров были направлены из Берды с аналогичными заданиями. К концу 1773 г. Башкирия превратилась в кипящий котел[92].

Присоединение башкир к восстанню значительно увеличило его размах и очистило эти земли от царских чиновников. Башкиры участвовали и в осаде Оренбурга. Надежды на то, что восстанне удастея подавить местными силами, больше не было. Требовалась помощь регулярной армии, но для ее переброски нужно было время. А пока самозванец продолжал свое победиое шествие.

Одиако наличие самостоятельных повстанческих отрядов осложняло их коордннацию и неизбежно раздробляло движение. К тому же башкиры были носителями антирусских настроений. Это проявлялось во враждебных акциях ко всему без исключения русскому населению, что могло отрицательно сказаться на восстанни, оттолкнуть от него русских крестьян и перессорить повстанцев. Поэтому одиой из главных задач повстанческой Военной коллегии было устранение конфликтов с башкирами. Дальнейшим шагом по координации и консолидации действий русских и башкирских отрядов стало назначение в конце 1773 г. Чики командующим всеми пов-

---

[91] Мещеряки (мишари) были группой татар, нервоначально живших возле Казани; нозже русское правительство нереселило их на башкирские земли и обложило различными новинностями.

[92] Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Пугачева. Т. II. С. 133–156.

станческими отрядами в регионе. Башкирия превратилась во второй центр восстания.

«Граф Ивашка Чернышев»

В конце ноября 1773 г. отряды башкир и других повстанцев начали осаду Уфы, столицы царекой адмннистрации в Башкирии и географического центра башкирского сопротивления России. Находящийся в 225 милях севернее Оренбурга при впадении рек Уфы и Белой, окруженный со всех сторон Уральскими горами, город Уфа был основан русскими в 1586 г. Спустя двести лет он все еще был захолустьем, населенным примерно 5000 торговцев и ремесленнн-ков. К 1773 г. укрепления Уфы были в весьма плачевном состоянии. Местный гарнизон состоял из 1100 человек с примерно 40 пушками[93]. В начале декабря башкиры окружили Уфу, но почти не имея огнестрельного оружия, обратились за помощью к «Петру Федоровичу». Пугачев прислал вместо себя Чику.

Переименованный в «графа Ивана Чернышева» (брата врага янцких казаков Захара Чернышева, сенатора и главы Адмиралтейства, а ранее владельца нескольких медиых заводов на Урале), Чика оставил воскресенских работных людей и 14 декабря 1773 г. прибыл к Уфе. Участник казацкого бунта 1772 г. и один из первых сподвижннков Пугачева, Чика пользовался у янцких казаков и самозванца полным доверием, поэтому Военная коллегия повстанцев разрешила ему издавать указы с собственной печатью, присваивать воинские звания, награждать, организовывать борьбу и отправлять правосудие. Штаб-квартира Чики в селе Чесноковка, традиционном месте собраний башкир в нескольких милях от Уфы, стала, в сущности, второй Бердой, откуда «граф» руководил всем северным фронтом восстания.

Чике в основном удалось сплотить повстанцев, пресечь разбои, обуздать бесчннства башкир и расширить территорию восстания. Если в середнне декабря 1773 г. у него было 4000 человек, то к началу 1774 г. – уже почти 12000. В Чесноковку стекались башкиры и

---

[93] *Рычков П. И.* Указ. соч. Т. II. С. 193–199; *Паллас П. С.* Указ. соч. СПб., 1786. Т. II, ч. 1. С. 4–7; *Camena d'Almeida P.* La colonisation nisse dans les gouvcrnements d'Oufa et d'Orenbourg // Annales de Geographie. 1899. Vol. VIII, no. 38. Особенно р. 130 (рус. нер.: *Камена Д'Альмейда П.* Российская колонизация Уфимской и Оренбургекой губерний // Башкирия/Башкортостан: пространство, нолитика, механизмы выживания: но страницам зарубежиой историографии / Сост. *И. В. Кучумов.* Уфа, 2010. Особенно с. 69 – *Прим. пер.*).

мещеряки, татары, удмурты и чуваши[94], помещичьи крепостные, заводские рабочие, солдаты, казаки и даже священнослужители. Они приходили с лошадями, продовольствием и оружием. Вскоре у Чики было уже 25 пушек. Но взять Уфу пугачевцам так и не удалось.

Штурм Уфы Чикой начался в 7 часов утра 23 декабря 1773 г. Восьмичасовой артобстрел, сопровождавшийся неодиократными атаками мятежников, не принес результатов. Пугачевцам пришлось вернуться в Чесноковку и целый месяц готовиться к новому штурму. Все это время онн призывали уфимцев сдаться и не позволяли им выходить из города. Из-за сильных холодов и отсутствия дисциплины повстанцы не смогли добиться полной блокады города и несли большие потери от вылазок горожан и огия артиллерии. Но пугачевцы продолжали обстреливать Уфу из пушек, а 10 января разорили ее окрестности.

25 января 1774 г. Чика предпринял новый штурм. Осаждающие установили пушки в 500 ярдах от городских стен. Под личным руководством Чики они по очереди атаковали Уфу с четырех сторон. Однако защитники отразили все атаки и даже подстрелили лошадь под «Иваном Чернышевым». После этого Чика отступил в Чесноковку, решив, по примеру Пугачева под Оренбургом, уморить уфимцев голодом. Блокада продолжалась до февраля и марта 1774 г., когда повстанцам пришлось отбивать контратаки цареких войск с северо-запада.

Осада Уфы не позволила поднять восстанне в других местах. Пугачевцы были плохо вооружены (некоторые вообще не имели ннкакого оружия) и не владели искусством осады городов, у них не хватало пушек, особенно тяжелых осадных орудий, опытных артиллеристов, пороха и зарядов. Кроме того у обитателей Чесноковки отсутствовало опытное и дисциплинированное ядро наподобие яицких казаков и пленных солдат, составлявших костяк армии при осаде Оренбурга. Под Уфой пугачевцы не смогли ни пресечь вылазки горожан, ни полностью блокировать город. Отсутствие согласованности в действиях туземцев, крестьян, работных людей и казаков не позволило Чике единолично возглавить восстание в Башкирии[95]. Одиако повстанцам все же удалось временно захватить главный промышленный центр Российской империи – Урал.

---

[94] Удмурты (вотяки) – финноязычный народ, расселившийся вдоль р. Камы, особенно вокруг города Ижевска; чуваши говорят на тюркском языке и нассляют территорию вдоль Волги между Пижним Повгородом и Казанью, нреимущественно вокруг Чебоксар.

[95] Пугачевщина. Т. II. С. 134–136; *Овчинников Р. В., Слободских Л. П.* Указ. соч. С. 132; Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Пугачева. Т. II. С. 206–235.

Окраинная промышленность

В XVIII в. Урал испытал своего рода промышленную революцию, которая в чем-то была повторена в СССР в 1930-е гг. Главным трамплнном для нее была железоделательная и медеплавильная металлургия. К 1750 г. Россия фактически стала мировым лидером в производстве и экспорте чугуна и была таковой до самого конца столетия. Вызванный устойчивыми заказами армии и зарубежных потребителей (преимущественно английских), богатыми запасами руды, леса (древесного угля), гидравлической энергии и дешевой рабочей силой, бурный рост производства изменил экономическую географию России. Далекий и отсталый Урал превратился в крупнейший индустриальный регион Европы.

Действительно, из 227 горных заводов, построенных русскими предпрннимателями в XVIII в., 149 (примерно две трети) находились в Заволжье, в основном на Урале. После 1750 г. вся медь, выплавленная на частных предприятиях России, была уральского происхождения, а к 1800 г. этот регион производил 4/5 всего российского чугуна. Дннастии Демидовых и других предпринимателей стали русскими аналогами английских Дерби, поскольку скопили огромное состояние (одиовременно получив дворянство) благодаря 54 заводам, принадлежавшим им в XVIII в. Эта промышленная экспансия наложнла свой отпечаток на район к северу от Оренбурга.

До 1743 г. на территории будущей Оренбургской губернии, включавшей в себя Южный Урал и частично Западную Сибирь, не было ни одиого металлургического предприятия. Но в последующие тридцать лет дворяне и купцы построили здесь примерно 125 заводов, 83 из которых располагались на Урале, причем приблизительно половина из них (38) – в Оренбургской губернии. Почти треть металлургических предприятий Южного Урала была основана симбирскими купцами Иваном Твердышевым и его зятем Иваном Мясннковым. Их дуэт приносил фантастическую прибыль.

Начннавшие в качестве поставщиков водки, селитры и провизии казне, к 1744 г. Твердышев и Мясников сколотили капитал, позволивший им приобрести заброшенный Воскресенский медеплавильный завод северо-восточнее Оренбурга. Они сразу же перенесли его на новое место, тем самым заложив основы будущей промышленной империи. За четверть века Твердышев и Мясников построили 10 металлургических заводов – 5 медеплавильных и 5 железоделательных. Их 11 металлургических предприятий – в 1768 г. они приобрели у разорившихся дворян еще 6 медеплавильных заводов – производили 23% всей выплавленной в 1769–1772 гг. в России меди

и обеспечивали работой почти 10000 человек.

Ежегодиая прибыль Твердышева и Мясннкова от заводов Оренбургской губернии составляла 225–433%. К ним благоволила местная власть, а в 1758 г. они получили наследственное дворянство. В 1767 г., путешествуя по Волге, в их роскошном особняке в Симбирске останавливалась императрица Екатерина. В 1784 г. наследннкам Твердышева и Мясникова досталось 10 заводов и примерно 8000 крепостиых стоимостью почти 2,5 млн рублей[96].

Большинство первых металлических заводов Урала были маленькими, но некоторые не уступали своим европейским собратьям. Так, построенные в 1755 г. Верхне-Авзянский и Нижне-Авзянский заводы Евдокима Демидова имели одну большую домну и 13 молотов, производили ежегодио 5400 тонн чугуна и 2900 тонн стали при помощи почти 6300 рабочих и крестьян. По сравнению с чугунолитейными, медеплавильные заводы обычно были меньших размеров. Так, Воскресенский завод Твердышева и Мясникова, крупнейшее предприятие такого рода на Южиом Урале, в 1768–1772 гг. в средием выплавлял 211 тонн меди ежегодио. Основная часть готовой продукции шла на чеканку медиых денег. На заводе жнли более 3000 крепостных, а вспомогательные работники нанимались отдельно[97].

Большинство металлургических предприятий Оренбургской губернни были построены на землях, купленных, ареидованных или просто отобранных у башкир, и поэтому как правило защищены крепостными стенами от их нападеннй. Заводам, потреблявшим много древесного угля, строевого леса, руды и известняка (использовавшегося в качестве флюса), требовались все новые и новые пространства, а их потребность в рабочей силе привела к появленню в этом девственном и малозаселенном регионе новых категорий населения.

После основания Оренбурга населенне Южиого Урала стало быстро расти. Колонизация северного и центрального Урала началась

---

[96] *Павленко П. И.* История металлургии в России XVIII века. М., 1962. С. 227–242, 458–464, 500–501; *Мартынов М. П.* Воскресснский завод в Крестьянской войне 1773–1775 гг. // Исторические записки. 1967. Т. LXXX. С. 287–288; Пугачевщина. Т. II. С. 268–270; *Он же.* Пугачевекое движение на заводах Южиого Урала // Заниски научного общества марксистов. 1928. № 2. С. 104. См. также: *Portal R.* L'Oural au XVIII-e siecle. Paris, 1950 (рус. нер.: *Порталь Р.* Урал в XVIII веке: очерки социально-экономической истории. Уфа, 2004. – *Прим. пер.*); *Пруссак А. В.* Заводы, работавшие на Пугачева // Исторические заниски. 1940. Т. VIII.

[97] *Мартынов М. П.* Пугачевское движение на уральских заводах // Заниски научного общества марксистов. 1928. № 1. С. 44; *Он же.* Воскрссснский завод в Крестьянской войне 1773–1775 гг. С. 288.

еще при Петре I. Первая официальная перепись населения в 1719 г. выявила в регионе приблизительно 278000 душ мужского пола. Через 50 лет их насчитывалось на севере Урала уже свыше 700000 душ, а общая численность жителей региона превышала 1400000 душ. Как и в других местах, большинство поселенцев были беглыми государственными крестьянами или бывшими крепостными, преимущественно староверами. В ходе экспансии сюда государства местное население было превращено в государетвенных крестьян, хотя сельское хозяйство было не единственным вндом их деятельности. С началом индустриализации этой окраины перечень тягот, которые должиы были нести переселенцы, увеличился, что привело к обострению социальной напряженности и вызвало, например, кунгурское восстание 1703 г., когда местиому воеводе пришлось попросту бежать из города. Как только к мятежу присоединнлась Башкирия, начался обычный для этих мест бунт[98].

Крепостиые работники составляли основу индустриализации Урала. Источннки их происхождения были различными. Беглые крепостиые и гулящие люди, каторжиики и рекруты должны были отрабатывать подушную подать, или (если они бежали сюда давно) им разрешалось продолжать работать на заводах, став поздиее «вечноотданными» без права продажн отдельно от предприятий. Заводчики-дворяне использовали своих или купленных крепостных. До 1762 г. недворянам не разрешалось покупать крепостных для своих заводов кроме как по специальному разрешенню, и Петр III ввел новые ограничения на это – такая практика продолжалась, как минимум теоретически, и при Екатерине[99]. Во всех этих случаях крепостные переселялись и жнли при заводах, получая маленькие наделы земли.

Чтобы обеспечить развитие промышленности, правительство заставляло крестьян, живших на государственных землях, несколько месяцев отрабатывать на казенных или партикулярных заводах. Эти «приписные» крестьяне обычно трудились рудокопами, лесорубами, углежогами и извозчиками, а их зарплата уходила на уплату об-

---

[98] *Кабузан В. М.* Указ. соч. Табл. 17–18. С. 161, 164. О кунгурском восстании 1703 г. см.: *Преображенский А.* Очерки колонизации западного Урала в XVII–начале XVIII в. М., 1956. С. 241–275.

[99] Па нрактике богатые кущы ухитрялись обходить этот занрет: иногда им официально разрешалось совершить незаконную нокупку, иногда они нокупали нреднриятия вместе с креностными, землей и оборудованием. Демидовы, Твердышев и Мясников нолучили наследственное дворянство с нравом владеть креностными. К тому же некоторые богатые недворяне нриобретали «нравославное имущество» (креностных) у ноиздержавшихся дворян.

рока и подушной подати. Заводские деревни находились в нескольких сотнях миль от своих предприятий, что вынуждало крестьян совершать далекие переходы к месту работы. Государетвенные крестьяне были обязаны по первому требованию предоставлять работников для заводов. Онн передавались заводу «на время» – что обычно означало «навсегда».

Последнпм источнпком рабочей силы были наемные работники из нерусских народов Волго-Камского бассейна. Юридически они являлись государственными крестьянами, имевшими право выбирать род занятий и место жительства, одиако на самом деле становились должиками заводской адмннистрации, которая обычно выдавала большой денежный аванс, нанимая свободиых работников на длительное время, иногда на 8–10 лет, и одиовременно продавая им в долг по высоким ценам товары в заводском магазнне. Расположенные на территории завода поселки свободиых работников должиы были привязать этих людей к предприятиям. К тому же многие государственные крестьяне уходили на заводы, чтобы избежать армейской службы, ибо по указу 1766 г. заводчики могли откупиться от рекрутчины. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., когда рекрутские наборы происходили ежегодио, люди массами уходили на заводы.

Реестр, составленный властями в 1777 г., сообщает, что из 138 заводов 122 были частиыми и только 16 – казенными. Всего на них насчитывалось 186035 рабочих, из них 136053 (свыше 70%) были приписными крестьянами, а 49982 – крепостными. Кроме них на заводах трудились и свободиые наемные работники, но численность их неизвестна, одиако, вероятно, меньше, чем крепостных.

Заводские крепостные работали по много часов в тяжелых условиях за нищенскую плату, жеищнны и дети трудились наравне с мужчннами. Те, кто постоянно жнли при заводах, не успевали заниматься земледелием, а если и заннмались, то крохотного участка посевов им явно не хватало. На заводе господствовала система жестоких наказаний – порка, избиения, карцер, каидалы и т.д. Приписные крестьяне должны были по 3–4 месяца в год работать на заводе за мизерную плату. Поскольку в то время цены на хлеб возросли, то крестьяне могли бы больше заработать на его выращивании, чем на заводском труде.

В 1760-е гг. Урал охватили волнения работных людей. Иногда властям приходилось даже вызывать солдат для их подавления. Хотя правительство немного повысило зарплату приписных крестьян и после 1769 г. стало выплачивать компенсацию за переход от дома к месту работы – это мало что изменило. Новые налоги, введенные в ходе русско-турецкой войны, наряду с ростом цен на хлеб еще боль-

ше ухудшили положение рабочих. Поэтому манифесты Пугачева, обещавшие всем свободу, были восторженно приняты на заводах Урала[100].

Соль, водка и свобода

Начав осаду Оренбурга, Пугачев призвал соседние заводы присылать ему пушки, боеприпасы, провиант и людей. 4 октября 1773 г. царские власти приказали Воскресенскому и Верхоторскому заводам, расположенным в 7 милях друг от друга и в 114 милях на северо-восток от Оренбурга, прекратить работу и занять оборону. Тем временем находившиеся гораздо ближе к Оренбургу рабочие Каргалинских рудиików, снабжавших сырьем Воскресенский завод, присоединились к повстанцам. Имея на руках «указ» самозванца, они 12 октября пришли на завод. Работники предприятия немедленно заявили о своей готовности служить «Петру III». Они помогли пугачевцам арестовать заводских приказчиков, причем одиого даже сожгли живьем в его собственном доме, уничтожили все документы – особеино долговые расписки и обязательства – и разграбили свой и соседиий Верхоторский заводы. Через три дня восставшие ушли, прихватив с собой 14 пушек, 3000 пуль, свинец, порох, лопаты, другие инструменты, а также серебро заводчиков, медную посуду и 30000 руб. Около 600 мужчин влились в ряды повстанцев. На Каргалинских рудииках пугачевцы взяли 4 пушки, мушкеты и порох, 1000 руб. и 50 голов крупного рогатого скота. Все это на первых порах очень помогло Пугачеву под Оренбургом.

Иногда рабочие приглашали повстанцев к себе, иногда пугачевцы приходили сами. Чика остановил Воскресенский завод к концу октября, после того, как его работники восстали. Иван Грязнов, направлявшийся вдоль р. Белой к Стерлитамакской пристани и Табынску, набирал соратников на Богоявленском и Архангельском заводах Твердышева и Мясникова. В конце октября 1773 г. Вознесенский завод перешел на сторону самозванца, и 1 ноября часть его работников ушла к повстанцам.

17 октября Хлопуша двинулся из Берды в Авзяно-Петровск, не-

---

[100] *Portal R.* Op. cit. P. 258–329 (рус. пер.: *Порталь Р.* Указ. соч. С. 187–201. – *Прим. пер.*); *Панкратова А. М.* Формирование пролетариата в России. М., 1963. Гл. XII (особенно с. 430); *Blum J.* Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, 1961. P. 308–317. См. также рецензию Ольги Крисн (Crisp) на книгу Р. Порталя в: The Slavonic and East European Review. 1951. Vol. XXX, no. 74, и важные замечания в: *Zelnik R. E.* The Peasant and the Factory // The Peasant in Nineteenth-Century Russia / ed. *W. S. Vucinich*. Stanford, 1968. P. 158–190.

надолго задержавшись на Преображенском медеплавильном заводе. Пугачевский командир был с радостью встречен в Авзяне, где огласил манифест Пугачева, арестовал приказчиков и забрал с собой 500 человек, 6 пушек и много добычи.

Тем временем восстание распространилось по верховьям Белой в Западную Сибирь. Позже, в декабре 1773 г. чесноковский повстанческий центр послал отряды пугачевцев на восток региона. Из Авзяно-Петровска Хлопуша направил отряд на Белорецкий завод Твердышева, где тамошние работники заявили о признанин Петра III и прислали свой отряд. Одиако повстанцы не довели до конца меры по привлечению завода на свою сторону, и вскоре властям удалось с помощью солдат из соседией Верхнеянцкой крепости занять Белорецк. В январе 1774 г. отряд башкир и русских после семи недель осады отбил этот завод. К востоку от Уфы Симский, Юрюзань-Ивановский и Катав-Ивановский заводы оказались в руках восставших к середине декабря 1773 г. Через несколько дией восстание перекинулось на Златоустовский и Саткинский заводы; последиий целых шесть месяцев являлся повстанческим анклавом.

Все эти заводы снабжали повстанцев оружием, боеприпасами, провизией и людьми. С октября 1773 до января 1774 г. восстание охватило 64 из 129 уральских заводов. Согласно новейшим исследованиям, эти заводы дали пугачевцам 118 пушек и 341 ружей, примерно 170000 руб., почти на 90000 руб. провизии, фуража и домашнего скота. Кроме того, были уничтожены долговые записи и обязательства на сумму свыше 226000 руб. Из 57888 работников этих заводов 6208 ушли к повстанцам, 4287 были убиты или пропали без вести во время восстания. Заводы дали восстанию несколько ярких руководителей. Крестьянин Воскресенского завода Григорий Туманов возглавил Челябинск, а позже был переводчиком в Воеиной коллегии самозванца. Алексей Дубровский являлся «секретарем» Воеиной коллегии и написал несколько манифестов Пугачева, Иван Петров помогал Почиталину и Горшкову составлять призывы к уральским рабочим. Кроме того металлургические заводы стали как бы связующим звеном между Бердой, Чесноковкой и другими центрами восстания[101].

Пока Чика осаждал Уфу, его отряды действовали повсюду. Салават Юлаев и Канзафар Усаев наносили удары по окрестностям Кун-

[101] Донрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 165; Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Пугачева. Т. II. С. 256–291; *Мартынов М. П.* Пугачевское движение на заводах Южного Урала. С. 98–100; *Ушаков И. Ф.* Работные люди Белорецкого завода в Крестьянской войне // История СССР. 1960. № 6. С. 131–133; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг.: на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 241, 336–337.

гура. «Перс» Василий Торнов привел повстанцев к Нагайбацкой крепости и позже осадил Мензелинск. Иван Белобородов организовал наступление на Екатеринбург, а Иван Грязнов сражался под Челябинском – административным центром зауральской Исетской провинцин.

Кроме этих выдающихся лндеров имелось множество менее знаменитых вожаков. Восставшие двинулись в Прикамье, заняли Осу, Сарапул, Заинск, Воткинский и Ижевский заводы, угрожали Бирску и Мензелинску и вызвали панику в Казани. Беспорядками была охвачена даже сибирская столица Тобольск, где Иван Логинов, направлявшийся в ссылку, разъясиял всем, что Пугачев действительно является царем Петром III[102]. И хотя ни в одиом из названных регионов повстанцам не удалось добиться долговремеиного успеха, их восстание проникло в ранее спокойные места.

На Урале оно распространялось благодаря местным тюркским народам, главным образом башкирам, но охватило и местных русских крестьян, особеино на уральских заводах. Социальный состав восставших на Урале был разнообразным: к борьбе башкир против русской колонизацин прибавилось восстание русского крестьянства против крепостного права. Иногда оба эти движения выступали вместе, ибо у башкир и русских были общие враги, а иногда между ними происходили стычки по вопросам стратегии и отношению к местному населению. Чтобы преодолеть эти трения, Чика и его подчинеиные постепеино отстранили башкир от командования отрядами, заменив их своими людьми.

Севернее Уфы башкиры объявляли о «свободе», дарованной «императором», собирали людей, деньги и оружие. В середине декабря 1773 г. Оса, а в начале января 1774 г. Красноуфимск оказались в руках повстанцев. То же самое случилось и со многими селами и заводами вдоль Камы[103]. Повстанческая пропаганда, несомненно, была весьма успешной, поскольку крестьяне начинали верить в облегчение налогового гнета, отмену рекрутской повинности и резкое снижение цен на соль и водку.

Эти проникновенные призывы, нацеленные против царизма, были вызваны крайне несправедливой фискальной политикой. В 1769 г. доходы от государственной монополин на водку и соль составляли примерно 30% всего бюджета страны. В октябре 1769 г. цена водки выросла на 18%. С 1724 г. прибыль казны от продажи алкоголя и соли выросла соответственно на 550% и 300%, а числен-

---

[102] Пугачевщина. Т. II. С. 97–98.

[103] О восетании в Прикамье см.: *Мартынов М. П.* Пугачевское движение на заводах Прикамского края // Креностная Россия: сборник статей. Л., 1930. С. 125–179.

ность налогоплательщиков увеличилась всего лишь с 5,6 млн душ в 1719 г. до 7,4 млн в 1762 г. Поэтому повышение цены на соль и водку сильно ударило по населению. В 1750–1760-е гг. в связи с Семилетней (1756–1762) и русско-турецкой (1768–1774) войнами в стране резко возросли цены[104]. Заявив о снижении цен на соль и водку, пугачевцы последовательно выполняли это обещание.

Иногда эмиссары повстанцев призывали крестьян и рабочих расходиться по домам, иногда заставляли работать на «Петра Федоровича». Они уговорили местного священника Данилу Иванова убедить духовенство в истинности «государя» и определить порядок чтения молебнов в его честь[105]. Локальные действия пугачевцев способствовали распространению восстания по всему Уралу.

Кунгур

Во главе с башкиром Батыркаем Иткиновым восставшие в январе 1774 г. двинулись к Кунгуру – крупному промышленному центру и столице Пермской провинции. В течение трех недель они трижды штурмовали город, но артиллерия защитников и отсутствие у пугачевцев огнестрельного оружия вынудили их снять осаду. Одиако восставшие продолжали борьбу. Со своих баз в Осе и Красноуфимске они начали новую кампанию, которую возглавил молодой башкир Салават Юлаев. В те дни Чика отправил из Чесноковки казака Ивана Кузнецова командовать кунгурским фронтом в качестве «главного российского и азиатского войска предводителя» в регионе. Пополнившись отрядом Канзафара Усаева, примерно 3000 восставших к середине января 1774 г. вновь подступили к Кунгуру.

Кузнецов и Салават Юлаев надеялись взять Кунгур без боя. Для этого они направили длинное «увещевание» руководителям города. Датированное 20 января 1774 г., оно уверяло горожан, что повстанцев прислал «наш Всероссийский государь Третий Петр Феодорович», который приказал своим отрядам защитить всех «приклонившихся к полной власти его величества» от всякого «притеснения, раззорения, обнд, налог и безповиинаго кровопролития». Горожанам было приказано сдаться и не чинить вреда пугачевским парламентерам. Чтобы рассеять опасения жителей Кунгура относительно возможиых бесчинств башкир, Кузнецов пообещал особую защиту православию и сообщил, что не пустит башкирские отряды в

---

[104] *Трощкий С. М.* Финансовая нолитика русекого абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 214–216; *Чечулин П. Д.* Очерки но истории русеких финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 166.

[105] *Луппов П. П.* Указ. соч. С. 136–138.

город[106]. Но его призыв остался без ответа, парламентеры были арестованы, и тогда Кузнецов начал штурм.

Назначив Салавата Юлаева командовать инородцами, Кузнецов решил атаковать Кунгур с двух сторон. На рассвете 23 января повстанцы двинулись к городу. Кузнецов подошел к Кунгуру с востока и его преимущественно русские отряды начали обетреливать город из ружей и шести пушек. Чуть позже Салават Юлаев повел башкир в атаку с западной стороны. Повстанцы штурмовали город несколько раз, но всякий раз были отбиты ружейным и артиллерийским огнем. Сражение продолжалось до самого вечера, и когда у нападавших закончились ядра, они продолжили стрелять деревянными палками. Общие потери повстанцев неизвестны, но мы знаем, что Салават Юлаев под стенами Кунгура был тяжело ранен и вернулся в Башкирию. Хотя на следующий день башкиры попытались поджечь город, Кузнецов уже потерял веру в победу и поссорившись с Канзафаром Усаевым, арестовал его и уехал в Чесноковку, чтобы оправдаться перед Чикой.

Прибывшие 24 января в Кунгур из Казани 300 солдат во главе с майором Дмитрием Гагриным нанесли поражение повстанцам. Майоры Гагрин и Попов (исполиявший обязаиности коменданта Кунгура), преследуя бежавших из-под стен города повстанцев, 30 января разбили их в селе Орда, а 19 февраля освободили Красноуфимск. За исключением отдельных разрознеиных действий, восстание в окрестностях Кунгура к началу весны 1774 г.[107] почти полностью прекратилось.

Екатеринбург

В начале 1774 г. одни повстанцы двинулись на Кунгур, а другие направились в Екатеринбург, столнцу уральских горных заводов. Здесь восставшими командовал Иван Белобородов, уроженец Кунгурского уезда, мелкий торговец и бывший артиллерист[108]. Вступив в отряд Канзафара Усаева, Белобородов был направлен в окрестности Екатеринбурга. В январе 1774 г. он двинулся на восток по Московской дороге, взяв без боя Ачитскую, Бисертскую, Кленовскую и

---

[106] Пугачевщина. Т. I. С. 76–81.

[107] Материалы для истории пугачевского бунта // Пермскнй сборник. М., 1860. Кн. II. С. 1–22; Крестьянская война в Росеии в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Пугачева. Т. II. Гл. VII; *Дубровин П. Ф.* Указ. соч. Т. II. С. 203–216.

[108] Согласно Э. Дж. Хобсбауму, «из ветеранов, как и из дезертиров, нолучаются неплохие разбойники» (*Hobsbawm E. J.* Bandits. London, 1969. P. 27).

Гробовскую крепости. Его соратники заияли Суксинский, Бисертский и Ревдинский заводы. На последием предприятии они наладили производство сабель, мечей и копий. Через две недели в отряде Белобородова было уже 500 человек и 5 пушек.

Тем временем власти Екатеринбурга были в панике. Доведенные до отчаяния, почти беззащитные и опасавшиеся восстания в самом городе, они послали за помощью и одновременно обдумывали план сдачи. Однако повстанцы упустили время, поскольку, подражая маневру Пугачева, обошедшего Оренбург с севера, двинулись на северо-запад, чтобы увеличить свои силы за счет тамошних заводов. Это было их роковой ошибкой.

18–19 января 1774 г. Белобородов взял Билимбаевский и два Шайтанских завода, где забрал крестьян, оружие, деньги и провизию, а также уничтожил документацию. На некоторое время Шайтанские заводы стали главной базой повстанцев. Находясь здесь, восставшие перерезали дорогу на Екатеринбург и подняли восстания в окрестностях. Они также отразили атаки двух отрядов, высланных против них из Екатеринбурга и только на Уткинском заводе, в 60 милях к северо-западу от Екатеринбурга, встретили серьезное сопротивление. Пугачевцы понесли большие потери и затратили 11 дией (1–11 февраля), чтобы захватить хорошо укреплеиный и отчаянно обороняющийся завод. В начале февраля они взяли Каменский завод, расположеиный в 60 милях юго-восточиее Екатеринбурга, и атаковали окрестности города.

Белобородов разделил свою армию на три отряда – русский, башкирский и черемисский, а также ввел строгую дисциплину. Его канцелярия состояла из «секретарей» Герасима Степанова и Петра Гусева, и трех копиистов-переводчиков – Сергея Швецова, Максима Негодяева и измаильского татарина Иманова. Белобородов поддерживал прямую связь с Бердой, информируя самозванца о своих действиях. Его эмиссары привезли ему указ о назначении атаманом и подтвердили, что Пугачев есть «настоящий государь».

В середине февраля 1774 г. у Белобородова было уже примерно 4000 человек. Но пока он шел на северо-восток, власти перебросили к Екатеринбургу подкрепление. Секунд-майор Фишер подошел к городу с юго-востока с двумя ротами солдат, а секунд-майор Гагрин, очистив от мятежиików окрестности Красноуфимска, повернул к Екатеринбургу с запада. Белобородов, планировавший окружить город, сам попал в окружение.

14 февраля команда Фишера напала на Шайтанский завод, воспользовавшись отсутствием там Белобородова, захватила много плеиных и четыре пушки, а также сожгла большую часть завода.

Главная база Белобородова была уничтожена. Через две недели Гагрин нанес поражение одиому из соратников Белобородова в Уткинском заводе, а когда атаман повстанцев бросился ему на помощь, то разбил и его. Белобородов отступил в Каслинский завод, где набрал около 1000 человек и 19 пушек, но 13 марта Гагрин выбил его оттуда. Белобородову едва удалось бежать в Уральские горы. Екатеринбург был спасен[109].

Челябинск

Неудачи повстанцев под Кунгуром и Екатеринбургом повлияли на ситуацию на Южиом Урале и в Зауралье. Известия о самозванце возбуждали население, особенно с появлением башкирских отрядов и после захвата бунтовщиками местных заводов. Военная коллегия в Берде и чесноковский штаб Чики в декабре 1773 г. присвоили атаману Ивану Грязнову чин «полковника» и поручили ему командовать челябинским фронтом.

В конце 1773 г. Грязнов прибыл на Саткинский завод, чтобы готовить наступление на Челябинск. Расположеиный менее чем в 100 милях от него, Челябинск был столнцей Исетской провинцин – плодородиой житницы, снабжавшей хлебом почти всю Оренбургскую линию. Взятие его позволило бы повстанцам пополнить запасы провизин, блокировать Оренбург и другие крепости, а также открыть дорогу в Сибирь. Вслед за Бердой и Чесноковкой Челябинск мог стать третьим центром восстания.

Повстанцы заполонили всю Исетскую провинцию. Кыштымский и Каслинский заводы присоединились к восстанию, дав пугачевцам людей и оружие. 5 января 1774 г. «армия» Грязнова без сопротивления подошла к Челябинску. В тот же день казаки, высланные вперед Грязновым, подняли восстание в самом Челябинске. Они арестовали местного воеводу, избили его, и только энергичиые действия офицеров артиллерийской команды помешали им захватить город. Одиако большинство взбунтовавшихся челябинских казаков сбежали и начали подиимать на восстание соседние села. Поэтому Челябинск был осажден еще до появления Грязнова.

В Исетской провинцин Грязнов собрал разношеретную армию,

---

[109] Пугачевщина. Т. II. С. 325–329; Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Пугачева. Т. II. Гл. VI; *Гольденберг Л. А., Овчинников Р. В.* Горнозаводскне карты и нланы 70-х годов XVIII века как источник но истории Крестьянской войны нод руководством Е. И. Пугачева // Проблемы источниковедения. 1959. Т. VIII; *Кафенгауз Б. Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: оныт иселедования но истории уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т. I. С. 387–397.

состоявшую примерно из 5000 башкир и русских – казаков, крестьян и заводских рабочих. У них имелось много маленьких пушек. Ободренный волнениями в Челябинске, Грязнов направил защитникам два воззвания. Эти объемистые документы, автором которых, возможно, являлся бывший мастеровой Григорий Туманов, были не столь примитивными, как предыдущие воззвания пугачевцев. Послания Грязнова акцентировали внимание людей на недовольстве населения заводами и призывали не проливать зря крови православных. (Хотя сам Грязнов, возможно, был старовером, в его манифестах это никак не проявлялось). Оба документа датированы 8 января 1774 г. Первый был адресован помощнику воеводы Свербееву, а во втором – «к людям всех разрядов в Челябинск» – говорилось: «Не иное что к вам, приятныя церкве святой сыны, я простираю руку мою к написанию сего: господь наш Иисус Христос желает и произвести соизволяет своим святым промыслом Россию от ига работы, какой же, говорю я вам.

Всему свету известно, сколько во изнурение приведена Россия, от кого ж,— вам самим то небезизвестно. Дворянство обладает крестьянеми, но, хотя в законе Божием и написано, чтоб оне крестьян также содержали, как и детей, но оне не только за работника, но хуже почитали полян своих, с которыми гоияли за зайцами. Компанейщики завели премножество заводов и так крестьян работою удручили, что и в [с]сылках тово никогда не бывало, да и нет. А напротив тово, з женами и детьми малолетными не было ли ко господу слез!

И чрез то, услыша, яко изральтян от ига работы избавляет. Дворянство же премногощедраго отца отечества, великаго государя Петра Феодоровича за то, что он соизволил при вступлении своем на престол о крестьянех указать, чтоб у дворян их не было во владении, но то дворянем нежели ныне, но и тогда не пользовало, а кольми паче ныне изгнали всяким неправедиым наведением. И так чрез то принуждеиным нашолся одиннатцать лет отсц наш странствовать, а мы, бедиые люди, оставались сиротами. А ныне отца нашего, хотя мы и старание прилагаем возвести, но дворянство и еще вымысел зделало назвать так дерзко бродягою донским казаком Пугачевым, а напротив того, еще наказанным кнутом и клеймы имеющим на лбу и щеках. Но естли б, други и приятныя святые церкви чада, мы были прещедраго отца отсчества, великаго государя Петра Феодоровича, не самовндцы, то б и мы веры не прияли, чрез что вас уверяем не сумневатца и верить действительно и верно – государь наш истинно.

Чего ради сие последиее к вам увещание пишу: приидите в чувство и усердио власти его императорскому величеству покоритесь. Нам кровь православных не нужиа, да и мы такие же, как и вы точно, православныя веры. За что нам делать междуусобныя брани? А

пропади тот, кто государю не желал добра, а себе самому! Следственно, все предприятии вам уже разуметь можио, и естли вы в склоиность притти не пожелаетс, то уже говорю нескрытно: вверенные мне от его императорскаго величества войска на вас подвигнуть вскоре имею, и тогда уже вам, сами разсудите, можио ли ожидать прощения.

Мой совет: для чего напрасно умирать и претсрпевать раззорение всем вам, гражданам? Вы, надеюсь, подумаетс, что Чилябинск славной по России город и каменную имеет стену и строение – отстоитца. Не думайте, приятныя: предел от бога положен, его же никто прейти не может. А вам наверное говорю, что стоять – не устоять. Пожалуйте, не пролейте напрасно свою кровь. Орды неверные государю покорились, а мы противотворничаем...»[110].

Этот манифест интересен тем, что в нем ярко проявился лейтмотив «странствующего царя» – широко распространеиное представление о спасении Петра III в 1762 г., необычный религиозный окрас и трактовка Петра III как антидворянского символа. К тому же в нем упоминается предполагаемое обезображивание Пугачева и напоминается о презрении дворян к своим крепостным – тема, обессмертившая «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева (1790).

Получив от горожан на требование сдаться отказ, повстанцы 8 и 9 января провели артобетрел Челябинска. 10 января они пять часов штурмовали его, но были отбиты. На следующий день Грязнов отступил, чтобы перегруппировать свои силы, и поручил башкирским разъездам присматривать за городом. Командир Сибирской линин генерал Деколонг 13 января сумел пробиться в Челябинск, а затем оказался в том же положенин, что и горожане – запертым в городе и неспособным обуздать стремительно ширившееся восстание.

В конце января Грязнов возобновил осаду, и хотя Деколонг разбил повстанцев во время своей вылазки 1 февраля, ему не удалось снять блокаду. Опасаясь своего блокирования в Челябинске, Деколонг решил покинуть город и 8 февраля вместе с большинством жителей тайно двинулся к Шадринску. Повстанцы сразу же заияли Челябинск. Оставив в нем отряд Григория Туманова, Грязнов послал своих людей преследовать Деколонга, а сам ушел с оставшимися соратниками на запад. О его дальнейшей судьбе ничего неизвестно.

Хотя Челябинск два месяца находился в руках восставших, у Туманова не было ни времени, ни сил организовать повстанческое движение вокруг. Тем временем властям удалось подавить восстание в окрестностях Екатеринбурга, затем их отряды двинулись на

[110] Пугачевщина. Т. I. С. 73–75.

юго-восток, чтобы соединиться с корпусом генерала Деколонга и другими силами и защитить Исетскую провинцию и западную границу Сибирской губернин.

Многочисленные отряды восставших, действовавшие восточнее Челябинска, из которых наиболее крупный и организованный возглавлялся атаманом Михаилом Ражевым, постепенно были разбиты. Ражев не смог взять укрепленный Далматов монастырь и полностью блокировать Шадринск. В начале марта повстанцы сняли осаду с указанных населенных пунктов и отступили к Уксянской слободе, в 30 милях западиее Шадринска. Там 9 марта их наголову разбил Деколонг, уничтожив примерно 1000 и взяв в плен 158 человек. Через месяц майор Гагрин, победитель Белобородова, атакой с севера освободил Челябинск. Григорий Туманов был разбит и отступил на запад. Хотя незначительные стычки еще продолжались до мая 1774 г., восстание в Зауралье в основном пошло на убыль[111].

* * *

Хотя действия повстанцев с декабря 1773 г. по март 1774 г. не привели к падению Оренбурга, они способствовали расширению восстания. Теперь оно охватывало огромную территорию от Кунгура на севере до Оренбурга на юге, от Шадринска на востоке до Волги на западе – примерно 500000 кв. миль (что сравнимо с размерами современных Франции, Испании и Великобритании вместе взятых, или с общей площадью Канзаса, Миссури, Оклахомы и Техаса). Вместо казаков его движущими силами стали теперь башкиры, татары, калмыки, казахи, мещеряки, русские крестьяне и рабочие заводов. Они поставляли «казаков» для повстанческих отрядов. Только главные повстанческие силы вокруг Уфы, Кунгура, Екатеринбурга и Челябинска насчитывали в общей сложиости до 30000 человек. А если добавить сюда остальных повстанцев, то число восставших приблизится к 50000. Эти цифры подтверждают, что Пугачев стал лндером массового социального движения.

---

[111] Крестьянская война в Росеии в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Пугачева. Т. II. С. 236–256; *Мартынов М. П.* Саткинскнй завод во времена восстания Емельяна Пугачева // Исторические записки. 1956. Т. LVIII; *Кондрашенков А. А.* Крестьянство Исетекой нровинции в Крестьянской войне 1773–1775 гг. // Ученые заниски Курганского гос. нед. института. 1958. Вып. I. О событиях в Сибири см.: Материалы для истории пугачевского бунта на окраинах бывшей Сибирской губернии. Тобольск, 1890.

Глава V

ПОДКОП, СВАДЬБА, ПОБОИЩЕ

Стремительное расширение территории восстания в совокупности с победами восставших над войсками, шедшими на помощь осаждеиным, делали положение Оренбурга отчаянным. Неудачи повстанцев в Поволжье и на Урале почти не повлияли на их главные силы в Берде, и они по-прежиему угрожали Оренбургу. К началу января 1774 г. население повстанческой столнцы достигло примерно 14000 человек – почти столько, сколько проживало в Оренбурге. Около 5000 из них были башкирами, остальные – разнообразными казаками, калмыками, татарами, казахами, русскими крестьянами, солдатами и заводскими рабочими[112].

Поддержание дисциплины в столь разношерстной массе было нелегким делом. Особенно много проблем доставляли башкиры, поскольку они не владели искусством осады, имели мало огнестрельного оружия, и поэтому пользы от них почти не было. Кроме того, для них важиее была борьба в родной Башкирии, а не оренбургская кампания. Поэтому всех их, как и следовало ожидать, возмутил призыв казачьих лндеров выступить против Яицкого городка еще до взятия Оренбурга. По всей видимости, часть башкир вышла из повиновения. Многие из них с разрешения Кинзи Арсланова навсегда покинули Берду, чтобы сражаться на Урале, другие стали совершать набеги на окрестности Оренбурга, грабя и русских помешиков, и крестьян. Эти внутреиние противоречия, к которым добавились лютый холод, незащищеиность Берды и упорное сопротивление Оренбурга, отрицательно сказывались на восставших[113].

Имея многочисленную конницу и артиллерию, они все еще могли легко отбивать вылазки осаждеиных. Восставшие заияли господствующие высоты севернее Оренбурга, вся местность к декабрю 1773 г. была в глубоких сугробах, а кавалерин у горожан становилось все меньше и меньше. Неодиократные победы над отрядами оренбуржцев также приводили в уныние осажденных. Положение в Оренбурге стремительно ухудшалось. Горожане потсряли сон от по-

---

[112] *Овчинников Р. В.* О нобеде отрядов Е. И. Пугачева нод Оренбургом // Исторические заиискн. 1960. № 1. С. 157–158.

[113] *Пушкин А. С.* Указ. соч. Т. IX, ч. 1. С. 260; Пугачевщина. Т. II. С. 386–388, 415–416.

стоянных атак, тревог и волнений, они мерзли от холода из-за отсутствия дров и голодали по причине недостатка продуктов и высоких цен на них. Некоторые ели конину и варили необработанные шкуры. Жители жаловались на робость командиров, а некоторые даже ушли к повстанцам. Пугачевцы потешались над призывами губернатора сдаться, напоминая ему, что помощь далеко.

В этих условиях губернатор Рейнсдорп и его окружение, боясь внутреинего бунта и понимая, что помощи не будет, в начале января 1774 г. решили напасть на Берду. До них дошли слухи, что Пугачев отправился в Яицкий городок. Кроме того, проведеиная осажденными 10 января разведка боем показала, что у пугачевцев мало пороха и ядер. На военном советс 12 января осажденными было принято решение о выступлении с участием 2100 солдат (1700 регулярной пехоты и 400 казаков) и 25 артиллерийских орудий.

Примерно в 4 часа 30 минут 13 января 1774 г. три колонны солдат под покровом ночи вышли из Оренбурга. Генерал Валлеиштерн, пройдя через восточные Орекие ворота, двинулся на северо-восток, чтобы подойти к Берде с юго-восточиой стороны. Тем временем бригадир Корф и премьер-майор Наумов вышли с двумя отрядами из Самареких ворот. Колонна Корфа пошла прямо на Берду, а солдаты Наумова двинулись левее, чтобы подойти к лагерю пугачевцев с юго-запада. Все три отряда должиы были придти в Берду одиовременно, открыть артиллерийский огонь по повстанцам и, ворвавшись внутрь, переловить мятежников. Если же восставшие предпримут контратаку, то колоины будут отбиваться совместно.

Но глубокий снег, усталость лошадей, темнота и бдительность повстанцев привели к тому, что отряды не смогли прибыть к Берде одиовременно и подошли к ней уже на рассветс. Там их уже встречали пугачевцы.

В отеутствие своего вождя повстанцы не пали духом. Под командованием Максима Шигаева, Дмитрия Лысова, Тимофея Падурова и Хлопуши они расположили свою артиллерию на возвышеиных местах. Когда подошел отряд Валленштерна, повстанцы внезапно открыли огонь, а затем бросили вперед свою коиницу и пехоту. Валленштерн двинулся на соединение с отрядом Корфа и приказал сделать то же самое Наумову, тем самым ухудшив положение правительственных сил. В то время как Валлеиштерн, Корф и Наумов медленно отступали, подвижные повстанцы кружили вокруг них, нанося потери огнем артиллерии, ружьями и копьями. Отход оренбуржцев сменился бегством. Лишь соединившись под стенами Оренбурга с казаками, они смогли отбиться. В этом сражении осаждеиные потеряли 281 человека убитым, 123 ранеными и утратили 13 пушек. Кроме того, это произошло на глазах перепуганного насе-

ления Оренбурга[114].

Вылазка 13 января 1774 г. была самым крупным поражением осаждеиных. В психологическом отношении его последствия были не менее тяжелыми. Отсутствие провианта и продолжавшаяся блокада действовали угнетающе как на солдат, так и на горожан. Губернатор Рейнсдорп больше не решался на вылазки и 15 января написал в Военную коллегию, что без помощи извне их предпринимать не будет. Продовольственные запасы в городе подходили к концу. С целью предотвращения бунтов по приказу губернатора было арестовано около 100 нищих. Излишки продуктов насильно изымались, а соль раздавалась бесплатно. Но пищи все равно не хватало и жители, в частности татары, начали покидать город в поисках еды, полагая, что пленение пугачевцами предпочтительнее смерти от голода. Губернатор Рейнсдорп сократил норму питания для гарнизона и приказал разобрать на дрова несколько домов. Он был уже готов капитулировать.

Тем временем повстанцы усилили блокаду города. В середине февраля они послали отряд Хлопуши в степи через Яик для взятия маленькой крепости Илецкая Защита с ее соляными копями, откуда Оренбург получал продовольствие и фураж. Атака Хлопуши 16 февраля деморализовала ее маленький гарнизон, оказавший лишь незначительное сопротивление. Повстанцы освободили 87 местных каторжиików, многие из которых присоединились к ним. Они также захватили более 700 фунтов пороха и 5 пушек. Наряду с полученными с уральских заводов боеприпасами, эта добыча дала восставшим надежду на новый штурм Оренбурга. Они хотели провести его в конце февраля 1774 г., но пришедшая к осаждеиным помощь сорвала эти планы.

Взятие мятежниками Илецкой Защиты закрыло одну из последних брешей в блокаде Оренбурга. Восставшие установили на дорогах свои посты и организовали постояиное патрулирование окрестностей для перехвата всех путников, разведчиков, фуражиров и просто отставших солдат. Им удалось поймать несколько правительственных курьеров, направлявшихся в осаждеиный город или из него. Иногда они использовали их, чтобы посмеяться над защитниками Оренбурга. Так, просьба губернатора Рейнсдорпа о помощи от 22 января 1774 г. не попала в Санкт-Петсрбург, а вернулась к нему со

---

[114] *Овчинников Р. В.* О нобеде отрядов Е. И. Пугачева нод Оренбургом. С. 164–165; РПБ. Ф. Олениных. Д. 659. Л. 10–12. О картах сражений и их нодробный анализ см.: *Гольденберг Л. А., Овчинников Р. В.* Картографическне материалы как источник но истории Крестьянской войны нод руководством Е. И. Пугачева // Вопросы военной истории Росеии: XVIII и нервая нолови-на XIX веков. М., 1969. С. 404–421.

следующим ответом: «Вашему высокопревосходительству, господин губернатор, генерал Иван Андреевич. За что вас благодарит великий государь на твоих письмах и секретных объявлениях. Только от вас, с коими людьми послан твой секрет, тех великий государь перехватал. А наперед [он приказывает] вашему высокопревосходительству чтоб отнюдь того не делать и почту воровски не посылать. И сколько бы ваши воровские почты откуда не шли, а великому государю все приходят в руки. А ты не надейся, чтоб ожидать откуда себе какие помощи. А впредь ты изволь посылать почты к великому государю прямо, которые и будет отсылать в надлежащее место»[115].

Одиако жители Оренбурга не понимали, в чем здесь причина для смеха. Четыре месяца тяжелых лишений убили в них чувство юмора.

Свадьба в Яицком городке

Пока повстанцы в Берде осаждали Оренбург, янцкие казаки решили взять Яицкий городок. Это не могло способствовать захвату Оренбурга или расширению мятежа, но для казаков был важен сам факт этого, ведь первоначально их бунт был направлен против Яицка и его властей за обиды, причинеиные казакам царскими и собствеиными притеснителями. Кроме того, в городке оставались их семьи, которые могли подвергнуться репрессиям. Казаки, прибывшие с низовий Яика, сообщали, что полковник Симонов строит вокруг Канцелярин укрепления. К декабрю 1773 г. тревога казаков усилилась.

Повстанцами здесь командовал янцкий казак Михаил Толкачев. По восточиой стороне Яика он спустился вниз, перешел реку и двинулся по форпостам Нижиего Яика для сбора людей и провианта. Его обращения у султану Дусали оказались бесполезными. Набрав несколько сот человек, Толкачев 30 декабря 1773 г. подошел к Яицкому городку. Полковник Симонов приказал ударить в набат и укрылся за стенами недавно построеиной цитадели (ретраишемента) на окраине города. Одиако большинство простого народа приветствовало своих освободителей и присоединилось к штурму бастиона, который защищали всего 738 регулярных солдат и «послушных» казаков. Но из-за отсутствия артиллерии взять укрепление пугачевцам не удалось – противник обладал 18 орудиями. Толкачев срочно запросил помощи у Берды.

Пугачев сначала прислал ему атамана Овчинникова с 50 казаками и четырьмя пушками, а затем сам решил посетить Яицкий горо-

[115] *Овчинников Р. В., Слободских Л. П.* Указ. соч. С. 132.

док. 7 января 1774 г. вместе с Иваном Почиталиным и 15 казаками он прибыл в казачью столицу и личио возглавил ее осаду. Он поиял, что отеутствие осадной артиллерин вкупе с трудиостью обстрела цитадели с узких извилистых улочек городка затруднит штурм. Что еще хуже, защитники разместили артиллерию и стрелков на высокой колокольне большой церкви внутри ретраишемента и держали под прицелом весь Яицк. Опираясь на свой опыт службы в армии, самозванец приказал подвести подкоп под одну из фланговых батарей крепости. Повстанцы собрали 160 чернорабочих и начали вести подкоп длиной около 100 ярдов из погреба одиого казака до батареи. Пугачев лично следил за работой. Через две недели подкоп был готов и в его конце осаждавшие установили огромную бочку с 360 фунтами пороха. На рассветс 20 января 1774 г. Пугачев сам взорвал этот заряд и 400 казаков пошли на приступ цитадели.

Подземный взрыв хотя и удивил осажденных, на самом деле не нанес им большого вреда, ибо лишь засыпал оборонительный ров щебнем. Когда нападавшие, в том числе казачьи жены и дети, полезли по лестницам на стены, они оказались огнем осаждеиных отрезаны от своих. Но защитники цитадели не смогли применить пушки, поскольку атакующие были слишком близко. Прорвавшиеся на крепостной вал начали рубить опоры батарейных стен, стремясь их обрушить.

Оправившись от замешательства, защитники стали сыпать на головы нападавших горячую золу, лили вар и кипяток. Неожидаино отряд из 45 осаждеиных перешел в контратаку. Повстанцы бросились бежать. Многие погибли в давке, солдаты нещадно кололи бегущих. Большинство тех, кто выскочил из рва, были застрелены по пути в укрытне. В этом девятичасовом сражении полковник Симонов потсрял 15 человек убитыми и 22 ранеными; у пугачевцев было убито около 400 человек.

На следующий день самозванец созвал «круг», на котором атаманом казаков был выбран Никита Каргин, а сотниками – Иван Фофанов и Афанасий Перфильев. Напомним, что Перфильев в августе 1773 г. тайно ездил в Санкт-Петсрбург для подачи челобитной императрнце. Когда на Яике вновь начался бунт, власти направили его в Яицкий городок, чтобы он уговорил казаков выдать Пугачева. Но подобно Хлопуше, Перфильев перешел к повстанцам и вскоре стал одиим из их лндеров. Пугачев поручил вновь избранным командирам продолжать осаду и подготовить новый подкоп, на этот раз под колокольию, с которой велся обстрел города и где осажденные хранили порох. Послав атамана Овчиинкова в Гурьев городок за порохом и ядрами, Пугачев вернулся в Берду. Там он узнал, что во время его отсутствия восставшие одержали победу над оренбуржца-

ми. Для укрепления дисциплины и запугивания слабонервных он приказал повесить несколько пленных и, полагая, что Оренбург скоро падет, вновь отправился в Яицкий городок.

Пугачевцы же рыли новый подкоп. Он начинался примерно в 200 ярдов от цели и шел зигзагами, чтобы не быть обнаружеиным осажденными. Через три с лишним недели минеры дошли до фундамента колокольни и вырыли большую яму для закладки заряда. Тем временем Овчинников привез из Гурьева более тонны пороха. Пугачев приказал ускорить рытье, для чего рабочим был дан лишь один выходиой день, 1 февраля, для участия в свадьбе своего вожака.

У Пугачева уже были жена и трое детсй, была жива и его «супруга» (Екатерина). Одиако яицкие казаки убедили его жениться вновь. Они полагали, что женитьба на девушке из Яицкого городка обеспечит ему верность казаков. Ранее, временно находясь в Яицком городке, Пугачев женил Ивана Почиталина и Михаила Пьянова на местных женщинах, и, возможио, они же и подсказали ему самому жениться. Зная о слабости Пугачева к женщинам, Иван Почиталин и Михаил Толкачев сосватали ему шестнадцатилетнюю красавицу-казачку Устинью Петровну Кузнецову. Самозванец не мог отказаться и, едва увндев свою невесту, сразу согласился взять ее в жены.

Свадьба состоялась 1 февраля 1774 г. в церкви Петра и Павла. Обращаясь к своей невесте «Ваше императорское величество», самозваный император осыпал ее подарками, создал «дворец», дал ей двух горничных («фрейлин»), многочисленную прислугу, и по секрету признался, что он на самом деле Петр III. Когда наивная Устинья спросила его, как он мог жениться на ней, ведь его первая супруга еще жива, хитрый казак воскликнул: «Какая она мне жена, когда с царства свергнула – она мне злодейка». И сказал, что когда Бог позволил ему вернуться в Санкт-Петсрбург, срубит Екатерине голову. Запугаиная, Устинья прииняла деньги, серебряную посуду, дорогую одежду, меха и другие его подарки. Она была чисто декоративной фигурой и в дела самозванца не вникала. Простые казаки были удивлены внезапным взлетом Устиньи, но не решились узнать у своего вожака причину этого, с головой погрузившись в традиционную в таких случаях попойку.

Тем временем подкоп был закончен. 17 февраля восставшие решили взорвать его на следующий день в обед. Но узнав, что один малолетний казак сообщил об этом осажденным, Пугачев приказал заложить под колокольню полтонны пороха и взорвать его в полночь. Одиако осаждеиные успели вынести часть заряда из-под колокольни; поэтому взрыв, нанеся серьезные разрушения, сохранил возможиости для продолжения обороны. Разочарованные казаки не рискнули пойти еще раз в лобовую атаку. Они были вынуждены пе-

рейти к тактике, использовавшейся под Оренбургом и Уфой – к блокаде, надеясь уморить противника голодом.

20 февраля, узнав, что правительствеиные силы приближаются к Оренбургу, Пугачев срочно отправился в Берду с 500 человек, оставив Устинью в Янцком городке и приказав атаману Каргину продолжать осаду цитадели. Хотя осада ее продолжалась еще шесть недель, доведя отряд полковника Симонова до истощения от голода, взять ретраншемент восставшим так и не удалось[116].

Осада Яицкого городка была серьезной ошибкой Пугачева. Он впустую потратил почти два месяца драгоценного времени, потсрял людей и боеприпасы, добиваясь незначительной выгоды. Тем самым он упустил возможиость победы под Оренбургом. Его брак с Устиньей также являлся ошибкой. Когда он сообщил об этом в Берде, Максим Шигаев приказал открыть бочки со спиртным и стрелять из пушек, чтобы отметить столь радостное событне. Но празднование и попойка не могли заглушить у многих чувства смятения, предательства и разочарования.

Янцкие казаки и Пугачев невольно нарушили основу окутаиного тайной перевоплощения, которым они пользовались, чтобы вдохновить изнуренную массу мятежиików в Берде и других местах. Вслед за Устиньей многие не могли понять, как их могущественный «амператор», еще не вернув престол, женился на скромной казачке. По любым меркам это было двоеженство; кроме того, все знали, что цари выбирали себе невест только благородных кровей.

Вера многих людей в подлинность «императора» пошатнулась. Некоторые начали подозревать, что Пугачев был просто игрушкой в руках яицких казаков. Такие сомнения стали высказывать даже ближайшие сподвижиики самозванца. В итоге, некоторые казаки вместе с властями стали обдумывать планы выдачи «Петра III» для спасения собствеиной шкуры. Так, в конце февраля 1774 г. совершил покушение на его жизнь Дмитрий Лысов, за что 3 марта был казнен. Бердские командиры стали чаще прибегать к казиям дезертиров, но не могли искоренить это явление. Восстание начало идти к концу[117].

---

[116] Свидетельство очевидца см.: Архив князя Воронцова. М., 1880. Т. XVI. С. 470–512; *Овчинников Р. В., Слободских Л. П.* Указ. соч. С. 133–134; Пугачевщина. Т. II. С. 109–110, 117–119, 181, 197–200; Восетание. С. 149–153; Записка нолковника Пекарского (современная) о бунтах яицких, что ныне уральские, казаков, и о самозванце Емельяне, донском казаке Пугачеве // Москвитянин. 1841. № 6. С. 450–451; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг.: на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 41–56; *Дубровин П. Ф.* Указ. соч. Т. II. Гл. XV; Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Пугачева. Т. II. С. 192–205.

[117] Пугачевщина. Т. II. С. 110, 114, 127, 144, 188–189.

Контрнаступление Екатерины

Ряд поражений восставших севернее Оренбурга в первые месяцы 1774 г. свидетельствовал о надвигающемся крахе мятежа. Потрясенное внезапным разгромом карательной экспедиции генерала Кара, имперекое правительство сильно встревожилось наступлением повстанцев и направило значительные военные силы против него. В начале декабря 1773 г. Екатерина II и ее царедворцы стали готовить новую контратаку тремя полками коиницы, четырьмя полками пехоты, 1500 донских и украинских казаков с 26 орудиями. Главнокомандующим этим войском был назначен генерал Александр Бибиков – известный московский вельможа, опытный командир и предаиный друг императрицы. Екатерина предоставила ему полную власть над гражданской, военной и духовной администрацией в восставшем регионе. Она также назначила его главой секретной комиссии по расследованию причин восстания и выпустила специальный манифест, дававший ему широкую власть над населением. Сначала Екатерина полагала, что слухи о внутреиних проблемах России позволят туркам отказаться от заключения мира, но через три недели все же одобрила публикацию манифеста против Пугачева.

У имперского правительства были веские основания для скорейшего решения этой проблемы. Внутреннее и внешнее положение России было в тот момент сложиым. Она вела изнурительную войну с Турцией, активно действовала в Польше и конфликтовала со Швецией. Для реализации этих мероприятий требовались большие средства. Рост налогов и ежегодиые рекрутские наборы вызывали недовольство как у дворянства, так и у крестьян, особеино потому, что война с Турцией велась уже пятый год и конца ей было не видно. Эта напряжеиность могла перерасти в крестьянские волнения или, хуже того, в дворянский дворцовый переворот. Нелюбимый сын Екатерины, великий князь Павел Петрович, возможио, мог стать опасным конкурентом ей, если бы некая прндворная группировка поддержала его прстензии на трон. По своему опыту Екатерина знала, насколько легко, при определеиных условиях, совершить государетвенный переворот.

В силу этих причин императрица торопилась быстрее подавить это восстание, но в переписке со своими зарубежиыми корреспондентами именовала его «глупой комедией» и презрительно отзывалась о «маркизе де Пугачеве». Чтобы укрепить свое положение при дворе, Екатерина сделала генерала Григория Потемкина своим фаворитом и специальным советником. Он также делил с ней постель.

Энергичными действиями против мятежиков генерал Бибиков оправдал доверие государыни. В начале 1774 г. он разместил свою штаб-квартиру в Казани и потребовал, чтобы местное дворянство сформировало отряды ополчения из своих крепостных. Императрица приказала создать такой же корпус и из дворцовых крестьян, объявив себя «помещицей Казанской». Казанское купечество вызвалось собрать деньги на эскадрон конницы. Не имея опыта, эта местная милиция тем не менее способствовала поднятию духа дворян и увеличила силы Бибикова на более чем 1700 человек.

Являясь главой секретной комиссии, Бибиков использовал ее для восстановления контроля над ситуацией. Несколько захваченных повстанцев подверглись жестокой казни, повсюду распространялись призывы правительства противодействовать самозванцу. Власти сожгли дом Пугачева на Дону, арестовали его первую жену с тремя детьми и отправили их в Казань. Там они содержались за казеиный счет, им было позволено свободио передвигаться: власти надеялись, что видя их простое обличье, народ поймет, что Пугачев вовсе не царь. Таким образом, правительство понимало психологию восстания, но наивно верило, будто бы разоблачение Пугачева поможет противостоять призывам самозванца.

Идеологическая контратака властей должиа была помочь армии, но генерал Бибиков больше полагался на регулярных солдат. Своей увереиностью в победе и жестокими репрессиями он успокоил жителей Казани и стал ждать подхода армейских корпусов, чтобы выступить на юго-восток. Он был полон решимости не повторять ошибок Кара.

Собирая людей в Казани, Бибиков одиовременно отправил несколько отрядов в Нижиее Поволжье, чтобы не допустить перехода повстанцами реки и оттеснить их обратно на юго-восток. В конце декабря 1773 г. властям удалось освободить Самару. Еще Бибиков послал майора Дмитрия Гагрина и полковника Юрия Бибикова (однофамилец), чтобы они, соответственно, сияли осаду с Кунгура и расчистили путь на Уфу.

К началу февраля 1774 г. Гагрин смог деблокировать Кунгур, а в последующие недели освободил Красноуфимск, Екатеринбург и Челябинск от власти или влияния повстанцев. В тот же период времени полковник Бибиков нанес поражение под Заинском, Мензелинском, Нагайбаком и Бакалами. Но вместо того, чтобы идти спасать Уфу, ему было приказано повернуть на юг и присоединиться к основным силам на оренбургском направлении. И хотя Василий Торнов и зять Чики Илья Ульянов в конце февраля вновь взяли Нагайбак и Бакалы, их триумф был недолгим, потому что генерал Бибиков направил под Уфу полковника Ивана Михельсона. Повстанцы

пытались перекрыть дороги к Уфе поваленными деревьями и уничтожали мосты, но Михельсон, подобно хищному зверю, преодолел все препятствия и 24 марта разбил мятежиков в кровопролитном сражении возле Чесноковки, в котором восставшие потеряли примерно 500 человек убитыми, 1500 взятыми в плен и расстались с 25 пушками. Хотя Чике удалось скрыться, через несколько дней он был схвачен местными татарами и выдан властям. Также вскоре попал в плен и Василий Торнов. Действия повстанцев под Уфой сразу прекратились. Однако башкиры еще продолжали борьбу; их разрозненные конные шайки продолжали грабить и сжигать имущество в отдаленных районах.

Генерал Бибиков назначил князя Петра Голицына ответственным за спасение Оренбурга. Ослабленный маршем по глубокому снегу, жестокими морозами и сопровождением огромного обоза с провиантом для голодающих оренбуржцев и для себя самого, Голицын медленно двигался по Новой Московской дороге. Пройдя Кичуев и Бугульму, он повернул на юг, чтобы соединиться с отрядами, шедшими по Самарской линии. Тем временем генерал Мансуров 14 февраля взял Бузулукскую крепость – один из основных опорных пунктов северо-восточнее Оренбурга. Это заставило Пугачева срочно вернуться в Берду[118]. Казалось, удача стала изменять ему.

Натиск свободы

Несмотря на ухудшение военной ситуации на северо-западе и рост пессимистических настроений среди обитателей Берды, Пугачев не унывал. В начале марта он лично привел 1500 всадников в Сорочинскую крепость, примерно в 70 милях северо-западнее Оренбурга. Там, узнав, что передовые отряды Голицына находятся в 25 милях отсюда в деревне Пронкиной, Пугачев решил их атаковать. Повстанцы, к удивлению противника, прошли это расстояние за одну морозную буранную ночь 6–7 марта 1774 г. В ожесточенной стычке они почти разгромили царский корпус, но все же были отбиты, понеся тяжелые потери. Оставив Овчинникова следить за передвижением неприятеля, самозванец вернулся в Берду за подкреплением.

Пугачев решил дать бой Голицыну у Татищевой крепости, прикрывавшей путь на Оренбург, Илецкую крепость и Яицкий городок. Кроме того, отойдя от Берды, он делал невозможной поддержку Голицына осаждеными в Оренбурге. Из Берды самозванец взял свы-

---

[118] *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг.: на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 144–148; *Дубровин П. Ф.* Указ. соч. Гл. IX, XII–XIV, XVII.

ше 3000 человек и 36 пушек, а Овчинников привел еще 2000 человек из Илецкой крепости. Чтобы заделать разрушенные стены Татищевой, повстаицы насыпали снежный вал и залили его водой, а также умело расставили орудия. Пугачев планировал подпустить неприятеля поближе, открыть внезапно по нему огонь, а если он попытается обойти крепость, ударить из нее.

Утром 22 марта отряды генерала Голицына, генерала Мансурова и полковника Бибикова двинулись на Татищеву. Остановившись перед вроде бы пустой крепостью, полковник Бибиков отправил на разведку трех конных казаков. Навстречу им из крепости вышла посланная Пугачевым старуха, которая сообщила, что бунтовщики там были, но ушли. Но когда разведчики подъехали к воротам крепости, то неожиданно увидели за ними спрятавшихся людей. Повстанцам удалось схватить лишь одиого шпиона, который рассказал, что им противостоят около 5000 пехотинцев с 70 пушками. Самозванец немедленно послал за помощью к Максиму Шигаеву, оставленному комаидовать Бердой. Тем временем спасшиеся разведчики Голицына сообщили ему о наличии в крспости бунтовщиков, после чего тот принял решение атаковать ее с северной стороны.

Спрятавшиеся повстанцы не открывали стрельбы из пушек, дождавшись, когда неприятель подойдет поближе и начнет обстрел. Завязалась трехчасовая артиллерийская дуэль. Тогда Голицын, не сумев напугать восставших пушечиой канонадой и опасаясь, что сраженне не удастея закончить до наступления темноты, повел своих людей на решающий штурм. Пугачев предпринял вылазку, поддержанную семью орудиями. Перед стенами крепости завязался упорный бой. Обе стороны постепенно вводили в дело свои рсзервы, поэтому сраженне велось с переменным успехом. На стороне Голицына было превосходство в огневой мощи, боевом опыте и дисциплнне. У Пугачева был только моральный дух: подкреплений из Берды он не получил.

Под натиском противника пугачевцы начали отступать. Конннца Голицына окружила крепость, чтобы закрыть дороги на Илецк и Оренбург. Увидев это, атаман Овчнннков убедил Пугачева уехать. Вскочив на лошадей, самозванец с четырьмя сподвижниками сумел оторваться от преследователей. Брошенные своим вожаком, повстанцы продолжали яростно биться с неприятелем, но в итоге были разгромлены. На поле боя пало около 1300 мятежников, еще 1200 были уничтожены в ходе бегства. Почти 4000 повстанцев, в том числе 290 яицких казаков, попали в плен. Лишь Овчнникову и нескольким сотням казаков удалось добраться до Илецкого городка. Царские войска потеряли убитыми 141 и ранеными 513 человек.

Когда Пугачев ночью прискакал в Берду, он немедленно созвал

Военную коллегию. Все понимали, что продолжение осады Оренбурга становится опасным. Нужио было уходить, но куда? Пугачев хотел идти к Уфе, чтобы соединиться с Чикой, ибо еще не знал, что Чика 24 марта будет разбит. Но яицкие казаки были против ухода в незнакомые земли и хотели идти окольными путями в Яицкий городок. 23 марта, раздав спиртное и деньги остававшимся в Берде, повстанцы спешно покинули ее. Несколько казаков решили арестовать Пугачева, но их заговор был раскрыт, самозванец приказал казнить зачннщика, одиако тот сумел бежать в Орснбург. В тот же день около 800 повстанцев сдались оренбуржцам; в последующие дии пленных стало уже 4000 человек. Толпы голодиых горожан бросились в Берду за едой и фуражом. Их шестимесячные страдания закончились.

Из Берды Пугачев решил двинуться на северо-запад, в Переволоцкую крепость, чтобы избежать окружения неприятелем, а затем повернуть на юг, в Яицкий городок. Одиако его план был сразу же сорван, ибо повстанцы нарвались на лыжников Голицына и были вынуждены вернуться. В коице марта, заияв Каргалу и Сакмарский городок – места былых побед восставших, самозванец встал лагерем севернее Оренбурга. Через несколько дией у него было уже более 4000 человек. Не утративший мужества, самозванец поручил отряду Ивана Творогова совершить набег на Берду, чтобы забрать в ней провиант и боеприпасы. 28 марта, разбив стоявший там маленький отряд рсгулярной армии и взяв много пленных, налетчики исчезли так же неожиданно, как и появились. Этот набег показал, что восставшие все еще очень опасны.

Пугачев, похоже, полагал, что падение Берды отвлечет внимание его преследователей и позволит ему восстановить свои силы. Он надеялся, что весенний паводок также затруднит погоню за ним и, кроме того, рассчитывал на помощь башкир. Восстановив силы, он мог либо двинуться на север Башкирии, либо уйти через Яик в степь, либо, оторвавшись от преследования, вновь вернуться к Оренбургу.

Опасаясь этого, генерал Голицын спешил настичь повстанцев и 1 апреля догнал их в Каргале, выбил оттуда и преследовал до Сакмарского городка, который также освободил. В одиодиевном сражении повстаицы были разбиты наголову, потеряв около 400 человек убитыми и более 2800 взятыми в плен, в том числе всю Военную коллегию за исключением Ивана Творогова. Хлопуша[119] был пойман в Каргале неделей раньше, а Чика уже сидел в уфимской тюрь-

[119] Хлопуша был допрошен в Оренбурге 10 мая 1774 г. и через два месяца там же обезглавлен. Его отрубленная голова была воткнута на кол на «возвышенном месте ... на народное зрелище на всякое время».

ме. 16 апреля генерал Мансуров освободил Яицкий городок. Атаман Овчинников и Афанасий Перфильев бежали на север, ища Пугачева. Атаман Каргнн, Михаил Толкачев и Устинья были схвачены казаками и выданы властям. Наконец, 1 мая сдался без боя последиий оплот восставших на Яике – Гурьев городок. Одиако Пугачеву удалось избежать окончательного разгрома, и по совету Кинзи Арсланова он отступил в Башкирию.

Поражения повстанцев под Оренбургом, Уфой и в Яицком городке, казалось, означали конец восстания. Большого войска больше не было, базы разгромлены, а большинство вождей взято в плен. Повстаицы не были уверены, что башкиры послушаются Кинзю Арсланова и приютят их. Для пугачевцев осада Оренбурга обернулась поражением, многочисленными жертвами и обострила конфликты, особенно между яицкими казаками и башкирами. Провал яицкой кампанни усилил эти противоречия еще больше.

Местные власти решили, что теперь легко смогут подавить восстание. Башкир призвали выдать жнвьем Пугачева за 10000 руб. (в первые дии восстания эта сумма была в двадцать раз меньше). Солдаты подавляли последнне остатки бунта. Так, в начале мая царские команды отправились на запад преследовать калмыков, убили и захватили в плен несколько сотен кочевников. Их вожак князь Федор Дербетов был пойман 23 мая и вскоре умер от ран. Но часть калмыков ускользнула от карателей и направилась к Пугачеву.

Несмотря на то, что самозванец и часть его соратников еще оставались на свободе, в середнне апреля 1774 г. Екатерина и ее советники посчитали восстание подавленным. У них вновь появилась уверенность в скором завершении турецкой войны путем вторжения в Турцию южнее Дуная[120].

---

[120] Донрос пугачевского атамана А. Хлопуши. С. 167–168; Восстание. С. 153–158; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Гл. XVI, XX-XXI; Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Пугачева. Т. III. С. 20–38.

Глава VI

ВОЗВРАЩЕННЕ В КАЗАНЬ

Сокрушительное пораженне мятежников ранней весной 1774 г. ознаменовало конец оренбургского этапа восстания. Период от начала восстания в сентябре 1773 г. до его фактического завершения в апрсле 1774 г. был его апогеем на Яике и Урале. В конечном счете, повстанцы терпели поражения всегда, но восстание все равно продолжалось. Разгром главных центров восстания – Берды, Яицкого городка, Чесноковки и Челябннска – привел к распространенню мятежа на новые территории, тем самым затруднив его подавление. Екатернна признавала, что длительная осада Оренбурга была на руку правительству, концентрируя мятежников на ограниченном пространстве. В противном случае, полагала она, восстание пошло бы вширь и намного быстрее.

В дальнейшем правительственные карательные экспедиции сталкивались на своем пути с несколькими крупными отрядами повстанцев. Но чаще всего каратели преследовали маленькие, очень подвижные группы мятежников или заннмались умиротворением сел и деревень. И то, и другое было весьма утомительно и отнимало много времени. Между тем казалось, что благодаря усилиям правительства восстание не уменьшается, а только нарастает. Это напоминало сраженне с гидрой: на месте отеченных голов у нее вырастали новые.

Несколько обстоятельств были на руку повстаицам. С одиой стороны, сложности, возникшие у властей после снятия осады Оренбурга, затрудняли преследование пугачевцев. Губернатор Рейнсдорп и генерал Голицын погрязли в местиых проблемах: нужно было наладить снабженне города, схватить отставших повстанцев, охранять пленных, уничтожить лагерь в Берде. Кроме того смерть от лихорадки генерала Бибикова 9 апрсля 1774 г. ослабила силы правительства. Наряду с этим весенний паводок снес мосты, затопил броды и превратил дороги в трясны. Войскам, особенно пехоте, двигаться стало трудио, а везти пушки было вообще невозможно.

Лишь в конце апреля правительство назначило главнокомандующим всеми карательными силами вместо Бибикова генерала Федора Щербатова. Поскольку правительство само занялось подавлением восстания, оно не дало Щербатову прямой власти над граж-

данскими чнновниками в восставшем регионе. Секретная комиссия по расследованию восстания, возглавлявшаяся Бибиковым, была разделена на две части: одиа – в Казанн, другая – в Оренбурге, и каждая часть подчинялась тамошнему губернатору. Это нарушило координацию действий между губернаторами и военачальнпками. Кроме того, Щербатов получил приказ о своем назначении в начале мая и прибыл в свою штаб-квартиру в Орснбурге 18 мая, тогда как главный театр действий уже переместился на север[121]. Все это дало Пугачеву необходимую отерочку.

С менее чем 500 соратниками самозванец бежал от Сакмарского городка на север – к башкирам. На некоторое время повстанцы получили передышку. Они быстро восстановили свою Военную коллегию и стали выпускать воззвания к башкирам. Этим заннмались Кинзя Арсланов и Иван Творогов; им помогали секретарь Иван Шундеев и писарь-толмач Григорий Туманов, бывший повстанческий воевода Челябинска, который соединился с Пугачевым в Вознесенском заводе в начале апрсля. Знание Тумановым русского и тюркских языков оказалось очень кстати. 4 апреля повстанческая Военная коллегия приказала атаману Белобородову, находившемуся вблизи Саткннского завода, немедленно собрать башкир, русских и черемисов[122]. Белобородов получил это распоряжение 9 апреля и сразу же призвал местный люд придти к нему 11 апреля в Сатку. Одновремснно Военная коллегия приказала заготавливать в окрестностях Челябннска и Чебаркульской крепости продовольствие и фураж «для армии его императорского величества следующей».

Выпустив воззвания к башкирам и приказы своему войску, Пугачев двинулся вдоль Белой на северо-восток. По пути в Белорсцк, куда они прибыли 13 апреля на почти три недели, восставшие сделали короткую остановку в Вознесенском и Авзяно-Петровском заводах. За это время численность пугачевцев выросла с 500 до нескольких тысяч человек. Тем временем Белобородов и его сподвижннк мещеряк Бахтияр Каикаев мобилизовывали «казаков» от Саткинска до Красноуфимска. Салават Юлаев и его отец, Юлай Азналнн, набрали много башкир восточнее Уфы, заияли без боя Симский завод и после двухдневной осады взяли Катав-Ивановск. В начале мая у них уже было примерно 3000 человек, а у Белобородова – около 700 при 6 пушках. К сожалению, они были плохо вооружены; в частиости, у них ощущался недостаток огнестрельного оружия и

---

[121] *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. III. С. 10.

[122] В настоящее время их называют марийцами. Черемисы – финноязычный народ, в древности носелившийся северо-занаднее Казани. Будучи государственными крестьянами, многие из них шли работать на уральские заводы.

пороха. Бывший заводской рабочий, Белобородов решил использовать свои технические познания, чтобы наладить промышленное производство в Саткннске, но этого сделать не удалось из-за отсутствия серы[123]. Численность и подвижность продолжали оставаться преимуществом повстанцев.

Новые кадры мятежников, набранные Салаватом Юлаевым и Белобородовым, во-первых, позволили возобновить восстанне северо-восточнее Уфы, подготавливая приход Пугачева, и, во-вторых, отвлекали на себя вниманне карателей, позволяя самозванцу восстановить Большое войско. В апреле и отчасти в мае власти в Оренбурге не знали о местонахожденни Пугачева; беспокоясь, что самозванец все еще находится на свободе, онн, одиако, не предполагали, что он готовится к новому наступленню. В конечном счете полковник Михельсон и генерал Деколонг двинулись сюда соответственно с запада и северо-востока. 6 мая Михельсон, преследуя отряд Салавата Юлаева, прошел через Симский, Усть-Катавский и Саткинский заводы. Белобородов двинулся на помощь своему башкирскому союзннку, но получил приказ Военной коллегии присоединиться к самозванцу в Магнитной, одиой из крепостей Верхне-Яицкой дистанции Оренбургской лннии. Поэтому Салават Юлаев остался один на однн с Михельсоном. 8 мая в 12 милях от Симского завода молодой башкирский вожак, встретив царский отряд, бросился на него в атаку. Кочевники сражались отчаянно, но через несколько часов, понеся тяжелые потери, были вынуждены отступить[124]. Несмотря на это, Михельсону пришлось замедлить свой марш, облегчив тем самым положение Пугачева.

К 2 мая у самозванца было уже примерно 5000 человек, преимущественно башкир. В тот же день онн покинули Белорецкий завод. Но вместо похода к Верхнеяицкой крспости Пугачев повернул на юго-восток, на Магнитную (возле современного Магнитогорска), расположенную на правобережье верхнего Яика. Повстаицы прибыли туда 5 мая, но, не имея артиллерии, не смогли сразу взять ее, а Пугачев даже был легко ранен картечью в левую руку. Одиако ранним утром следующего дня осаждавшие все же одолели ее маленький гарнизон. Победители повесили коменданта, его жену, священника и жену еще одиого офицера, приняли гарннзонных солдат в казаки и захватили четыре пушки и четыре бочки с порохом. Вскоре Белобородов привел новое подкрепление и много пушек, а атаман Овчннников и Афанасий Перфильев пришли с 300 казаками.

[123] Пугачевщина. Т. II. С. 329–330; *Мартынов М. Н.* Саткинский завод во времена восстания Емельяна Пугачева. С. 234–239.

[124] О действиях Салавата Юлаева см.: *Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Нанеях В. М.* Пугачев и его снодвижники. М.; Л., 1965. С. 127–129.

Окольным путем онн прошли через южную Башкирню и соединнлись со своим вождем. Яицкий «полк» был немедленно восстановлен[125].

Теперь у Пугачева опять было от 4000 до 7000 человек. Он послал башкир и татар к казахскому султану Аблаю за помощью. Но кочевники не ответили на эту просьбу, одиако активизировали набеги на границы России[126].

Окрепнув, самозванец направился на север, чтобы разжечь там восстанне. Повстанческая армия приблизилась к Верхнеяицкой крепости, но обошла ее, узнав, что там засел отряд генерала Деколонга. Повстанцы прошли по уральским долинам на север, затем повернули с гор на восток, чтобы опустошить и сжечь пять маленьких форпостов на пути в Троицкую крепость, которую онн взяли 19 мая. Чтобы задержать своих преследователей, Пугачев приказал сжечь за собой мосты и разрешил башкирам спалить Авзяно-Петровский и Белорецкий заводы. Они с радостью выполннли это распоряженне, выгнав работников со словами: «Ступайте домой, срок ваш кончился. Отцы наши, отдавшие вам эту землю, умерли, а мы не хотим более уступать ее»[127]. В конце мая 1774 г. отец Салавата Юлаева с радостью предал огню Симский завод, построенный на земле, отобранной у него Твердышевым и Мясннковым. Таким образом, новая вспышка восстания иннциировала мятеж по всему западу Исетской провиицни.

В Троицке, главной крепости и таможенном пункте русско-казахской граннцы, повстаицы убили комеиданта, офицеров и несколько солдат, полностью разграбили город и увели простой люд в свой лагерь, разбитый в миле отсюда. Но они опять проявили недисциплинированность и неосмотрительность, на следующий день устроив пир по случаю своей победы. В 7 часов утра 21 мая генерал Деколонг и майор Гагрин напали на пьяиых пугачевцев. Казаки заняли оборону, остальные повстанцы бросились бежать. Озверевшие солдаты не щадили противннка, убивая людей тысячами. Лишь 70 повстанцев, в том числе писари Иван Шундеев и Григорий Туманов[128], были взяты в плен. Солдаты Деколонга освободили свыше 3500 пугачевских пленников, захватили 28 пушек, около 1200 ядер, более тонны пороха, а также казну: 6568 руб. 16 ¾ коп. Одиако Пу-

---

[125] *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. III. Гл. II.

[126] Восстание. С. 160–161; *Бекмаханова Н. Е.* Указ. соч. С. 169–173.

[127] Цит. но: *Мартынов М. Н.* Саткинский завод во времена восстания Емельяна Пугачева. С. 242.

[128] Конвой, сонровождавший Туманова в Оренбург для допроса и суда, был атакован казахами, в результате чего Туманов исчез – но-видимому, он был схвачен и убит нанадавшими.

гачев и большинство его окружения уцелели[129].

Подарки великого князя

После боя самозванец поскакал на север, в Исетскую провинцию, где быстро восстановил свои силы: через 48 часов после поражения в Троицкой у него опять было около 2000 сторонников. Несмотря на это, его прежде всего беспокоило, как избежать преследования и увеличить войско, а не то, как начать новую кампанию. Не зная эти места, некоторые казаки советовали Пугачеву идти в Сибирь, где было мало правительственных сил, но башкиры укрыли его в уральских лесах. 23 мая повстанцы столкнулись с отрядом полковника Михельсона возле Кундравинской слободы, потеряли в сражении половину своего состава и были рассеяны еще раз. Лишь Пугачеву со своими ближайшими соратниками удалось спастись.

Следующие две недели были смертельной игрой в прятки, ибо Михельсон решил одиовременно атаковать сразу несколько повстанческих отрядов. Самозванец исчез в горах, захватил Златоустовский и Саткинский заводы и поручил башкирам их сжечь. Хотя Михельсону удалось одиажды догнать отряд Салавата Юлаева и дважды настичь Пугачева, он не смог их разбить и помешать объединиться северо-западнее Сатки. Солдаты Михельсона были настолько измучены месяцем погони за восставшими, что 5 июня полковнику пришлось вернуться в Уфу.

Активные действия Михельсона против повстанцев привели к неожиданному результату: он загнал их далеко за пределы Урала, от всех остальных карателей. Когда в начале июия полковник прекратил погоню, повстаицы получили передышку. Тем временем Салават Юлаев набирал для Пугачева башкир, а Иван Белобородов – заводских крестьян. За две недели Большое войско Пугачева было восстановлено. Хотя повстанцев были еще крайне мало, начавшееся крупномасштабное восстанне башкир на время отвлекло от них внимание властей. Воспользовавшись этим, повстанцы спустились с гор и двинулись в Прикамье[130], где уже были в начале 1774 г.

Как и шесть месяцев назад, пугачевцы захватили Красноуфимск

---

[129] Восстание. С. 159–161; Пугачевщина. Т. II. С. 145–146; Записки Карла Хоецкаго // Киевская старина. 1883. Ноябрь. С. 449; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. III. Гл. II; *Дмитриев-Мамонов А. М.* Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. СПб., 1907. Гл. VIII.

[130] РПБ. Отдел рукописей. Собрание Эрмитажное. № 352. Л. 1–22; *Дмитриев-Мамонов А. М.* Указ. соч. Гл. IX–X; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. III. Гл. IV; *Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Нанеях В. М.* Указ. соч. С. 107–109, 129–131.

и Бирск. Они собирались наступать на Кунгур, но встретив сопротивление, пошли на Осу, которую башкиры осаждали с начала июня. Внезапное выступление повстаицев на севере застало правительство врасплох. Отряды, преследовавшие восставших, сильно отстали, на пути повстаицев почти не было солдат. Отчаянное бегство Пугачева стало воспрнниматься как гениальный стратегический маневр. На северо-западе края повстаицам встретились незащищенные российские города.

За день до прихода самозваица к Осе его посетил странный незнакомец, представившийся московским торговцем Иваном Ивановым, которого якобы послал к «Петру III» его «сын», великий князь Павел Петрович. На самом деле это был разорившийся 49-летний ржевский купец Астафий Трифонович Долгополов. В молодости он поставлял фураж императорским конюшиям в Ораниенбауме и часто видел там Петра Федоровича. Узнав о воскрешении «Петра III», он решил извлечь из этого пользу. Заияв у ржевских купцов почти 2000 руб., он отправился к «истинному государю». Под Осой башкиры привели его к Пугачеву. Узнав от них, что это посланнпк великого князя, Пугачев принял его. Трудио сказать, у кого из этих двух людей было лучше развито актерское мастерство.

Долгополов вошел в палатку самозванца, низко поклонился и пал перед ннм на колени со словами: «Павел Петрович приказал кланяться Вашему Величеству», после чего вынул из вышитой серебром кожаной сумки черную шляпу, обшитую золотым позументом, желтые сафьянные сапоги и шитые золотом перчатки. Позже он добавил к ним два драгоценных камня, которые, по его словам, послала своему «свекру» молодая жена Павла, великая княгиня Наталья Алексеевна. Самозванец торжественно поблагодарил своего гостя, и увидев, что вокруг его палатки собралась толпа зевак, пригласил своих ближайших сподвижников поучаствовать в беседе.

Осведомившись о здоровье «сына», он велел персдать Павлу поздравления по поводу женитьбы на немецкой прнпцессе и пожелал им всех благ, а затем спросил своего гостя: «Узнал ли ты меия?» «Как не узнать! Вы жаловали меия вот этим зипуном и шапкою» – ответил Долгополов, и обращаясь к присутствующим, добавил: «Вы, господа казаки, не сомневайтесь, он подлинно государь Петр Федорович, я точио его знаю». Несомненно, довольный этим, Пугачев поднял тосты за свое здоровье, за отеутствующую здесь его супругу Устинью Петровну и за «сына» и наследиика Павла Петровича. Когда вечернпка закончилась, Пугачев тайно приказал присматривать за «купцом», чтобы тот не сбежал. «Мне кажетца, он – обманщик, – сказал самозванец казакам. – Статное ль дело, штоб Павел Петрович ко мне прислал подарки?» Несмотря на свои сомнения, он восполь-

зовался этим случаем, чтобы убедить русских крестьян и башкир, составлявшие большинство его армии, в своем царском происхождении. Теперь они еще больше поверили, что Пугачев действительно был «истинным государем»[131].

Воодушевленные этим, повстанцы на следующий день, 18 июня, двинулись на Осу. Получив отказ на требование сдаться, пугачевцы пошли в атаку. 1100 осинцев с 13 пушками под командованием майора Скрипицына предприняли вылазку против мятежников, но были отбиты, потеряв 80 человек ушедшими к Пугачеву и одну пушку. Защитники крепости обстреливали нападавших из пушек и ружей, лили на них растопленную смолу и масло. Повстанцы были разбиты, понеся тяжелые потери. Ранение в ногу получил и Салават Юлаев, который из-за этого был вынужден вернуться домой.

Тем не менее, осажденные были сильно удивлены, узнав от захваченного башкира, что численность пугачевцев под Осой составляет более 8000 человек. Хотя у повстанцев была только одна пушка и то захваченная у осинцев, они грозили сжечь город и убить всех его жителей. Восставшие уверяли горожан, что перед ними сам «Петр Федорович» и очень удивились, когда в Осе этому поверили.

Проведя 19 июня рекогносцировку местности, Пугачев созвал военный совет. На нем Белобородов предложил провести атаку под прикрытием возов с соломой. Увидев эти приготовления, горожане решили, что готовится поджог стен крепости, попросили восставших не делать этого и отправили к ним отставного гвардии сержанта, чтобы тот выяснил, на самом ли деле вожаком мятежников является покойный император. Когда старик пришел в лагерь повстанцев, Пугачев облачился в простую казачью одежду и встал в толпу казаков. Сержант должен был узнать среди них «Петра III». Внимательно осмотрев каждого, посланник пристально всмотрелся в самозваца. Пугачев же обратился к своему гостю: «Что, старик, узнаешь ли ты меня?» – «Бог знает, – отвечал сержант. – Как теперь узнаешь! В то время был ты помоложе и без бороды, а теперь в бороде и постарее». – «Смотри, дедушка, хорошенько, – предупредил самозванец, – узнавай, коли помнишь». Старик признал, что какое-то сходство есть и вернулся в крепость, передав ее защитникам, что в случае неподчинения Пугачев их всех истребит.

Старый сержант рассказал майору Скрипицыну и собравшимся обывателям, что внешне самозванец вроде бы похож на Петра III. Это еще больше встревожило защитников. Майор Скрипицын колебался и решил еще раз послать сержанта для опознания. Прибыв

[131] Пугачевщина. Т. II. С. 147; Восстание. С. 162–163; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. III. С. 64–66.

опять к самозванцу, он громко объявил: «Теперь я узнаю, что ты – подлинно наш надежа-государь». Вернувшись в город, он попросил защитников прекратить сопротивленне. Это окончательно деморализовало горожан. Предварительно майор Скрипицын получил от повстанцев гарантии, что сам он и его люди не будут казнены.

Утром 21 нюия под колокольный звон оснпцы вышли из города встречать пугачевцев с иконами, знаменем и традиционным хлебом-солью. Перед самозваицем все встали на колени, он простил их и призвал служить ему верой и правдой. Солдаты были разоружены, пострижены по-казачьи и, надев казачью одежду, стали «Казанский полком» под комаидованием «полковника» Скрипицына. Взяв боеприпасы и восемь пушек, повстанцы сожгли город дотла[132].

Месть Минеева

Отпраздиовав свою победу, войско Пугачева в тот же день двинулось в Казанскую губернию. Здесь восставшие вновь задумались – куда идти дальше? В силу многих причин их привлекала Казань. Будучи здесь год назад, Пугачев обратил внимание на плохую оборону города и губернатора-растяпу. Кроме того, самозванец надеялся на помощь местных русских и татарских крсстьян. Взятые в плен в Осе солдаты казанского гарнизона сообщили, что численность защитников города невелика, а однн из пленников, подпоручик Федор Минеев, указал самозваицу на самые слабые места обороны Казани.

Быстрота марша восставших на северо-запад была вызвана их стремлением оторваться от преследования с юга и востока, а также уйти с разоренного Урала, где в коице весны 1774 г. начался голод. Онн надеялись получить ресурсы нетронутых восстаннем областей. Нерусские народы, которые теперь составляли большинство пугачевского войска, считали Казань оплотом их угнетсния. Кроме того в этом городе располагалась, до самого ее упраздиения в 1764 г., Контора новокрещенских дел, занимавшаяся насильственной христиаиизацией местного населения. Наконец, повстаицев двигало вперед давнее обещанне Пугачева, что после Казани он пойдет на Москву, первую столицу России.

После ухода из Осы пугачевцы решили идти на Казань. Войску было сообщено, что Долгополов привез «Петру III» письмо от его «сына» Павла, который обещал встретить своего «отца» в Казани. Войско самозваица быстро увеличивалось: за две недели Пугачев собрал под свои знамена около 20000 человек, которые были разде-

---

[132] Восстание. С. 163; Пугачевщина. Т. II. С. 147–148, 332; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. III. С. 67–74; Российский государственный исторический архив. Ф. 468. Он. 32. Д. 2. Л. 446–447.

лены на полки по 500 человек в каждом. Большое войско вновь достигло прсжней численности, Белобородов и другие лидеры заменили тех, кто был схвачен под Оренбургом и в Троицкой крепости, а Военная коллегия продолжала функционировать. Несмотря на то, что теперь в повстанческой армии доминировали представители нерусских народов, повстанцы по-прежнему боролись за уничтожение чнновников и дворян как символов царского гнета.

Форсировав Каму, мятежники без боя взяли Воткинский и Ижевский заводы, казнили их адмннистрацию, разграбили имущество, а затем оба завода сожгли. Самозванец распределил срсди своих людей деньги, захваченные на заводах, и наказал непокорных. 22 июия он приказал повесить майора Скрипицына и захваченного в Осе капитана Смирнова, потому что онн пытались сообщить в Казань планы восставших. Подпоручик Федор Минеев, бывший офицер казанского гарнизона, разоблачивший этих предателей, был назначен командиром Казанского полка.

Мятежники, оторвавшись от преследования и не встречая на своем пути никакого сопротивления, шли к Казани. У полковника Михельсона, двигавшегося из Уфы в Бирск, имелись значительные силы, но до конца июня он не знал о местонахождении Пугачева. Едва получив эти сведения, он бросился в погоню и 3 июля перешел Каму, а через пять дней преодолел Вятку, но не смог догнать свою добычу. 10 июля восставшие разбили небольшой отряд, посланный из Казани, а в полдень следующего дия уже стояли у города. Пугачев и его сподвижники сразу же осмотрели систему обороны неприятеля.

Расположенный между реками Казаика и Булак севернее их впадения в Волгу, торговый город Казань, безусловно, был самым крупным населенным пунктом из всех, встречавшихся на пути пугачевцев. В нем проживало примерно 11000 человек, имелось 3600 домов и 35 церквей. Он состоял из трех основных районов: кремля, собетвенно города и Суконной слободы. На берегу озера Кабан, на юго-востоке города, находилась Старо-Татарская слобода. Первые два района были выстроены из камня. За стенами кремля находились гауптвахта, губернская канцелярия, дом губернатора, духовная канцелярия, особияк архиепископа, дом комеиданта и соляные склады. Одиако кремль был таковым только по названню, ибо его стены в ряде мест обрушились, большинство башен имело трещины. С восточной стороны к нему примыкал большой девичий монастырь и Гостиный двор с 777 лавками. С его фасада перед кремлем находился большой трактир с высокими каменными крыльями. К югу от него располагался каземат – главная городская тюрьма, где томились бывшие бунтовщики. В Казани прожнвало почти 5000 торгов-

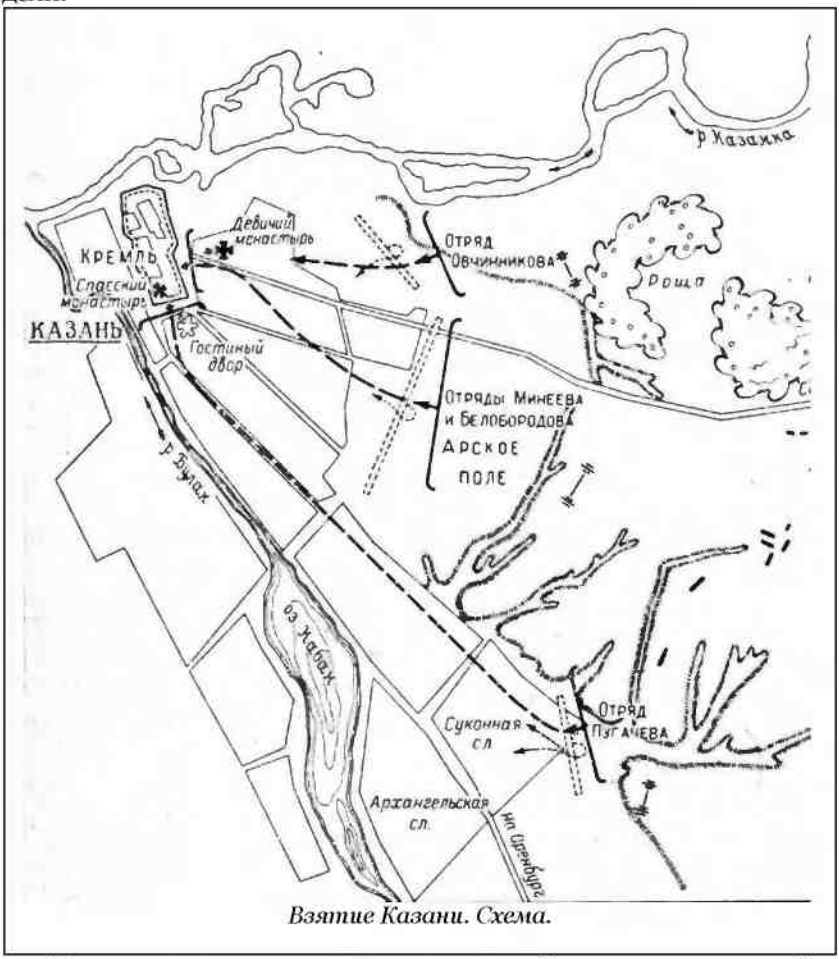
цев и ремесленников, из них примерно 1500 – в деревянной Суконной слободе, где онн трудились на текстильных фабриках. Старо-Татарская слобода, в которой проживало много татар, была наследием татарского прошлого Казани. Остальное население включало примерно 200 дворяи, столько же чнновников, 300 лиц духовного звания и 400 регулярных солдат. Хотя к ннм затем добавилось еще 300 солдат, этого было явно недостаточно для защиты столь крупного города.

Кроме того, у защитников Казанн не было хороших командиров. Старый губернатор Якоб фон Брандт был смертельно болен. Местные офицеры не могли договориться о тактике обороны; посланный ими навстречу Пугачеву отряд из 200 солдат был разбит. Генерал Павел Потемкнн, кузен нового фаворита и любовника Екатерины, прибыл в Казань только три дня назад для руководства расследованнем восстания и тоже оказался не в состоянии взять на себя руководство обороной. Многие жители бежали из города. Казань фактически оказалась беззащитной.

Во второй половине дня 11 июля Пугачев осмотрел систему обороны города. Хотя у восставших не хватало огнестрельного оружия, они видели, что Казань тоже не располагает достаточным количеством пушек и солдат для обороны ее с востока. Кроме того, перебежчик Мннеев рассказал, как можно использовать овраги вдоль реки Казанки для неожиданного нападения на северо-восточную часть города. Обычиый призыв самозванца сдаться, обращенный к народу, не был воспринят, но перебежчики уверяли его, что обитатели Суконной слободы готовы к нему присоединиться. Пугачев и его окружение решили атаковать город с восточной стороны одиовременно тремя колоннами. Зная о приближенни Михельсона, они торопились напасть на Казань утром 12 июля.

Мятежники, прикрывшись возами с соломой, двинулись по Арскому полю, расположенному перед городом. Оттеснив отряды защитников, они разделились на три колонны. Центром комаидовал Белобородов. Прикрыв пушки возами, пугачевцы обстреляли главную батарею генерала Потемкина на Арской улице. Комаидовавший правым флангом Мннеев вел свой пеший отряд по оврагам вдоль реки Казанки, а далеко левее от него конница самого Пугачева вошла в Суконную слободу. Пока защитники бились с Белобородовым, отряды Мннеева и Пугачева, подавив нерешительное сопротивленне, ворвались в Казань. Находившийся вне города на главной батарее генерал Потсмкнн поиял, что Казань уже пала. Началась паника. Солдаты и горожане беспорядочно бежали по улицам в кремль, повстанцы гнались за ннми. Установив две пушки на крыше трактира, примерно в 40 ярдах от кремля, и еще два орудия в расположен-

ном рядом с ннм девичьем монастыре, они открыли огонь по цитадели.

Взятие Казани. Схема.

Пугачевцы могли взять кремль, но как обычно предались грабежу, хватая все, что только могли унести из церквей, лавок и домов. Предприимчивые казаки наняли крестьяи тащить целые возы добычи. Разграбив кабаки, пьяиые пугачевцы персоделись в рясы священннков и женские платья и пировали на улицах. Они открыли двери тюрем и подожгли центр города.

Неожиданно Пугачев случайно встретил свою жену Софью и своих троих детей, освобожденных из тюрьмы. Он объяснил окружающим, что эта женщнна была женой его друга Пугачева, и отпра-

вил ее и детей в лагерь повстанцев. Восставшие торопились разграбить город, пока он не сгорел, и вместе с огромной добычей увели в свой лагерь пленных солдат и горожан. Почти 800 жителей были убиты, ранены или пропали без вести. За исключением кремля и Суконной слободы Казань 12 июля 1774 г. была обращена в прах.

Восставшие оставили город и отправились праздновать победу, намереваясь затем вернуться и добить кремль. В своем лагере Пугачев простил пленников за службу императрице и взял с них присягу «истинному императору». Он пообещал завтра взорвать кремль, а потом пойти на Москву, чтобы вернуть себе престол.

Взяв Казань, самый крупный из захваченных ими населенных пунктов, повстанцы повели себя как обычно. Зная, что к ним приближается Михельсон, они, вместо того, чтобы подготовиться к встрече с ним, ударились в пьянство и закатили пир. Понимая, что его пьяные соратники не смогут оказать сопротивления, Пугачев отобрал по 100 человек из каждого полка и поручил командовать ими Федору Чумакову. Но едва самозванец начал переводить остальную часть своего войска в новый лагерь возле Казанки, Михельсон напал на него на Арском поле.

Несмотря на численное превосходство повстанцев, ружья и пушки имелись только у казаков, у башкир основным оружием были копья и луки со стрелами, а большинство татарских и русских крестьян располагали лишь дубинками, топорами, копьями и заостренными кольями. У многих повстанцев не было военного опыта, кроме того, многие из них были пьяны или утомлены грабежами. Однако пугачевцы четыре часа яростно сражались с Михельсоном, потеряв 800 человек убитыми и более 700 взятыми в плен. Только темнота и усталость царского отряда спасли их от полного разгрома.

Зная, что ему противостоят всего лишь 800 солдат, Пугачев на следующее утро атаковал их. Но Михельсон, получив от казанского гарнизона еще 500 человек, перешел в контратаку и нанес восставшим большие потери. Остаток дня 13 июля и все следующие дни мятежники собирали подкрепление севернее Казани. Набрав примерно 15000 человек, Пугачев решил выманить Михельсона в поле, и, используя свое численное превосходство, уничтожить его.

Утром 15 июля Пугачев вновь двинулся на Казань. В пути на него напал Михельсон. Имея девять пушек, повстанцы смяли его фланг, вынудив полковника просить помощи у генерала Потемкина. Но дисциплина, мощный артобстрел и стойкость солдат Михельсона сделали свое дело. Через полтора часа непрерывной перестрелки пугачевцы были отброшены, потеряв все пушки. Через три дня после своей самой крупной победы Пугачев потерпел сокрушительное поражение.

Повстанцы бежали, потеряв примерно 2000 человек убитыми и ранеными и около 5000 захваченными в плен. Пугачев едва смог спастись вместе с семьей. Башкиры, которые спасли восстание после его поражения под Оренбургом и Троицкой крепостью, покинули самозванца и ушли на свою родину. Атаман заводских рабочих Иван Белобородов 19 июля попал в плен, был бит кнутом в Казанн и черсз шесть недель обезглавлен в Москве. «Полковник» Федор Минеев, помогший своими советами взять Казань, тоже был схвачен. Как бывшего офицера его прогнали шпицрутенами через тысячу человек двенадцать раз, отчего он умер. Одиако большинство близких соратников Пугачева спаслись и вскоре вновь присоединнлись к нему. Это были Кинзя Арсланов, Иван Творогов, Федор Чумаков, Андрей Овчнннник, Афанасий Перфильев и Алексей Дубровский. К Пугачеву вернулся бежавший из тюрьмы при взятии Казани «перс» Василий Торнов, которого Михельсон взял в плен под Уфой в апреле 1774 г. Таким образом, комаидование Большого войска Пугачева в основном пережило вторую по счету смерть повстанческой армии[133].

* * *

Кажется невероятным, что всего за три с половиной месяца после разгрома под Оренбургом и Троицком повстаицы восстановили свои силы и одержали крупнейшую победу в Казани. В этот период онн подняли восстание на Урале и распространили его в Волжско-Камский бассейн. Пугачевцы продемонстрировали удивительную способность быстро собирать множество соратников. Хотя они были трижды разбиты в Казанн, многие из них все еще оставались на свободе и могли поднять новые бунты. Кроме небольшого корпуса Михельсона здесь не было регулярной армии. Начавшись с бунта казаков, восстанне охватило огромную территорию и новые социальные группы. Теперь оно вплотную подошло к глубокому тылу Московии – оплоту помещичьего и государственного крепостничества.

---

[133] Восстание. С. 163–165; Пугачевщина. Т. II. С. 148–149, 200–202, 221, 332–335, 357–358, 412; *Нушкин А. С.* Указ. соч. Т. IX, ч. 1. С. 360–367; *Калинин Н. Ф.* Казань времен пугачевских событий // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Казань, 1959. Вып. 2; Российский государственный архив древних актов. Госархив. Разряд VI. Д. 507. Ч. III. Л. 205–207; РГИА. Ф. 1018. Он. 10. Д. 187. Л. 2–8 об.

Глава VII

БЕГСТВО ИЛИ НАШЕСТВИЕ?

Поражение Пугачева в Казани стало концом второго этапа восстания, длившегося с апреля до середины нюля 1774 г. и охватившего территорию от Южного Урала до Средиего Поволжья. Внезапно превратившись из победоносного завоевателя в затравленного беглеца, Пугачев бежал вдоль Волги, которую перешел вброд 17 июля. У него осталось лишь несколько сотен сподвижников, преимущественно яицких казаков. Не являясь больше армией, онн все еще составляли довольно крупную группу опытных воинов, которые могли, подобно разбойничьим шайкам, грабить беззащитные города и села Поволжья. Они были на конях и очень подвижны, и после сраженнй в Казани никто не знал, где они и куда могут пойти.

После форсирования Волги у них было несколько вариантов дальнейших действий. Они могли пойти на запад, подиимая там восстанне и собирая новые силы, чтобы атаковать Нижний Новгород или даже Москву. Или могли направиться на юг, в провннции правобережья Волги, сельскохозяйственный регион, где можно было бы награбить много имущества и набрать новых людей в свои ряды. Оттуда онн могли добраться до старых укрытий Пугачева на Дону, где можно было рассчитывать на поддержку населения. Ко всему прочему нн в одиой из перечисленных территорий не было значительных армейских сил. Во всех этих областях повстанцы могли надеяться на помощь крепостиого крестьяиства – русских и туземцев, православных и староверов, помещичьих и государственных. К ним могли бы присоединиться казаки и одиодворцы[134], местный протопролетариат вроде волжских бурлаков, многочисленные бродяги и беглые[135].

---

[134] Однодворцы – нотомки различных групн населения, охранявших государственную границу. Они сслились нреимущественно в среднем Придоньс и Пижнем Поволжье. Во второй ноловине XVIII в. их насчитывалось около миллиона человск. Хотя лишь у немногих из них имелись креностные, они боролись за нраво считаться дворянами, но в XVIII в. правительство ноложило конец их требованиям, признав их особой разновидностью государственных крестьян, то есть лиц, плативших нодушную нодать.

[135] Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Пугачева. Т. III. Гл. XVIII–XXI; *Булыгин И. А.* Положение крестьян и товарное

Правительство и его главная опора – русское дворянство, с ужасом ожидали появления пугачевцев. Многие дворяие, чиновнннки и купцы городов Поволжья бежали в глубину страны. Нижегородский губернатор закрыл популярную ярмарку в Макарьеве, приказал сооружать укрепления и запросил помощь из Москвы. В свою очередь, эта древняя столица активно готовилась отразить нашествие «мужицкого царя». В нее перебрасывались дополнительные отряды солдат, поскольку в городе проживало много крепостных и ремесленников, которые в любой момент могли взбунтоваться. Все подмосковные города заняли круговую оборону для отражения повстанцев.

На фоне этих событий вдруг стало известно о блистательной победе над турками и заключенни с ними мира. 10 нюля 1774 г., примерно за 48 часов до взятия пугачевцами Казани, Россия и Турция подписали Кучук-Кайнарджнйский мирный договор. Это крупное событие в дипломатической истории Европы XVIII в. позволило России закрепиться на Черном море и в Крыму, и получить другие преимущества. Но самое главное – завершился длительный военный конфликт, разоривший страну. Известие о заключенни мира получили в Москве 21 июля, на два дня раньше, чем в Санкт-Петсрбурге. Оно пришло вовремя: императрица уже была готова лично возглавить оборону Москвы[136].

Хотя теперь Екатернна успокоилась, она так торопилась подавить восстание, что даже прииняла фантастический план, предложенный купцом-банкротом Долгополовым. Последннй сопровождал Пугачева до Казани и оставался с ним и после его поражения там. Очевидно, он чувствовал близкий конец Пугачева и видел его полную зависимость от яицких казаков. Поэтому он осторожно завел разговор с Афанасием Перфильевым о возможности выдачи самозванца властям за большое вознагражденне и прощение. Согласились ли с ним казаки, неизвестно, но, во всяком случае, Долгополову удалось уйти от них после перехода через Волгу. Он сообщил Пугачеву, что собирается забрать из Нижнего Новгорода порох, якобы приготовленный им для повстанцев, и торжественно обещал встретить их в Царицыне с великим князем Павлом и его женой. Долгополову разрешили уйти под давлением казаков: Пугачев на допросе рассказывал, что Караваев и Овчнннкков попросили его отпустить «Ивана Иванова».

нроизводство в России: вторая половина XVIII века. М., 1966.

[136] См.: *Филиппов А. Н.* Москва и Пугачев в июле и августе 1774 года // Труды общества изучения Казахстана. Оренбург, 1925. Выш. V; *Голубцов С. А.* Московская провинциальная власть и дворянство в ожидании Пугачева // Старая Москва. М., 1929.

В начале августа 1774 г. Долгополов добрался до Саикт-Петербурга. При содействии бывшего фаворита Екатерины князя Григория Орлова он добился высочайшей аудиенции и вручил императрице письмо якобы от Перфильева и 324 других казаков, которые обещали выдать Пугачева в обмен на их прощение и 100 руб. на человека. Половнна этой суммы должна была быть выплачена золотыми монетами. Долгополов легко завоевал доверие Екатерины, еще не оправившейся от испуга после захвата Казани. Она отправила с ним гвардейского офицера искать самозваица, дав ему на руки свыше 34000 руб. Несмотря на странность этого плана, Екатерина полагала, что «цена сия умерснна, чтоб купить народный покой»[137].

Опуская подробности, отметим лишь, что этот план осуществить не удалось. В коице августа, находясь в Нижнем Поволжье, Долгополов взял у своего конвоя свыше 6000 руб., пообещав найти самозванца самостоятельно, и скрылся. Вскоре его поймали и подвергли суровым телесным наказаниям, а затем сослали на пожнзненную каторгу[138].

Прииняв меры для поимки Пугачева, Екатернна приказала выделить дополнительные войска для пресечения нового подъема восстания. Заключение мира с Турцией успокоило императрицу и ободрило чнновников. Теперь они ожидали персброски армии против Пугачева. Между тем правительство призывало дворян вооружать своих крспостных на случай вторжения пугачевцев в Подмосковье. В начале августа императрица назначила известного московского дворяннна графа Петра Паннна координировать действия правительства против мятежников. Эти меры достигли своей цели: паннка в Москве пошла на убыль.

Злодеи-дворяне и судьи-мздоимцы

Известие о подписании мира с Турцией было лишь одиой из причин, вынудившей Пугачева повернуть в Нижнее Поволжье. Можно указать и на другие обстоятельства, изменнвшие планы повстанцев. Во-первых, в конце нюля у Пугачева было мало людей: не более 500 человек, а, возможно, и меньше. Хотя главные бунтовщики после разгрома в Казанн оставались на свободе, численность их армии резко сократилась, а артиллерии и провианта почти не стало. Поэтому рассчитывать на захват какого-то крупного и хорошо защищенного населенного пункта им было нельзя. Во-вторых, гнавшийся за ними Михельсон персшел Волгу и повернул на Арзамас,

---

[137] Цит. но: *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. III. С. 160.

[138] Восстание. С. 165–166; Пугачевщина. Т. II. С. 150; *Нушкин А. С.* Указ. соч. Т. IX, ч. 1. С. 189–190; *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч. Т. III. Гл. IX.

чтобы защитить Нижний Новгород и Москву. Другие правительственные отряды шли с Урала на запад, чтобы перехватить самозванца на Волге, третьи блокировали подходы к Москве. Заключение мира с Турцией позволяло перебросить армию на Дон и отрезать пугачевцам путь в Нижнее Поволжье.

Поскольку повстаицы понимали, что их окружают, что конец русско-турецкой войны значительно усилит противника, им оставалось только как можно скорее уйти отсюда. Онн уже знали о начавшемся в Поволжье голоде и полагали, что не смогут добыть там продовольствия. Также нельзя забывать, что восставшие казаки, являясь жителями окраин России, оказались в незнакомой местности. Степь манила их на юг, суля спасение. Врожденная тяга к побегам легко победила в них тщеславные планы захвата Москвы[139].

Но хотя в силу обстоятельств Пугачеву пришлось отказаться от дальнейшего продвижения вглубь страны, он продолжал будоражить народ. Оторвавшись от преследователей, опять набрав людей и захватив без боя 18 и 20 нюля соответственно городки Цивильск и Курмыш, самозванец намеревался поднять местных крестьян на восстание. Одиако власти невольно подготовили местиое крестьяиство к прибытию самозванца, распространяя о нем различные небылицы. Читавшиеся в церквях и на городских площадях, они порождали всевозможные слухи. Еще в яиваре 1774 г. правительственный курьер, вернувшийся в Москву из Нижнего Поволжья, сообщил о бытующих там сумасбродиых рассказах крестьян о «Петре Федоровиче» – избавителе их от чиновнпков и дворян. Тогда же небольшие группы мятежников и агитаторы перешли через Волгу, чтобы нести весть о приближении Петра III[140].

Сравнительно высокая плотность населения на Правобережье Волги составляла благодатную почву для маннфестов повстаицев. В Средием и Нижнем Поволжье, вероятно, проживала почти пятая часть всего населения Российской империи. Большннство местных жителей составляли бывшие беглые крепостные и государственные крестьяне, которые иммигрировали в эту совсем недавно приграничную область в поисках свободы и благополучия. Действительно, после врсменного спада в серсдине столетия, в 1760-е гг. массовые побеги усилились, а под воздействием роста налогов и других тягот, вызванных русско-турецкой войной, в начале 1770-х гг. превраги-

---

[139] Лучшим исследованием восстания в Поволжье является неопубликованная диссертация: *Рысляев Л. Д.* Крестьянская война 1773–1775 гг. в Пижнем Поволжье. Л., 1963.

[140] Пугачевщина. Т. III. С. 458. *Нашна Е. С.* Повый докумеит о Е. И. Пугачеве // Вопросы архивоведения. 1964. № 2. С. 113–114.

лись в сплошной поток[141]. Это привело к концентрацни здесь значительных сил для возможиого восстания.

Оплот помещичьего крепостиичества, со значительной долей поселений мордовских[142] и чувашских государственных крестьян, этот регион представлял собой тихое болото с помещиками-дворянами, большинство которых сами здесь не жили, и государственными чиновниками, как правило, тоже дворянами. Помещичьи и государетвенные имения были небольшими, самодостаточными хозяйствами, существовавшими за счет барщины. Они почти не поставляли свою продукцию на рынок, здесь не хватало продуктов питания, вынуждая импортировать их с юга, а местная промышленность почти отсутствовала. Обособленное, отсталое и забитое население страдало как от дворян, так и от подконтрольной им власти. Пугачев призывал уничтожить оба этих фактора. Его знаменитый манифест, написанный в конце июля 1774 г. Алексеем Дубровским, провозглашал:

«Объявляетея во всенародиое известие.

Жалуем сим имянным указом с монаршеским и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве, в подданстве помещиков, быть верноподданными собствениой нашей короны рабами, и награждаем вольностию и свободою и вечио казаками, не треубя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением земель, лесными, сенокосными угодьями, и рыбными ловлями и соляными озерами без покупки и без оброку, и протчими всеми угодьями, и свобождаем всех [от] прежде чинимых от дворян и градских мздоимцов-судей всем крестьяном налагаемых податей и отягощениев. И желаем вам спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от прописанных злодеев-дворян странствие и немалое бедствие.

А как ныне имя наше властию всевышней десницы в России процветает, того ради повелеваем сим нашим имянным указом: кои прежде были дворяне в своих поместьях и вотчинах,— оных противников нашей власти и возмутителей империи и раззорителей крестьян, всячески стараясь ловить, казнить и вешать, и поступать равным образом так, как они, не имея в себе малейшаго христианства, чинили с вами, крестьянами. По истреблении которых противников злодеев-дворян всякой может возчувствовать тишину и спокойную

---

[141] *Бондаревская Т. П.* Беглые крестьяне Среднего Поволжья в середине XVIII в. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной Росеии. Л., 1967; Пугачевщина. Т. III. С. 456.

[142] Мордва – финно-язычное паселение, проживающее небольшими группами, разбросанными по Среднему Поволжью.

жизнь, коя до века продолжатца будет»[143].

Распространявшиеся из села в село эмиссарами повстанцев и местными вожаками (часто самозваными), эти леденящие кровь увещевания разожгли восстание, которое всколыхнуло Поволжье от лесных массивов вокруг Нижнего Новгорода на севере до ковыльных степей Царицына на юге. Кроме того, повстанцы пытались извлечь выгоду из религиозного противостояния. Они обратились со своими призывами не только к раскольникам, но и к новокрещенным язычиикам – чувашам и мордве. Поэтому в другом манифесте пугачевцев, вышедшем в августе 1774 г. и адресованном к донским казакам, в частности, утверждалось, что из-за «прописанных злодеев-дворян» «древняго святых отец предания закон христианской совсем нарушен и поруган» и порицалось введение в Россни «немецких обычаев», таких как «самое богомерское брадобритие и разные христианской вере как в кресте, так и в протчем неистовства»[144].

Волнения бушевали по всему пути продвижения восставших. Часто только слух об их приближенни вдохновлял людей идти служить «истиниому государю». «Пугачев бежал, – отмечает Пушкин, – но бегство его казалось нашествием»[145].

20 июля, перейдя через реку Сура близ Курмыша, Пугачев круто повернул на юг, на Алатырь, который он взял без боя, а затем двинулся на юго-запад, 27 июля взял Саранск, а 1 августа вошел в главный город региона – Пензу. За две недели повстанцы преодолели около 350 миль, грабя города и села, вешая чиновников и дворян, набирая людей и боеприпасы. К моменту ухода Пугачева из Пензы 3 августа его Большое войско было частичио восстановлено. Теперь у него было нескольких тысяч человек, поделенных на 13 полков и имевших 21 пушку. С большим обозом с добычей и плениыми их караван больше напоминал переселение народов, чем армию.

Первая фаза кампании Пугачева на Правобережье Волги не создавала для него проблем: Цивильск, Курмыш, Алатырь, Саранск, Пенза – все города, покинутые чиновниками и солдатами, дворянами и купцами, открывали восставшим свои ворота. Едва услышав о приближении самозванца, власти и дворяне бежали, спасая свои жизни.

Местное духовенство шло впереди напуганных горожан, встречая «Петра Федоровича» с иконами, стягами, колокольным звоном и хлебом-солью. Поприветствовав своего избавителя, выслушав его манифест и дав ему присягу на верность, горожане сопровождали

---

[143] Пугачевщипа. Т. I. С. 40–41.

[144] Там же. С. 41–42.

[145] *Пушкин А. С.* Указ. соч. Т. IX, ч. 1. С. 69.

его в город, где повстанцы обычно проводили молебен в честь Петра III. После этого начинался грабеж города. При этом открывались ворота тюрем, происходил набор людей в «казаки», конфисковывалась казна, бесплатно раздавались соль и спиртное, забиралось все вооружение, а чиновников и дворян, схваченных в городе, казнили или их приводили «на суд» крепостные. После торжественных проводов самозванец обычно назначал городского воеводу и повстанцы быстро уходили[146].

Поскольку они спешили, то редко останавливались в том или ином городе более чем на 24 часа, а шедшие за ними по пятам преследователи испытывали множество трудностей, подвергались травле и изматывались местными волнениями. Кроме того, преследователи опасались, что самозванец опять мог повернуть на северо-запад и напасть на Москву. Догнать повстанцев было невозможно.

После прихода восставших в конце июля и начале августа 1774 г. в Саранск и Пензу в этих местах вспыхнули восстания. В результате всеобщего хаоса провинциальные города, села и имения были охвачены «Великим страхом», какой был во Франции в 1789 г. Эта период восстания являлся, по меткому замечанию одного историка, «пугачевщиной без Пугачева»[147]. Отряды крепостных, государственных крестьян и однодворцев никогда не видели самозванца, но действовали от его имени. Их целью были чиновники и офицеры, дворяне и купцы, иногда священники и церковнослужители (особенно в нерусских районах). А поскольку представителей этих привилегированных слоев населения в этом захолустье империи было мало, маленькие отряды местных повстанцев легко одержнвали над ними победу.

В первые недели августа восстание охватило маленькие города Инсар, Нижний Ломов, Верхний Ломов, Керенск, Наровчат, Краснослободск, Темников и Троицк, но только Керенск сумел отразить натиск повстанцев, успешно отбив три их атаки. Малочисленные и вооруженные лишь косами, рогатинами, копьями, саблями, шестами с крючьями, дубинами, изредка ружьями, пистолетами или маленькими пушечками отряды восставших были бичом дворянских имений. Они нанесли огромный материальный ущерб и уничтожили нескольких тысяч дворян, чиновников, управляющих и священников. Во многом эти группы были более опасны, несли больше

---

[146] *Курмачева М. Д.* Города Среднего Поволжья и восстание под предводительством Е. И. Пугачева // Города феодальной России: сб. ст. памяти П. В. Устюгова. М., 1966.

[147] *Тхоржевский С. И.* Пугачевщина в помещичьей России. М., 1930. Очень удачное выражение; этот исследователь также дал лучшее толкование данного феномена.

разрушенний и морального вреда, чем пестрая толпа, спешащая на юг вместе с самозванцем[148].

Во главе этих мелких отрядов стояли отважные вожаки. Фирс Иванов комаидовал несколькими сотнями сподвижников в бущующих окрестностях Симбирска. Марк Петров, 22-летний крепостной (как и все разбойники, многие добровольцы-мятежники были молоды[149]), присоединился к восставшим возле Арзамаса. Позже он создал собственный отряд, грабивший имения в Алатырском и Арзамасском уездах, пока не был разбит в августе. Сам Петров был схвачен 23 августа и умер под пытками. В Троицком уезде крепостной литейщик Савелнй Мартынов со своим отрядом разорил железоделательные и винокуреиные заводы, но в начале августа был разгромлен помещиком и его вооружениыми крепостными. Возле Керенска сражался отряд Петра Евсевьева, бывшего дворового, провозгласившего себя Петром III. Он был не единственным самозванцем, появившимся по пути движения Пугачева на юг[150].

Большую известность в этих местах получил «полковник» Иван Иванов (Родионов), крепостиой иконописец княгини Голнцыной в Пензенском уезде. На сельском сходе крестьяне решили послать его к «Петру Федоровичу». Иванов встретился с Пугачевым в его лагере возле Пензы, получил от него манифест и вернувшись домой, вместе с братом собрал примерно 3000 крепостных и крестьян, как русских, так и «татар» (то есть, всех нерусских) и стал терроризировать пензенскую округу. 8 августа в бою с отрядом уланов, несмотря на свое мужество, повстанцы были разгромлены, потеряв 300 человек убитыми и 167 взятыми в плен, 7 небольших чугунных пушек, 2 медные мортиры и барабан. В стычке под Симбирском тамошннй повстанец Фирс Иванов (одиофамилец вышеупомянутого атамана) уничтожил царекнй отряд и личио убил его командира – царского полковника Андрея Рычкова. Несмотря на поражения, Иван Иванов и другие мятежиые вожаки действовали весь август и всю осень, терпя поражения и сразу возрождаясь вновь. Братьев Ивановых схватили только в конце 1774 г., когда восстание уже повсюду закончилось[151].

---

[148] Помимо пропщательпого замечания С. И. Тхоржевского см.: *Беляев И.* Пугачевский бупт в Красподопском уезде Пензепской губершш. Краспослободск, 1879.

[149] *Hobsbawm E. J.* Op. cit. P. 25–28.

[150] *Курмачева М. Д.* Действия отряда Марка Петрова // История СССР. 1960. № 6; *Тхоржевский С. И.* Указ. соч. С. 71–73.

[151] Пугачевщипа. Т. III. С. 65–66, 69–70. О братьях Ивановых см.: *Прокофьева Л. С.* О действиях повстанцев правобережья в крестьяпской войне под предводительством Е. И. Пугачева // Вопросы военной исторш Росеш. М., 1969.

Как и все повстанцы, Ивановы распространяли стаидартные призывы пугачевцев и постоянно подчеркивали правоту своего дела. Как правило, их эмиссары сообщали крестьянам о приближении «государя Петра Федоровича», чтобы подготовить народ к его приходу. Заверив собравшихся крестьян, что царь Петр III жив и здоров, «казаки» сообщали о том, что он даровал покровительство своим верноподданным и призывали крестьян грабить господские дома и делить добычу. Крепостные громили особияки помещиков, дома управляющих и других надсмотрщиков, разбивали в них окна, ломали двери и печи, опорожняли винные погреба.

Восставшие объявляли крепостным, что теперь они свободиы и являются государствениыми крестьянами, находящимися под защитой государя. Простой народ был убежден, что положение государственых крестьян легче, чем помещичьих крепостных. Такие «освобождения», вероятно, опирались на неосознаниое понимание того, что крепостное право создал царь, и он же может его уничтожить. Проще говоря, если государь отдал крестьян дворянам, то он мог также легко забрать их обратно. Местные повстанцы обычно обещали простому народу отменить всю подушную подать и призывы в армию, по крайней мере, на семь лет, раздавать соль бесплатно или гораздо ниже существовавшей цены. Наконец, они спрашивали у крестьян, не хотят ли те расправиться со своими угиетателями и если получали положительный ответ, то вешали господ (как правило, на усадебных воротах).

После этого «казаки» забирали добычу, заставляя крестьян нести ее. Такая насильственаая мобилизация увеличивала численность повстанцев, обеспечивала невольных сообщников – свидетелей их деяний, и, самое важиое, предоставляла заложиików, чтобы гарантировать последующее хорошее поведение и помощь освобожденных населенных пунктов. Это было копированием действий царских карателей, которые для контроля над деревиями брали крестьян в заложиики. Маленькие группы крестьян-повстанцев в основном действовали в своей округе, прятали добычу в домах своих вожаков и вновь шли грабить. По сути, их действия были настоящим разбоем[152].

Судьба приказчика

Так действовали крестьяне, активно участвовавшие в восстанни в качестве «казаков». События в пензенских вотчинах Куракиных

---

[152] *Коган А. П.* Распространеше самозванства в русской деревпе в период пугачевского восстания // Учепые запнски Куйбышевского гос. пед. п учительского шститута. 1943. Вып. 7.

показывают, как боролись крестьяне, не присоединившиеся к войску Пугачева. Вотчины Куракиных состояли из двух частей: одиа вокруг села Архангельское, на р. Юлове в 10 милях восточиее Пензы, другая – вокруг села Борисоглебекое на реке Хопре, в 100 милях юго-западиее. В состав именнй входили еще семь деревень, которыми управлял борисоглебекий приказчик Козьма Попов. К 1773 г. 3507 куракинских крепостных платили оброк вместо барщины. Долгое время он составлял 2 руб. в год с души мужского пола, но в 1768 г., несмотря на протесты крестьян, был повышен в Архангельском до 3 руб. с человека. Через три года борисоглебекие крепостные тоже были переведены с барщины на такой же оброк.

Опекунский совет, возглавляемый графом Никитой Паниным и генералом графом Петром Паниным, управлял имениями от имени их четырех племянников – осиротевших после смерти своего отца в 1764 г. несовершениолетних детей. Эти опекуны прилагали свои усилия по обслужнванию огромного долга (207032 руб.), оставшемуся от их покойного родствениика. Большой проблемой для Паниных стал цен, особенио в конце 1760-х и начале 1770-х гг. в связи с военными расходами страны. Как и многие русские дворяне того времени, опекуны пытались увеличить доходы от вотчин. С помощью крепостных они построили винокуренный завод в Архангельском и расширили аналогичное предприятие в Борисоглебеком. Являясь прерогативой дворянства, винокурение было очень выгодиым занятием, не требовало больших расходов и сложных технологнй, а цены на вино устанавливались государством.

Наряду с увеличением налогов, это вызвало у крепостных энергичное сопротивление. Они уведомили опекунов, что не будут платить высокие налоги. В ответ на это совет пригрозил отправить некоторых из них в армию с ее страшными 25 годами службы. Тем не менее, к 1772 г. задолженность крестьян по уплате оброка составляла 4834 руб. – что примерно соответствовало его общему годовому размеру. Архангельские крепостные заплатили свой оброк за первое полугодие 1774 г., взяв деньги в долг.

Эти тяготы, общие для крестьянства всей России, способетвовали возникновению восстания. Зная об этом, опекуны дважды – в феврале и апреле 1774 г. – подсылали к крестьянам тайного агента, чтобы выяснить отношение крепостных к слухам о самозванце. Его донесения не сохранились, но то, что здесь вспыхнуло восстание, когда Пугачев проходил через эти земли в августе 1774 г., не было совпадением.

Основные силы Пугачева вступили в Пензу 1 августа и находились в ней два дня. Слухи, что «Петр Федорович» воскрес из мертвых, взбудоражнли крепостных Борисоглебекого. Созвав 3 августа

«мир» (сход), они отправили Акима Бударкина (Будареикова) к повстанцам в Пензу. Но в 35 милях от Борисоглебекого он встретил отряд восставших, присоединился к нему и участвовал в разграблении нескольких усадеб, а вернувшись 5 августа в Борисоглебек, поднял там восстание и приказал заковать Козьму Попова в каидалы.

Дальнейшие события в Борисоглебском вращались вокруг судьбы захваченного приказчика, олицетворявшего власть дворян. Разграбив его дом и имущество, крепостные не знали, что делать с ним самим и стали искать пугачевцев, чтобы просить у них совета. Наконец, в вотчину пришли пятеро мятежников, а вслед за ними 300 повстанцев под командованием Мартына Андреева, бывшего каторжиика с вырванными ноздрями, освобожденного в Илецкой Защите Хлопушей в феврале 1774 г. и верно служнвшего самозванцу. Крепостные помогли вновь прибывшим выбить окиа и двери в господском доме, разгромить жилище приказчика, мельницу, сжечь вотчинные документы. Один крепостной хотел повесить управляющего, но крестьяне просто посадили его под замок. Семь крепостных вступили в повстанческую армию, а Аким Бударкин создал свой отряд и пошел искать Пугачева. Так закончилось восстание в Борисоглебском. В отличие от большинства приказчиков, схваченных восставшими, Козьме Попову удалось выжить.

Хотя архангельская часть вотчин Куракиных располагалась ближе к маршруту следования Пугачева на юг, тамошние крепостные были не так активны, как их собратья в Борисоглебском. Они сочувственно отнеслись к повстанцам, приветствовали их приход, предоставили пять человек, чтобы тащить добычу «казаков», но запротестовали, когда пугачевцы начали делить имущество, хотя сами участвовали в разграблении местной винокурни (ну разве мужик может воспротивиться такому искушению?). Однако они так и не выдвинули из своей среды лидеров, подобных Акиму Бударкину.

Вотчины Куракиных, подобно владениям многих других здешних дворян, больше месяца находились в руках их крепостных. К началу сентября 1774 г. царские каратели уничтожили большинство отрядов повстанцев и восстановили прежнюю власть. Генерал Петр Панин, комаидовавший финальной кампанией против Пугачева, естественио, имел особый интерес к владениям Куракиных. Он приказал Бударкина и пойманных с ним трех других крепостных высечь кнутом и отрезать им уши. Бударкин и один крестьянин от этого наказания вскоре умерли. В декабре 1774 г. для проведения следствия в вотчину прибыл обераудитор И. Г. Макгут. Он высек плетьми много крепостных, одиим отрезал уши, другим – бороды, и всех оштрафовал. Восемь староверов наказали только за то, что они были староверами. Одиако столь суровые наказания не возымели своей цели,

и на следующее лето даже пришлось вызывать солдат, чтобы подавить бунты крепостных. Память о «Петре Федоровиче» все еще сохраиялась в сознании крестьян.

События, аналогичные тем, что случились в вотчинах Куракиных, происходили во многих дворянских хозяйствах Поволжья. Крепостные крестьяне, получившие на время власть, были сурово наказаны за свое, как правило, кровавое и недолгое освобождение[153].

Ключи от Саратова

Главные силы повстанцев быстро увеличивались по мере стремительного движения на юг и по-прежнему угрожали городам, попадавшимся им на пути. Одиако к этому времени организация восстания стала фикцией. Военная коллегия и Большое войско существовали теперь только на словах. Оторвавшись от погони, повстанцы могли бы получить поддержку донских казаков или бежать через степи за пределы Россни. Они почти не надеялись на продолжение крупномасштабного восстания, хотя, естественно, пытались причинить властям максимум неприятностей.

Последний успех Пугачев одержал в начале августа 1774 г. В отличие от легко взятых здешних городов, в Саратове он столкнулся с некоторым сопротивлением. Расположенный на возвышенном Правобережье Волги, со стороны берега окруженный тремя холмами и глубоким оврагом, Саратов был оживлениым торговым центром с примерно 7000 жителей, из которых не менее 1000 душ являлись купцами. В самом городе и его окрестностях находились шляпная, чулочная и канатные фабрики, сюда свозилась на продажу соль, добываемая на озере Эльтон, отеюда осуществлялось управление поселениями иностранных колонистов, в основном, немцев, расположенными ниже города. Основанный в 1590 г. как пограничная крепость, Саратов уже давным-давно утратил этот статус. Государственная граница была теперь далеко, солдат в нем было немного, а его укрепления находились в плачевном состоянии. В год восстания город сильно пострадал от пожара и поэтому люди жили в шалашах

[153] О восстанш в вотчше Куракипа см.: Пугачевщипа. Т. II. С. 205, 207; Т. III. С. 460–464. Иные трактовки: *Заозерский А.* Бунтовщики (эпизод из псторш пугачевского бунта) // Века. Пг., 1924. I; *Коган Е. С.* Волпепия крестьян пепзепской вотчшны А. Б. Куракипа во время движепия Пугачева // Исторические запнски. 1951. Т. XXXVII. Об экопомической подоплеке отношешй между господамп п крепостнымп см.: *Kahan A.* The Costs of «Westernization» in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // Slavic Review. 1966. Vol. XXV, no. 1.

на пепелище.

Местные власти, имея две недели на подготовку к обороне, ничего не сделали. Саратовский комеидант, полковник Иван Бошияк, считал необходимым восстановить укрепления и защищать город. Напротив, главный судья Конторы опекунства иностраниых (начальник иностраниых колонистов) Михаил Лодыженский и гвардии поручик Гавриил Державин, поэт и будущий министр юстиции, находившийся в Саратове для расследования восстания, предлагали построить укрепление вне города. Каждая сторона считала, что ее план лучше. Поэтому, когда повстанцы появились утром 6 августа у города, их победа была неизбежиа.

У Пугачева на тот момент было всего 3000 воинов, но множество пленных, заложников и просто примкнувших к войску людей сильно увеличили численность его армии. Ее ядро теперь составляли несколько сотен янцких казаков, немногие оставшиеся в жнвых ветераны предыдущих кампаний, а также новообращениые казаки, солдаты, мелких одиодворцы и крестьяне. У них было 20 пушек, но в основном малого калибра, и не хватало пороха и ядер. Поэтому войско Пугачева не представляло большой угрозы. Одиако растерянность и робость властей, явная или скрытая поддержка со стороны населения, слабость и некомпетентность местных чиновников способствовали успеху пугачевцев.

Вечером 5 августа Лодыженский и Державин покинули город, и утром следующего дня Бошияк вышел с 127 солдатами и 50 вооружениыми жителями, надеясь встретить повстанцев за городом. Пугачев, одиако, наступал на Саратов широким фронтом, напал на заградительные отряды защитников, а затем разделил свои силы на две атакующие колонны. Одиа заияла возвышенность, господствующую над городом с севера, другая двинулась на отряд Бошияка, перекрывший основные подходы к Саратову. В это время саратовское купечество, опасаясь, что Бошияк не сдержит натиск, направило к самозванцу своего представителя – Федора Кобякова. Купцы надеялись, что содействуя сдаче города, сохранят себе жизни и имущество. Естественно, Пугачев уцепился за это предложение, с почтением принял Кобякова и дал ему свой манифест для чтения простому народу.

Хотя этот манифест не сохранился, недавно один советекий исследователь предложил правдоподобную реконструкцию его, основываясь на синхрониых призывах мятежников. Согласно этому автору, манифест самозванца, вероятно, состоял из следующих пунктов: утверждения об истинности государя, обещания свободы крепостиому крестьянству, призыва истреблять дворянство, отдельных обращений к волжским и донским казакам, иностраниым колони-

стам, и, несомненно, к саратовскому купечеству[154].

Но когда Кобяков вернулся в город с пугачевским манифестом, полковник Бошняк разорвал его на куски и растоптал. Но уже было поздно: атаман Овчинников установил пушки на возвышенности у Саратова и начал обстрел города. И хотя огонь его артиллерии не мог достичь города, шум канонады напугал горожан. Офицеры и солдаты вслед за местными казаками перешли на сторону противника. Бошняк с примерно 70 защитниками (половину их составляли офицеры) едва избежал плена. Они отступили к реке, сели на лодки и поплыли в Царицын, а Саратов приветствовал Пугачева так же, как за 104 года до этого встречал другого казачьего бунтовщика – Степана Разина.

Три дня самозванец стоял под Саратовом. Как обычно горожане и духовенство принесли присягу на верность, Пугачев произнес краткую речь, несомненно, повторявшую содержание его манифестов, был отслужен молебен в честь «Петра Федоровича». По крайней мере 22 дворянина – большинство их привели сами крепостные – 11 чиновников и 10 купцов были казнены после краткого суда. Солдатам, перешедшим на его сторону, Пугачев выдал по 2–4 руб. на человека. Тем временем повстанцы, простой народ и окрестные крестьяне, празднуя победу, начали грабить город. Они забрали много муки и овса, а также 1,5 т казенной соли, разграбили дома дворян, взяли из казны 163333 руб., причем серебряную монету Пугачев присвоил себе, а медную раздал народу. И, конечно же, повстанцы разграбили трактиры и винные лавки, выкатив бочки со спиртным на улицы и предавшись безудержному пьянству.

Поскольку каратели приближались, восставшие вынуждены были 9 августа уйти из Саратова, назначив 75-летнего купца Якова Уфимцева городским воеводой и дав ему 3500 руб. Он развил бурную деятельность: помогал крепостным ловить их господ, набрал 150 добровольцев для повстанческого войска и отправил их на лодках по Волге за Пугачевым. В Саратове войско самозванца значительно увеличилось, оно заполучило мортиру и четыре трехфунтовые пушки, много пороха и ядер, свежих лошадей, геодезическое оборудование и музыкальные инструменты. Кроме того, восставшие загрузили на речные суда две пушки и около 1000 человек, среди которых было много бурлаков, и отправили их вниз по Волге[155].

---

[154] *Рысляев Л. Д.* Крестьянская война 1773–1775 гг. в Нижнем Поволжье. С. 125–129 (эта реконструкция позднее была оспорена Р. В. Овчинниковым: *Овчинников Р. В.* Из опыта реконструкции утраченных документов (на примере указов и манифестов Е. И. Пугачева) // Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976. – *Прим. пер.*); Пугачевщина. Т. II. С. 191–193.

[155] *Рысляев Л. Д.* Крестьянская война 1773–1775 гг. в Нижнем Поволжье.

Донское гостеприимство

Пополнившись в поселениях иностранных колонистов приблизительно 500 людьми, пугачевская армия за три дня она преодолела около 120 миль и 11 августа вошла в городишко Камышин (Дмитриевск). Наряду с расположенной на другой стороне реки Николаевской слободой, жители которой (4220 переселенных сюда украинцев) занимались перевозкой соли из озера Эльтон, Камышин являлся местом соляной торговли: этим были заняты 300 из 1100 его жителей. Город не был защищен и лишь в Николаевской слободе имелась комаида солдат, которая охраияла склады с солью. Камышинское купечество послало к пугачевцам свою делегацию. Одиовременио на другой стороне реки восстали украинцы; они арестовали свое начальство и начали грабить дома богатеев, так что помощи Пугачева им было не нужио.

На другой стороне Волги разъярениые украинцы повесили 21 офицера и правительственного чиновника, среди которых был немецкий астроном из Императорской академии наук Георг Ловиц[156]. Примерно 60 местных повстанцев во главе с Михаилом Молчаном присоединились к самозванцу. Пугачевцы не взяли камышинские пушки и не стали грабить город – это уже сделали его жнтели, и продолжнли двигаться на юг.

В поволжских селениях за Камышиным в основном прожнвали донские казаки, переведенные сюда правительством для защиты этих земель от пиратов, разбойников и кочевников-калмыков. Так были переселены примерно 1000 семей, а чтобы облегчить разлуку с родиной, им дали привилегии и платили жалованье. Тем не менее, они были недовольны условиями своей службы и некоторые из них поддержали самозванца Богомолова, схвачениого в Дубовке двумя годами раньше[157]. Поскольку эти казаки были угнетены так же, как и янцкие, Пугачев – сам донской казак, надеялся на их и Дона поддержку. Поэтому его указ, изданный в августе 1774 г., был адресован казакам Березовской станицы «и всему природиому Донскому казачьему войску».

В отличие от безапелляциониого тона прежних манифестов он

С. 80–150; *Он же.* Пугачев в Саратове // Вестник Лепшградского ушверсптета. 1962. № 8, вьш. 2; Пугачевщипа. Т. II. С. 216–218; Т. III. С. 194–195, 197–200, 464–466.

[156] Г. Ловиц был схвачеп около Сарепты и казпеп по прпказу Е. И. Пугачева (Русекий бпографпческий словарь. СПб., 1914. Т. 10. – *Прим. пер.*).

[157] *Рысляев Л. Д.* Крестьянская войпа 1773–1775 гг. в Пижнем Поволжье. С. 174–210; *Дубровин П. Ф.* Указ. соч. Т. III. Гл. XII.

просто перечислял области, которые «приняли и склонились под наш скипетр и корону», сообщал казакам о приближении Петра III и просил – но не в категоричиой форме! – вступать в повстанческое войско, обещая за это по десять рублей каждому. Призывая казаков присоединиться к нему «для истребления вредительных обществу дворян», самозваный государь приказал копировать и пересылать этот указ вниз по течению Дона. Сокращенная версия этого манифеста была отправлена атаману и казакам Антиповской станицы за день или два до вступления в нее 14 августа повстанцев. Его постановляющая часть сводилась к фразе: «А злодеев-дворян всячески старатьца искоренять»[158].

Одиако в повстанческую армию вступило очень мало волжских и донских казаков. Во-первых, Пугачев был хорошо известен в этих местах и не мог надеяться на обман казаков относительно своего происхождения – чем и воспользовались власти при издании манифестов против повстанцев. Во-вторых, война с Турцией закончилась и казаки знали, что армия уже брошена против восставших. Поэтому они не торопились присоединяться к заведомо гибельному делу. И, наконец, социальный состав донских казаков со времен Степана Разина сильно изменился. Сохранив независимость и привилегни, они, одиако, строго контролировались правительством. У них не было ни желания, ни сил, чтобы поддержать пугачевцев. Хотя среди восставших было немало донских казаков, они все же больше боролись против Пугачева, чем за него.

16 августа повстанцы столкнулись на реке Пролейке в 10 милях севернее Дубовки с 4000 казаков, калмыков и регулярных солдат, посланных комеидантом Царицына под комаидой майора фон Дица и калмыцкого князя полковника Дундукова, чтобы перекрыть Пугачеву путь на юг. 14 августа 2000 солдат Михельсона вошли в Саратов и сразу же двинулись дальше. Утром 16 августа повстанцы все же оказали отчаянное сопротивление царским войскам, одолев их своей численностью и отбив пушки. Кроме того, дисциплина у правительственных войск была низкой: калмыки вскоре разбежались, некоторые казаки перешли на сторону самозванца, а другие ускакали домой. Майор фон Днц и его солдаты были окружены, взяты в плен или убиты. В столкиовенни пало около 300 повстанцев. 17 августа Пугачев торжественно вошел в Дубовку, столицу волжских казаков, где задержался на два дня.

Поражения лишь усилили повстанцев. В Дубовке к ним присоединились тайша Цеиден и 3000 волжских калмыков. Из Камышина самозванец послал калмыкам вышеупомянутый манифест, призы-

[158] Пугачевщина. Т. I. С. 42–43.

вавший мстить русским дворянам и обещавший по 10 руб. каждому, кто вступит в ряды его войска. Всех прибывших к нему калмыков Пугачев щедро одарил деньгами и подарками. Кроме того, в Дубовке повстанцы получили еще три пушки, организовали ремонт и производство оружия. Они пекли хлеб и шили одежду, готовясь к зиме. Пугачев приказал уничтожить виниые склады, но Дубовка успела погрузиться в привычиые попойку и разбой[159].

19 или 20 августа, опасаясь подхода Михельсона, повстанцы свернули свой лагерь и направились к Царицыну, находившемуся в 35 милях отеюда. Они знали, что взять его будет трудиее, чем Саратов, одиако надеялись на свое численное превосходство, предательство защищавших город донских казаков и полагали, что его падение вызовет восстание на Дону. Но уже утром 21 августа стало ясно, что этого не будет: у города их ожидали несколько сот донских казаков под комаидой атамана и полковника Федора Кутейникова. Повстанцы разбили его отряд и схватили Кутсйникова, отказавшегося перейти на их сторону, но донские казаки не торопились поддержнвать призывы их сородича и бывшего одиополчанина.

Царицын был намного меньше Саратова, числениость его жителей едва достигала 1000 человек, а 300 из них были торговцами. Но он был весьма грозной крепостью, защищенной с трех сторон земляными валами и бастионами, а с четвертой – высоким берегом реки. Но самое главное – жители города были настроены решительно. Полковник Циплетев с 640 регулярных солдат и 150 вооруженных жителей стоял внутри города, а приблизительно 1000 донских казаков защищали его стены снаружи. Боясь повторения катастрофы в Саратове, Циплетев тщательно подготовился к штурму. Он организовал тщательный присмотр за городской чернью, пообещал своим солдатам награды, проинформировал жителей о мире с Турцией и расчистил пространство перед городскими стенами, сломав пивоварню и уничтожнв несколько соляных складов. Он также расположнл на берегу реки артиллерию, а на самой реке – плавучую батарею для защиты от флота повстанцев.

Около 1 часа 30 минут пополудии 21 августа повстанцы начали штурм Царицына. Приблизительно 6000 всадиików окружнли город. Несмотря на мощиый шестичасовой артобетрел, защитники оказывали действенный отпор метким огнем своих орудий, а донские казаки делали многочислениые вылазки. В итоге повстанцы отступили под покровом темноты на юг, потеряв много людей и по-

---

[159] *Рысляев Л. Д.* Крестьянская войпа 1773–1775 гг. в Пижнем Поволжье. С. 211–229; Пугачевщипа. Т. II. С. 219; *Овчинников Р. В., Слободских Л. П.* Указ. соч. С. 136–137.

бросав значительную часть обоза и артиллерии. Их флотилия опоздала, а когда появилась под стенами Царицына, то была обстреляна с берега и либо потоплена, либо повернула обратно. Полковник Михельсон, войдя в Царицын, сразу же бросился вдогонку за Пугачевым[160].

Лояльность казаков правительству

Повстанцы бежали на юг, очевидно, намереваясь пойти на Яицкий городок. Но Пугачев хотел идти в Астрахань, добыть там лодки и по Каспию уйти из России, как это сделал столетием ранее Степан Разин. По пути повстанцы разграбили немецкую колонию Сарепта, обитатели которой покинули ее накануне. Время Пугачева шло к закату.

Утром 25 августа 1774 г. Михельсон догнал его возле Черного Яра. Несмотря на неистовое сопротивление служивших Пугачеву саратовских солдат, он был разбит, потеряв 2000 павшими, более 6000 взятыми в плен и 24 пушки. Но самому Пугачеву и нескольким его сподвижникам все же удалось спастись, переправиться через Волгу и направиться на Узени и в Яицкнй городок. Две дочери самозванца были схвачены, но его жена Софья и сын были с ним.

У Пугачева осталось около 200 человек, преимущественно яицких казаков. Измученные преследованием, голодом и жаждой, они искали убежища в степи, где чары самозванца, и так не очень сильные среди его окружения, полностью испарились. Многие его ближайшие соратники были схвачены или убиты. Его Большое войско теперь окончательно исчезло. Андрей Овчинников погиб у Черного Яра, Алексей Дубровский попал в плен, Афанасий Перфильев ушел прочь, остальные боялись за себя и ощущали свою власть над Пугачевым. Еще весной 1774 г. они хотели выдать самозванца в обмен на свое прощение. Сейчас время этому пришло.

Заговор возглавили ближайшие сподвижиики «императора» Федор Чумаков и Иван Творогов. Только 32 из 186 казаков, оставшихся с Пугачевым, были против них. Пугачева поддержал башкир Кинзя Арсланов, за что, вероятно, был убит[161]; во всяком случае, он пропал без вести. Пугачев пытался бежать, но был схвачен и 15 сентября 1774 г. привезен бывшими соратниками в Яицкий городок[162]. Подобно многим разбойничьим вожакам, его предали свои же приближенные.

---

[160] *Рысляев Л. Д.* Крестьянская войпа 1773–1775 гг. в Пижнем Поволжье. С. 230–262.

[161] Эту версию современная наука отрицает (*Прим. пер.*).

[162] Там же. С. 263–295; Пугачевщипа. Т. II. С. 151–161; Т. III. С. 307–311.

* * *

Пугачев и казаки прошли вместе долгий путь. Их мятеж, начавшийся как бунт в защиту казацкой независимости, в финале превратилось в настоящую войну, породило местные, вторичные восстания, залившие эти земли кровью. По неполным данным, жертвами повстанцев стали 2846 дворян, священников, офицеров и чиновников, в том числе женщины и дети[163]. К ним надо добавить по меньшей мере еще несколько сот человек. Возможно, погибло 4–5% всех русских дворян. Они, как правило, были убиты, причем крайне жестокими способами: из 1572 погибших дворян (796 мужчин, 474 женщины и 302 детей) 665 (42%) были повешены, 635 (40%) забиты насмерть или замучены, 121 (9%) расстреляны, 72 (5%) заколоты, 64 (4%) обезглавлены и 15 (1%) утоплены[164]. И помещики, и крестьяне еще долго помнили это время.

---

[163] Материалы для истории пугачевского бунта: бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и поимке Пугачева // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1875. Т. XXV. С. 141–142.

[164] *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1881. Т. I. С. 381.

Глава VIII

РЕПРЕССИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Несмотря на то, что в середине сентября 1774 г. Пугачев был выдан властям, третий и заключительный этап восстания еще продолжался. Но если разрозненные волнения беспокоили Правобережье Волги вплоть до конца этого года, то «пугачевщина без Пугачева» как массовое движение вскоре исчезла сама собой. Главными причинами ее поражения были быстрый уход отсюда армии Пугачева, прибытие карателей и свойственные всем крестьянским восстаниям недостатки – локальность, отсутствие стратегических планов и координации, организационная и техническая отсталость.

Пройдя в Поволжье свыше одной тысячи миль менее чем за шесть недель, самозванец не успевал агитировать народ на восстание. И хотя его призывы везде воспринимались с воодушевлением и сопровождались мятежом, в большинстве случаев волнения были недолгими и сугубо локальными. Угроза повстанцев глубокому тылу страны на самом деле существовала лишь в охваченном страхом сознании русских дворян и чиновников.

Кроме нескольких изолированных проявлений в Московской губернии сочувствия к восстанию, неожиданный поворот Пугачева на северо-запад не вызвал массового восстания в центре страны. Башкиры продолжали бунтовать до конца 1774 г., а казахи по-прежнему совершали набеги на юго-восточные окраины страны. Но это были изолированные явления, не связанные с ситуацией на Правобережье Волги. Казаки, туземные народы, заводские рабочие и крестьяне вновь разошлись.

Кратковременная социальная война, вызванная маршем Пугачева в Поволжье, сменилась жестокими репрессиями. Пополнившись вернувшимися с русско-турецкой войны полками, царские каратели сначала оцепили район восстания, а затем приступили к его жестокому подавлению. Генерал Петр Панин, главнокомандующий антипугачевскими силами, хвастался императрице, что с 3 августа по 10 октября 1774 г. его отряды одержали 62 победы над повстанцами, убив 10000 и взяв в плен 9000 человек. Он приказал установить виселицы во всех селах, подозреваемых в сочувствии к мятежникам. В Нижегородской губернии эти ужасные памятники стояли в 219 населенных пунктах.

Панин с гордостью рассказывал, что приказал казнить 326 участиков восстания. Местные чиновники следовали его примеру. Широко примеиялись тюремное заключение и телесные наказания – битье кнутом, порка, избиения, отсечение конечиостей. Тюрьмы были переполнены повстанцами. Кроме того, волнения в Поволжье совпали по времени с началом летом 1774 г. жестокого голода в этом регионе. Таким образом, голод пришелся на пик расправ[165].

Согласно официальным сведениям, за участие, реальное или мнимое, в событиях 1773–1774 гг. было арестовано 12438 человек. Сюда не были включены, конечио, те, кто сумел скрыться или избежать плена, и те, кто не попал в отчетность. Если к этой цифре добавить порядка 20000 человек убитых или казнениых в ходе восстания повстанцев, то мы получим примерно 33000 более или менее активных его участников. Но эта цифра не достаточно учитывает численность нерусских участников пугачевщины. Недавно один советскнй исследователь предположил, что только в Уфимской провинцни в восстании принимало участие свыше 86000 представителей нерусского населения. Более того, тот же историк вычислил, что металлургические заводы предоставили повстанцам 6208 человек и еще 4287 работников были убиты или пропали без вести. Если принять во внимание, что часть плениых не была учтена, и что некоторые восставшие сумели скрыться, то число пугачевцев должно превысить 200000 человек. Несмотря на всю условность, эти цифры подтверждают вывод о том, что до 1789 г. пугачевщина была самым крупным народным восстанием в Европе XVIII в.[166]

Статистические сведения позволяют проанализировать состав движущих сил пугачевского восстания. С одиой стороны ясно, что оно охватило различиые социальные и этнические группы. Из 12438 учтениых плениых только у 4638 указано их социальное или этническое происхождение. Несмотря на всю произвольность и ограниченность этих данных, они имеют определенную ценность. Подавляющее большинство этих людей – почти 80% – принадлежали к трем крупным социальным группам: крестьянам (29%), казакам (27%) и нерусским народам (22%). Как и следовало ожидать, среди казаков доминировали (38%) янцкие. Солдаты составляли 7% участников и в основном появились в рядах повстанцев в период побед самозванца в Оренбургской губернии, причем это были только унтер-офицеры и солдаты, поскольку дворян и кадровых офицеров на стороне самозванца почти не было. В связи с тем, что офнцеры вос-

[165] Матерпалы для псторш пугачевского бунта: бумаги, относящиеся к последпему перподу мятежа п попмке Пугачева. С. 132–139.

[166] Пугачевщипа. Т. III. С. 466–468; *Андрущенко А. И.* Крестьянская войпа 1773–1775 гг.: па Япке, в Приуралье, па Урале п в Сибпрп. С. 326–337.

принимались повстанцами как дворяне, их сразу же убивали.

Хотя эти фрагментарные данные лишь подтверждают постулат, что состав участников массового социального движения обычно отражает структуру местного населения в целом, они свидетельствуют об особой роли в пугачевском восстании казаков, поскольку казаки были одиой из немногих социальных групп в Российской имперни, которые могли поднять вооруженное восстание. Они обладали относительной свободой, традициями независимости, военным опытом, оружнем и идеологией, необходимыми для такого предприятия.

Статистические данные также свидетельствуют о значительной роли в восстании туземцев – в частности, башкир, у которых тоже имелись веские причины для этого. Их участие в пугачевщине было вызвано в первую очередь недовольством колониальной и промышленной политикой. Очевидно, что без массовой поддержки башкир это восстание никогда бы не смогло достичь такого размаха и продолжительности. Это была последняя отчаяниая попытка башкир вернуть себе свободу.

Весьма странная ошибка

Солдаты Смоленского драгунского полка везут Пугачева в Москву. С гравюры на дереве Ю. Шюблера из собрания Дашкова в Государственном Историческом музее, Москва.

Восстание коснулось нескольких тысяч человек: взятых в плен, убитых, ограбленных повстанцами или вынужденных бежать от них, а также схваченных или убитых царскими отрядами. Оно привело к многочисленным невинным жертвам. Одиако большинство повстанцев избегли наказания, поскольку власти Российской империи, несмотря на свою жестокость к мятежникам, не стали применять массовый террор в отношении всего восставшего населения, ибо пришли к выводу, что участие людей в восстании зачастую происходило неосознанно. Поэтому они со-

средоточились на наказании вожаков бунта. И если большинство взятых в плен повстанцев чаще всего ожидало недолгое пребывание в тюрьме и телесные наказания, то их руководителям грозила куда более суровая кара.

Первым в списке бунтовщиков значился Пугачев. Ему следователи уделяли особое внимание, трижды подробно допрашивая с сентября 1774 г. по январь 1775 г. Последиие и самые подробные допросы генерал-губернатор киязь Михаил Волконский и «обер-секретарь Тайной экспедиции Сената» Степан Шешковский – «главный инквизитор» секретной политической полиции Екатерины – провели в Москве, куда Пугачева привезли 4 ноября в деревянной клетке.

Вероятно, к Пугачеву не примеияли самых изуверских пыток, его сломили путем психологического и физического давления. Императрица следила за ходом следствия на расстоянии. Вопреки популярному фильму 1950-х гг., она не встречалась с Пугачевым лично, а сам он никогда не бывал в Санкт-Петербурге[167].

В качестве свидетелей обвинения и для суда над ними в Москву было доставлено около 50 пленных повстанцев. Это были бывшие члены повстанческой «Военной коллегии» Максим Шигаев, Максим Горшков, Иван Почиталин и Иван Творогов; янцкие казаки Иван Зарубин (Чика), Федор Чумаков, Афанасий Перфильев и еще 21 их товарищ; «перс» Василий Торнов; плениый офицер-гренадер, переводившнй пугачевские указы на немецкий язык, подпоручик Михаил Шванович; вторая жена Пугачева, молодая казачка Устинья Кузнецова; его многострадальная первая жена Софья и ее трое детей. Все они представляли большую цениость для следствия. Власти нашли множество других свидетелей, главными среди которых были несколько староверов, с которыми Пугачев якобы был связан.

Расследование властями причин восстания началось в декабре 1773 г. Еще до поимки Пугачева были допрошены сотни его соратников, в том числе Максим Шигаев, Чика и другие казаки, причастные к началу волнений на Яике. Их показания прояснили следователям особенности внутренней борьбы в яицком обществе, позволили во многом понять роль Пугачева в подготовке восстания и пролить свет на организацию, цели и методы бунта. Властей особенно интересовали основания, по которым Пугачев стал выдавать

---

[167] Неудачный, к сожалению, итало-американский кинофильм «Буря» (1958 г., реж. Альберто Латтуада. – *Прим. пер.*) с Ваном Хефлином в роли Пугачева, вндимо, поставлен по знаменитой повести Пушкина «Капитанская дочка». Его создатели не смогли удержаться от фальсификации истории, изобразив Екатерину (актриса Вивска Линдфорс. – *Прим. пер.*) беседующей с Пугачевым в Санкт-Петербурге.

себя за покойного императора, его отношения с яицкими казаками, и, главное, наличие внешних, иностранных или русских, причин восстания.

Не углубляясь в материалы расследования, следует сказать, что следователям так и не удалось найти ответы на все три вышеупомянутых вопроса. Они не смогли выяснить, почему Пугачев принял имя Петра III, и не установили, использовал ли он казаков в своих целях или все было наоборот, хотя все же склонялись к последией версии. Следователи проверили возможные связи повстанцев с иностраниыми державами, недовольными дворянами или раскольниками, и пришли к выводу, что Пугачев действовал самостоятельно, одиако он не мог всего этого совершить в одиночку. В своем всеподданнейшем итоговом донесенни императрице генерал-губернатор Волконский и генерал Потемкин предположили, что восстание стало следствием предшествующих волнений на Яике.

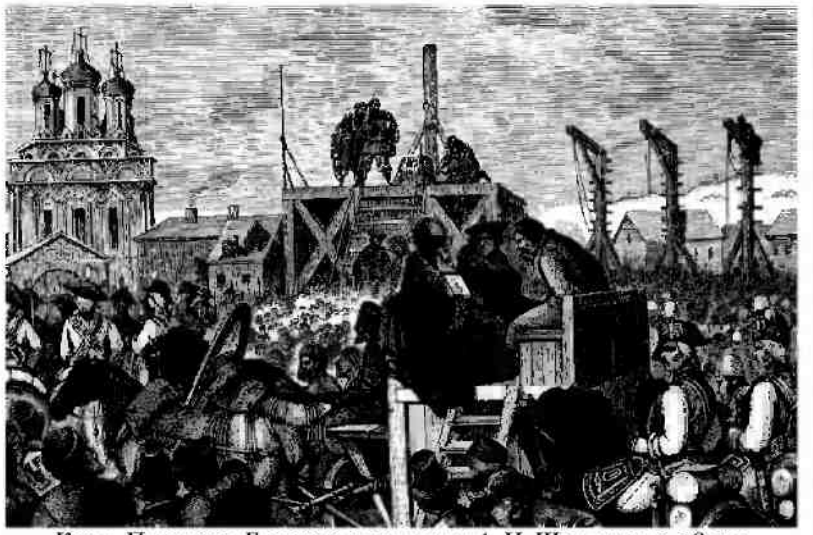
Стремление Екатерины стереть это пятно со своего просвещенного правления одержало верх над ее огромным желанием выявить скрытые пружины восстания. Убедившись, что восстание не было вызвано каким-либо заговором, она согласилась с выводами следствия и приказала закрыть это дело как можно быстрее и без шума. Она отказалась сама участвовать в расследованни, поручив его своему самому довереииому лицу – генерал-прокурору князю Алексаидру Вяземскому и попросив свести к минимуму пытки и число приговоренных к смертной казни.

Казнь Пугачева. Рисунок очевидца А. Т. Болотова. Последняя четверть XVIII в. Государственный Исторический Музей, Москва.

Пугачева судило в Москве специальное судебное присутствие из членов Сената, Священного синода и дворян первых трех классов, признавшее самозванца виновным и приговорившее его к смерти. Под давлением московского дворянства суд высказался за то, чтобы Пугачева колесовать, четвертовать и только потом отрубить ему голову. Но генерал-прокурор, следуя инструкциям Екатерины, угово-

рил судей пересмотреть этот приговор. В ответ на обещание Вяземского публично сжечь отрубленные конечности самозванца в четырех концах Москвы суд согласился только четвертовать самозванца. К аналогичному наказанию приговорили Перфильева, Чику постановили казнить в Уфе, а Шигаева, Падурова и Торнова повесить в Москве. Восемнадцать других активистов восстания – среди них были Иван Почиталин, Максим Горшков и большинство первых яицких заговорщиков, Степан Оболяев, познакомивший Пугачева с недовольными казаками, и лже-купец Долгополов приговаривались к битью кнутом, вырыванию ноздрей и ссылке в Сибирь: восемь – на каторгу, остальные – на поселение[168].

Казнь Пугачева. Гравюра с картины А. И. Шарлеманя, 1855 г.

Главные казни происходили в Москве 10 января 1774 г. при огромном стечении толпы. Очевидец этого писал: «...Пугачева и его шайку привезли к месту казни. Казнь эта совершилась на площади близ каменного моста, называемой Балотта [Болото], где был обезглавлен Биелобарадофф [Белобородов]. Выстроены были большие подмостки, среди которых стоял высокий столб с перекладиной наверху, на которую можно было влезать по двум лестницам. Судя по этим приготовлениям, зрители могли думать, что мятежник будет посажен на кол, потому что никому не был известен род каз-

[168] Документы следствия и суда см.: Следствие. № 7. С. 92–109; № 9. С. 137–149.

ни, к которой он был приговорен. У трех углов эшафота были поставлены три виселицы. В одиннадцать часов утра все преступники перешли через каменный мост; те, которые должны были быть повешены или наказаны кнутом, были связаны попарно. Между ними находился молодой человек, дворянин, которому приговорено было сломать шпагу над головой; потом ехал Пугачев на высокой, нарочно сделанной тележке, вымазанной черною краскою и запряженной лошадьми. Посреди тележки находился столб, к которому был привязан преступник, сидевший на скамейке между двумя священниками. Палач стоял позади с двумя топорами на плахе. Явно было заметно, что это зрелище производило сильное впечатление на многочисленных зрителей, которые наполняли всю площадь. Не заметен был страх на лице Пугачева. С большим присутствием духа сидел он на своей скамейке с зажженную свечою в руке, прося у всех прощения во имя Бога. Когда он сошел к эшафоту, ему прочли царский указ, в котором описаны все его гнусные преступления. Прочим преступникам тоже были прочтены указы, к ним относящиеся. Священник отлучил их от церкви и палачи схватили свою добычу. Пугачев вошел на эшафот по лестнице и каждый из трех преступников, который должен был быть повешен с ним, всходил по лестнице к предиазначенной для него виселице. Всех четверых казнили в одно время. Пугачева раздевали, и он с живостью сам помогал. Его положили на эшафот, и по странной ошибке палачи отрубили голову, потом руки, ноги, которые показали зрителям прежде головы. Один из них, который думаю, был из судей, живо и громко осуждал палача за его ошибку. Предполагают, что он за это может быть наказан кнутом. Один из палачей потом влез на перекладину столба, насадил голову мятежника на железный шпиль, находившийся над перекладиной, на которую разложил прочие части тела. В то же время три других палача повесили трех остальных преступников по трем углам эшафота. После этой казни привели Панфильева [Перфильева]: он перенес ту же казнь, как Пугачев, с тою разницею, что его голова не была насажена на железный шпиль, но положена, вместе с его членами, рядом с пугачевскими. Этот эшафот еще находится в том положении. Потом, смотря по приговору, к которому каждый из преступников был присужден, иных наказывали кнутом, иным вырывали ноздри, а некоторых клеймили. Я не оставался свидетелем этих различных казней которые продолжались до вечера»[169].

[169] Annual Register. 5th ed. London, 1775. P. 155 (нами в основном воспроизводится несколько отличающийся от английского оригинала русский перевод: Чтения в обществе истории и древностей российских. М., 1860. Кн. II. Раздел V: Смесь. С. 81–82. Там же, на с. 79–81, опубликован но-французски

Еще Александр Пушкин, первый серьезный историк восстания, полагал, что палач имел «секретную команду сократить мучения преступников», но тогда это было лишь предположением[170]. Но только через почти полтора столетия после казни стало известно, что «странная ошибка» палача была преднамеренной: в 1920-е гг. была обнаружена переписка Екатерины с князем Вяземским, из которой следует, что генерал-прокурор по указанию императрицы тайно приказал палачу сначала отрубить Пугачеву голову[171]. Причиной этого были либерализм и просвещенность Екатерины Великой.

Выдавших Пугачева Ивана Творогова, Федора Чумакова и шестерых повстаицев освободили от наказания и простили, но запретили им возвращаться на Яик и жить в столицах. Офицера Шванович лишили воинского звания и дворянства, над его головой сломали шпагу и сослали пожизненно в Сибирь. Устинья и Софья, две несчастные супруги Пугачева, вместе с тремя детьми и его сестрой были отправлены в далекие крепости под наблюдение властей[172].

Салавата Юлаева и его отца Юлая Азналина схватили в ноябре 1774 г. Так как они отказались признать свою вину, властям пришлось потратить почти полгода на ее доказывание. Наконец в июле 1775 г. Салават и Юлай были приговорены к 175 ударам кнутом – по 25 ударов в каждом из мест, где они действовали. Им вырвали ноздри, а на лицах выжгли знаки, означавшие «вор и убнйца». Обезображенные, они закончили свои дии на каторге в эстонском порту Рогервик[173].

Подобно другим революциям и гражданским войнам, восстание Пугачева привело к колоссальным разрушениям. Продолжавшиеся целый год волнения превратили юго-восточную окраину империи в руины. Многим городам, особенио Казани, был нанесен значительный ущерб. Хозяйство было в упадке, сократились промышленное и

оригинал из «Утрехтской газеты», № 18 за 3 марта 1775 г. – *Прим. пер.*).

[170] *Пушкин А. С.* Указ. соч. Т. IX, ч. 1. С. 80.

[171] *Чулошников А.* Казнь Пугачева и его сообщников 10 января 1775 г. // Русское прошлое. 1923. № 3.

[172] *Пушкин А. С.* Указ. соч. Т. IX, ч. 1. С. 180–194; *Светлов Л. Б.* Судьба семьи Е. И. Пугачева // Вопросы истории. 1968. № 12.

[173] *Юдин П. Л.* Суд и казнь Салаватки (к истории пугачевского бунта) // Исторический вестник. 1898. Август. Т. LXXIII. Показания Салавата на допросс см.: Пугачевщина. Т. II. С. 277–279. Имя мятежного башкира ночитается в городе Салавате, основанном носле второй мировой войны в 90 милях южнее Уфы. (Уже носле выхода киигн Дж. Александера в результате архивных изысканий стало известно, что Салават Юлаев умер в 1800 г., а Юлай Азналин между 1797 и 1800 гг. – *Прим. пер.*).

сельскохозяйственное производства, торговля не велась, налоги не платились, рекруты в армию не набирались. Мятежники уничтожили большинство крепостей Оренбургской линии, сожгли и разграбили 23 горных завода и сильно повредили 33. Больше всего пострадали предприятия Твердышева и Мясникова на Южном Урале: 11 из 12 их предприятий (в том числе лесопильный завод) были уничтожены – в основном, башкирами.

По неполным официальным данным, ущерб государству составил свыше 613000 руб., частным лицам – свыше 5685000 руб. Позднее уральские заводовладельцы попросили правительство возместить им 5536193 руб. – в сумму убытка они включили потери, вызванные остановкой предприятий в период восстания.

Правительство выделило небольшую материальную помощь лицам, пострадавшим от восстания. Генерал Панин выплатил 42592 руб. 460 помещичьим семьям. Екатерина лично вознаградила многих из тех, кто отличился при подавлении восстания, даровала особые привилегии немногочисленным населенным пунктам, оказавшим сопротивление повстанцам, и выделила 200000 руб. на восстановление Казани. Весной 1775 г. правительство открыло три специальных банка – в Оренбурге, Казани и Нижнем Новгороде для выдачи под небольшие проценты ссуд помещикам и заводчикам, пострадавшим от восстания. Из 1500000 руб., отпущенных этими учреждениями, 460000 руб. получили уральские предприниматели, особенно Твердышев и Мясников: им ссужалось 180000 руб. на восстановление их промышленной империи в Башкирии.

Однако только три завода навсегда закрылись в результате событий 1773–1774 гг. Твердышев и Мясников не стали восстанавливать одно предприятие, но лишь по причине истощения вокруг него леса. Металлургия Урала вскоре вновь заработала, и ее последующий относительный застой не был вызван пугачевщиной[174].

Огромные разрушения, вызванные восстанием, вскоре удалось преодолеть.

Вечное забвение

Екатерина полагала, что с наказанием вожаков мятежа он завершился. 17 марта 1775 г. она даровала прощение всем, кто участвовал «во внутреннем бунте, возмущении, безпокойствии и неустройстве 1773 и 1774 годов» и приказала предать «все прошедшее вечному забвению и глубокому молчанию». Одновременно отменялись 32 вида налогов и сборов, прежде всего вызванные войной, а также

[174] *Павленко П. И.* Указ. соч. С. 474–480; Пугачевщина. Т. II. С. 268–270.

мелкие или крайне тяжелые, прекращалось преследование участников восстания, прощались беглые солдаты, которые вернутся обратно в течение года (бежавшие за границу – в течение двух лет), и была объявлена свобода заведения промышлениых предприятий.

Отныне все городские жители с объявленным капиталом в 500 и более рублей считались купцами. Они были освобождены от внесения подушной подати – главного отличительного признака непривилегированных социальных групп – и должиы были ежегодио платить один процент от их состояния. Лица, чье состояние было меньше 500 руб., стали именоваться мещанами и продолжали платить подушную подать, служить в армии и нести государственные повинности. Видимо, это должио было стабилизировать и упорядочить правовой статус горожан, изолировав их от влияния сельских бунтов. Имперское правительство признало, что оно справится с восстаниями на селе, если их не поддержат города.

Манифестом от 17 марта 1775 г. даровалось прощение всем беглым государственным (но не помещичьим!) крестьянам, если только они вернутся до коица 1776 г. Также предусматривалось прекращение всех уголовных дел, нераскрытых свыше десяти лет, освобождение должиików, заключенных в тюрьму на более чем пять лет, предание вечному забвению преступлений, не получивших огласки за десять лет, и освобождение от уплаты задолженности, оставшейся от покойных родителей. Было рекомеидовано сократить срок службы в армни с 25 до 18 лет, но это удалось реализовать лишь через полвека[175], ибо крепостничество было несовместимо с армией, основаниой на системе резервистов и ограниченном сроке службы.

В целях разъяснения этого манифеста через три недели, 6 апреля 1775 г., был принят новый указ, требовавший захоронить тела повстанцев, а места и орудия казней уиичтожить. Действие указа 1754 г. о запрете смертной казни, приостановленное на время восстания, возобновлялось. Императрица попросила Священный Синод снять анафему с тех бунтовщиков, которые искрение раскаялись в своих преступлениях. Те, кто был приговорен за участне в восстании к смертной казни, замененной указом от 17 марта каторгой, направлялись отбывать ее в Оренбургскую губернию для ее восстановления.

Чтобы стереть всякую память о мятеже, Екатерина приказала уничтожить родную станицу Пугачева на Дону, а ее жителей переселить на другой берег реки во вновь созданную станицу Потемкинская (по имени ее тогдашнего фаворита). 15 января 1775 г. Сенат пе-

[175] При Пиколае I (царствовал в 1825–1855 гг.) срок службы в армии был сокращен до 15 лет.

реименовал реку Яик в Урал, тамошних казаков – в уральских, а их столицу – в Уральск. Что касается уральских казаков, то они, взятые в 1775 г. под строгий контроль правительства, стали лояльными царизму. Став оплотом существующего строя, они в период Гражданской войны 1918–1921 г. выступили против советекой власти и исчезли как отдельная общиость после поражения в этом конфликте.

В конце 1775 г. была упраздиена Запорожская Сечь и казаки переселены в другие места. В последующие годы Россия смягчила отношение к степным кочевникам своих юго-восточных окраин, ожидая, что они поддержат будущую экспансию империи. В 1779 г. правительство также реформировало систему приписки крестьян к уральским заводам. Таким образом, пугачевское восстание во многом способствовало активному вхождению – с помощью кнута и пряника – Урала и юго-восточной степи, а также их народов в царскую империю. Этап долгой борьбы самодержавия против независимых общиостей окончательно завершился.

Екатерина хотела, чтобы имя Пугачева было навсегда забыто, для чего приказала его брату Дементию, не участвовавшему в восстанни, изменить фамилию, но она была слишком умна, чтобы ограничиться только одиими запретами. Заключив мир с Турцией, Польшей и Швецией, императрица приступила к внутрениим реформам. Менее чем за год она разработала и в ноябре 1775 г. объявила о преобразовании провинциальных институтов.

Так называемая губернская реформа 1775 г. не была простой реакцией на недавние события. Все указывает на то, что императрица готовилась к ней давно. Уже в первое десятилетие царетвования ею было увеличено жалованье чнновников, а Сенат разделен на шесть департаментов (4 в Санкт-Петербурге и 2 в Москве). Она планировала дальнейшие реформы, о чем свидетельствовала деятельность Уложениой комиссии 1767–1768 гг. и 18 подкомиссиий – некоторые из них просуществовали до 1774 г., и только длительные и дорогостоящие внешнеполитические акцни после 1768 г. приостановили эти процессы.

После подавления восстания и заключения мира с турками императрица вернулась к внутренним реформам с учетом уже имевшегося опыта преобразований и учета недавних событий. Многие провинциальные чнновники, часть которых прямо называла причиной восстания изъяны административной системы, также высказались за радикальное обновление правительственных институтов.

Основной целью проведения губернской реформы должио было стать улучшение системы управления и приближения власти к простому народу. Провиицни были упраздиены, а численность губернний возросла с 22 до почти полусотни. В итоге губернии стали более

компактными. Теперь в них проживало от 600000 до 800000 жителей. Губернни делились на уезды по 60000–80000 человек. Администрация и суды была отчастн децентрализованы, а в низовых губернских институтах появились выборные дворянские органы.

Тем не менее, дворянство не стало самостоятельной политической силой, ибо губернская реформа привела к централизации верхушки провинциальной администрацни и децентрализации ее низового уровня. Для управления 2–3 губерниями одиовременно, а также для контроля над обширными окраинами, такими как, например, юг России, Екатерина назначила наместников или генерал-губернаторов. Будучи приближенными императрицы и подчнняялись непосредственно ей, они являлись представителями центра в регионах, а не наоборот[176].

Реформирование губерний растянулось на 20 с лишним лет. Дополненное реорганизацией полицни в 1782 г. и специальными уставами для дворян и городов в 1785 г., оно создало систему управления аграрной Россией, просуществовавшую вплоть до «Великих реформ» 1860-х гг., и даже поздиее. По существу, создание новых институтов было консервативной реакцией на изъяны управления, проявившиеся во время восстания. Одиако управленческий переонал этих институтов почти не изменился. Действенность власти повысилась не столько от реорганизацни системы управления, сколько от увеличения ее финансирования на местах, роста численности государственных служащих и распространения образования среди провинциальных дворян. И все-таки губернская реформа достигла своей цели: восстание Пугачева стало последиим массовым выступлением в дореформениой Россни. Конечно, волнения крестьян не прекратились, но угрожающие масштабы они приобрели только в 1905 г. и, особенно, в 1917 г.

Русский бунт, бессмысленный и беспощадный

Но если непосредственным итогом восстания стали консервативные реформы, то каковы же были его отдаленные последствия? Советские историки-марксисты, привыкшие оценивать исторический процесс с точки зрения социального прогресса, считают, что «крестьянская война 1773–1775 гг.» положительным образом повлияла на последующее общественное развитие Россни. Отказав-

[176] Лучшим советским исследованием губернской реформы 1775 г. является работа: *Павлова-Сильванская М. П.* Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. См. также: *Клокман Ю. Р.* Социально-экономическая история русского города: вторая половина XVIII века. М., 1967. С. 89–93, 122–126, 194–197.

шись от употребления термина «пугачевщина» как якобы реакциониого «дворянско-буржуазного», они исследуют ее последствия. Советские авторы полагают, что это восстание дало массам благотворный урок революции, поэтому репрессии и ответные меры, последовавшие за ним, усилили ненависть народа к властн. Считаетея, что «классовая борьба», высшей формой которой при феодализме (то есть в доиндустриальную эпоху) является крестьянская война, не прекратилась, а лишь обрела новые формы.

Кроме того, советекие историки утверждают, что масштабы и мощь этого восстания потрясли основы имперни и вынудили правительство начать реформы, способствовавшие зарождению капиталистических отношеннй. По их мнению, страх перед новым восстанием в итоге вынудил царя Александра 11 в 1861 г. отменить крепостное право «сверху», не дожидаясь, пока новый Пугачев отменит его «снизу». Согласно такому «диалектическому» анализу, пугачевское восстание якобы является всецело «антифеодальным», а так как капитализм является следующим, более «высоким» этапом развития общества после феодализма, то пугачевский бунт следует считать прогрессивным и «объективно буржуазным», поскольку он расчищал путь капитализму.

Стороииики этого подхода изображают Пугачева как вдохновителя революционных демократов и либеральной интеллигенции от Александра Радищева (1749–1802) через декабристов (1825) до народиików 1860-х и 1870-х гг. Таким образом, Пугачев и его сподвижиики заняли почетную нишу в советеком пантеоне революциониых предшественников большевизма[177].

Но даже среди советских историков нет единства в оценках пугачевского восстания, в частностн, его прогрессивного характера. Некоторые исследователи, даже марксистских убежденнй, утверждают, что данное восстание на самом деле было реакционным. При этом они указывают на то, что в своих воззваниях повстанцы выступали как идеологи примитивного аграрного прошлого, а не как пропагаидисты прогресса[178]. Кроме того, восстание, вероятно, отсрочнло падение крепостного права и проведение других либеральных социальных реформ, примирив взгляды властей и помещиков на крепо-

---

[177] Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Пугачева. Т. II. Введение, гл. I; см. также: *Шапиро А. Л.* Об исторической роли крестьянских войн XVII–XVIII в. в России // История СССР. 1965. № 5 (англ. нер: Soviet Studies in Пistory. 1966. Vol. V, no. 2). См. также: *Alexander J. T.* Reccnt Soviet Пistoriography on the Pugachev Revolt.

[178] *Alexeev N. N.* Beitrage zur Geschichte des russischen Absolutismus im 18. Jahrhundert // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. 1958. Bd. VI (особенно s. 59–62).

стничество. Известно, как смущались царские чиновники, когда поднимались вопросы облегчения участи крепостных. Так, в период царствования Николая I (1825–1855) сменявшие друг друга секретные комитеты, изучавшие проблему крепостного права, приходили к выводу, что его отмена настолько трудиа и опасна, что лучше этого не делать. Страх перед новым восстанием был настолько велик, что тормозил проведение других реформ, но имперскому правительству все же пришлось освободить крестьян: тяжелый кризис, вызванный поражением в Крымской войне (1853–1856 гг.) и явный экономический застой заставили это сделать. Опасаясь массовых волнений, власти не решились создать потснциально взрывоопасный сельский пролетариат и подчинили освобожденноe крестьянство сельской общине. Вряд ли стоит считать такую форму освобождения крестьян прогрессом[179].

Что касаетея идейного наследия Пугачева, то не следует принимать на веру советскнй перечень его последователей. Так, трудио сказать, был ли, к примеру, Радищев вдохновлен этим восстанием, хотя и являлся его современником. Как было установлено западными исследователями, на него б**о**льшее влияние оказали идеи Просвещения. Знаменитое радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) *не* призывает к крестьянскому восстанию, а скорее считает пугачевщину кошмаром, который можио избежать своевременiыми реформами[180]. Аналогичный вывод делали декабристы и многие либеральные русские мыслители XIX в. Даже упоминая имя Пугачева, они с ужасом отзывались о пугачевщине как о трагической вспышке народной стихни. Пушкин, современник и друг декабристов, писал в финале «Капитанской дочки»: «Не приведи Бог видеть русскнй бунт – бессмыслениый и беспощадный»[181].

Но у Пугачева были и наследиики. Его имя и дела сохранялись в фольклоре, о нем шептались в семьях дворян, громко кричали грабители и разбойники[182]. Произведения Пушкина на эту тему, санкционированные самим Николаем I, получили широкую известность у читающей публики начиная с 1830-х гг. С 1840-х гг. радикальная интеллигенция рассматривала это восстание как свидетельство исконности русского радикализма. Радикалы типа Михаила Бакунина

---

[179] См.: *Emmons T.* The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Oxford, 1968.

[180] *Lang D. M.* The First Russian Radical: Alexander Radishchev, 1749–1802. London, 1959; *McConnell A.* A Russian Philosophe: Alexander Radishchev, 1749–1802. The Hague, 1964.

[181] The Poems, Prose, and Plays of Alexander Pushkin / ed. *A. Yarmolinsky*. New York, 1936. P. 741.

[182] См.: Песни и сказания о Разине и Пугачеве. Л., 1935.

(1814–1876) считали восстание Пугачева доказательством того, что крестьянство может стать источником революцни в России. Народники 1860-х и 1870-х гг., вдохновленные этими идеями, организовали что-то вроде «пугачевщины наоборот», идя в деревни подиимать крестьян на борьбу с царизмом[183]. Их наследиики, социалисты-революционеры начала XX в., продолжали верить в революционный потеициал крестьянства. Это же мнение разделяли различные анархистские группы 1890-х гг. Нестор Махно, яркий представитель украинских крестьян-анархистов периода Гражданской войны в России, имел столько же прав на идейное наследие Пугачева, сколько последователи Ленина. То же можио сказать и об антисоветеких крестьянских повстанцах Тамбовской губернни в 1920 г. и тех, кто поднял Кроиштадтское восстание в 1921 г. Даже Мао Цзэдун, вероятно, может претеидовать на часть целей Пугачева. Поэтому наследие Пугачева не может целиком принадлежать какой-то одиой группе.

[183] См.: *Venturi F.* Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia / trans. *F. Haskell.* New York, 1960; *Avrich P.* The Russian Anarchists. Princeton, 1967 (рус. нер.: *Эврич П.* Русские анархисты: 1905–1917. М., 2006. – *Прим. пер.*). См. также: *Avrich P.* Russian Rebels, 1600–1800. New York, 1972. Ch. V; *Pascal P.* La revolte de Pougatchev. Paris, 1971. P. 223–260 (рус. нер.: *Паскаль П.* Пугачевский бунт / нер. с франц. Уфа, 2010. С. 161–174. – *Прим. пер.*).

Глава IX

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ НА ОКРАИНЕ РОССИИ

В последние годы интерес к сравнительному анализу революций усилился. Еще более тридцати лет назад Крейн Бринтон со свойственной ему мудростью и остроумием в своем во многом провокационном сочинении «Анатомия революции» предложил общую теорию революции, разработанную на основе сравнения Английской, Американской, Французской и Русской[184] «Великих революций». В XX в. революция стала частым явлением. В определенных кругах даже стало модно рассуждать о возможности – а некоторые аналитики предпочитают говорить о неизбежности – революционных взрывов. Нельзя гарантировать наши города и университеты от социальных волнений, но при этом мы как-то забываем, что наш век – это в полном смысле слова век революции. Существуют все основания полагать, что и в будущем революции будут частью политической жизни нашей планеты и даже межпланетные путешествия не избавят нас от них.

Поэтому изучение революций имеет большое значение. Представляется, что по причине столь очевидного сегодня процесса глобализации историки должны вписывать свои узко тематические исследования в широкий контекст. Однако при этом следует помнить, что если поверхностное обобщение ведет к философским и методологическим изъянам, то некорректное сравнение может привести к серьезному искажению нашего понимания прошлого и его значения для настоящего. Конечно, малоизвестное восстание, полыхавшее почти двести лет назад на далекой окраине европейской цивилизации, не оказало влияния на мировое развитие, однако теоретический анализ этого явления должен способствовать пониманию как его самого, так и, возможно, уточнению наших представлений о революциях в целом.

Исследуя четыре великие революции в новой истории Запада, Бринтон попутно заметил, что существовали и другие их типы: реакционная, территориально-национальная и неудавшаяся револю-

---

[184] В западной историографии обычно нет деления на Февральскую и Октябрьскую революции – они считаются различными этапами одной Русской революции. – *Прим. пер.*

ции. Позже он добавил к ним революцию, навязанную извне[185]. Согласно этим определениям пугачевщину, возможно, следует считать неудавшейся революцией с элементами территориально-национального восстания. Восстание Пугачева было региональным, ограниченным в основном российской юго-восточной границей и примыкавшими к ней землями; оно никогда не было общенациональным движением. Ни казаки, ни башкиры не составляли гражданскую нацию в современном смысле этого слова. Они боролись за свою автономию в составе Российской империи, а не за национальную независимость.

Недавно Роберт Форстер и Джек Р. Грин, опираясь на Марка Раеффа, определили пугачевщину как «крупное региональное восстание с ограниченными возможностями, не переросшее в революцию», хотя сам Раефф отмечает его пограничный и казачий характер[186]. Обе эти оценки имеют право на существование. Еще более плодотворными представляются выводы Чалмереа Джонсона[187]. Определяя революцию как социальное изменение, направленное против «элитной непримиримости» и «множественного нарушения равновесия (multiple dysfunction)» конкретной социальной системы, Джонсон характеризует ее как «продолжение политики в форме ожесточенной физической борьбы». Он отмечает, что для возникновения революции разбалансировка общества должна «метастазировать» за пределы общего социального «фундамента» и произвести «множественное нарушение равновесия». «Разбалансированность» возникает, когда внутреннее и/или внешнее давление «вынуждает базис функционировать, оценивать себя и свои возможности не так, как в нормальных условиях». И все же общество может долго существовать в условиях серьезного нарушения равновесия, не прибегая к революции. Для социальных потрясений необходимы «ускорители», то есть «сильнейшие источники нарушения равновесия, приводящие к неожиданному и существенному результату...».

Основным катализатором революции является поражение в войне, поскольку оно может парализовать то, что определяет успех или неудачу любой революции – вооруженные силы. Джонсон ссылается на Кэтрин Чорли, согласно которой «восставшие не всегда

---

[185] *Brinton C.* The Anatomy of Revolution. New York, 1938 (пересмотренное изд. 1952). P. 22–25.

[186] Preconditions of Revolution in Early Modern Europe / *Robert Forster* and *Jack P. Greene* (eds.). Baltimore; London, 1970. P. 12, 194. Очерк М. Раеффа «Pugachev's Rebellion» в этом сборнике (P. 161–202) является на сегодняшний день лучшим кратким обзором проблемы.

[187] *Johnson Ch.* Revolution and the Social System. Stanford, 1964. [Hoover Institution Studies, no. 3].

могут побеждать хорошо оснащенную профессиональную армию»[188]. «Революция не может обойтись без вооруженного восстания, – заключает он, – а это подразумевает столкиовение с профессионально обучениыми и вооруженными солдатами, имеющимися в распоряжении враждебной [т. е., властной] элиты».

Определяя революцию как насильственный способ социальных изменений, Джонсон устанавливает ее четыре отличительных критерия. Это: (1) против кого направлена революция, (2) кто является ее движущей силой – масса, элита, или то и другое вместе, (3) цели революцни или ее идеология, (4) спланированность или стихийность революции. Джонсон применяет эти критерии к шести различным типам революции: крестьянскому восстанию, религиозному движению, анархистскому бунту, якобинской коммунистической революции, государственному перевороту и массовому вооруженному мятежу. Исследователь отмечает, что его классификация носит общий и предварительный характер, и признает, что в каждом конкретном случае может наблюдаться смешение этих признаков.

Не повторяя характеристнки Джонсоном каждого из своих идеальных типов революцни, заметим, что он относит восстание Пугачева к первой категории своей типологни – крестьянскому восстанию: в «великом русском крестьянском восстании 1773–1775 гг.» Пугачев был лишь «номинальным вождем, который объединил крестьян, казаков, беглых крепостных и татар [так!], восставших против роста ограничения прав низов в восемнадцатом столетии».

Ч. Джонсон не являетея специалистом по истории России и его оценка восстания Пугачева не основана на анализе этого движения. Тем не менее, его теория позволяет понять это событие. Каковы же, по мнению Джонсона, отличительные черты крестьянского восстания как разновидности революции? Они суммированы в следующем его пассаже: «Крестьянские восстания направлены против правительства, но в поддержку законной династии, имеют массовый характер (вожди восстаний – простые крестьяне, местные священники, или члены сельских тайных обществ) и, как правило, стихийны. Спровоцировать крестьянские восстания могут события, вызывающие конкретные страдания, такие как, например, голод, войны, резкое усиление социального гнета или неконтролируемый разбой. Угроза возникиовения крестьянского восстания может сохраняться до тех пор, пока старый порядок не справится, например, с засильем иностранцев, открытым грабежом или еще одним восстанием в дру-

[188] *Chorley K.* C. Armies and the Art of Revolution. London, 1943. P. 23 (цит. по: *Johnson Ch.* P. 16).

гой части страны. Всегдашним средством борьбы с этими явлениями являетея чнстка местных элит массами»[189].

Но по признанию самого Джонсона, предложенная им схема не привязана к конкретной социальной системе и присущим только ей негативным явлениям, поэтому «революцни нельзя изучать и сравнивать абетрактно». Итак, может ли его теория дать удовлетворительное объяснение пугачевщине? Давайте попробуем ответить на этот вопрос.

* * *

Опираясь на теорию Джонсона, попытаемся выяснить, каковы были цели восстания, возглавлявшегося Пугачевым. Первоначально казаки хотсли изгнать царскую администрацию из Яицкого городка и восстановить свой автономный статус в составе Росснйской империи. Поскольку первая их атака на Яицкнй городок потерпела неудачу, они обратили свои взоры на Оренбург, олицетворявший царскую власть в регионе. Затем восстание перекинулось на Урал и соседние регионы, где имелись дополнительные силы и оружие для осады Оренбурга. Затем, особенио после присоединения к восстанию башкир, целью повстаицев стало уничтожение царекой власти и ее стороннков в регионе. Одиако основной целью движения оставалась власть, которую Джонсон определяет как «политические и административные институты, порождающие и исполняющие волю общества». Только в самом финале, летом 1774 г. в Поволжье, восстание сфокусировалось на истеблишменте или власти, то есть, «на государетве, на основе основ, на “фундаментальных прииципах”». Затем повстанцы призвали к массовому истреблению дворянства. Этот период характеризовался также множеством жертв, как среди повстанцев, так и среди их противников. Не стоит воспринимать всерьез туманные угрозы Пугачева идти на Москву или на Санкт-Петербург – это никогда не было целью восстания. Не была целью пугачевцев и Казань. Повстанцы оказались у ее стен случайно, застав город врасплох. Поскольку пугачевщина, не считая ее кровавого финала в Поволжье, в основном была направлена против правительства, она соответствует первому критерию Джонсона для крестьянского восстания.

Кем были пугачевцы? Зачинщики восстания и его руководители являлись простыми казаками. Их этническая принадлежиость и социальное происхождение отличаются чрезвычайной пестротой. По религни – старообрядчеству – и укладу жизни они отличались и от соседиих кочевников, и от жившего севернее русского населения.

[189] *Johnson Ch.* Op. cit. P. 34.

Одиако их территория, экономика и тесные отношения с империей связывали их с тюркскими кочевниками и калмыками, православными и мусульманскими крестьянами. Эти связи были как бы кузнечными мехами, с помощью которых казаки могли раздуть свой маленький повстанческнй костер в огромный региональный пожар. Они успешно привлекали на свою сторону местное население, хотя, очевидно, не осознанио. Ясно, что восстание Пугачева было массовым стихнйным движением. Как правило, его лидерами являлись крестьяне в широком смысле этого слова, тогда как казаки (и староверы) вдобавок в чем-то напоминали сельские тайные общества. Короче говоря, такие отличительные черты данного восстания как массовость и стихийность удовлетворяют теории Джонсона.

Но какова была цель восстания, то есть его идеология? Джонсон полагает, что крестьянские восстания «стараются лишь облегчить участь крестьян, восстановив государственый порядок». По мнению восставших, «власть захватили предатели и насилие должио очистить ее от них, так сказать, вернуть на правильный путь». Поэтому целями крестьянского восстания являетея лишь проведение реформ и не более. Массы «не "отчуждаются" от описания действительности, содержащейся в старом коллективном мифе», они восстают «во имя идеализируемого ими короля или церкви, против якобы недостойных представителей этого короля или церкви на местах, или против иноземцев, состоящих на службе у короля или церкви». Большинство этих выводов точно характеризуют идеологию пугачевского восстания.

Как считает Михаил Чернявский, восставших вдохновляла личность Петра III, воспринимавшаяся ими как смесь имперских и народиых компонентов[190]. Манифесты повстанцев изображали «Петра Федоровича» сильной личностью, поскольку со времен Петра Великого именно таким представлялся самодержец. Логика этого мифа, вкупе с практическими потребностями, требовала, чтобы у казачьего Петра III имелась точная копия Российского государетва. Поэтому «амператор» стремился легитимизировать себя через институты («Государственая военаая коллегия»), процедуры («указы» и «манифесты» с официальными печатями) и сторонииков («граф Ивашка Чернышев»). Они в свою очередь позиционировали Петра III как «мужицкого царя», что являлось вариантом имеющей глубокие корни народиой концепции монарха как беспристрастного вершителя судеб общества в целом и защитника масс в частности. Мани-

[190] *Cherniavsky M.* Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haven, 1961. P. 96–99. См. также: *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773–1775 гг.: на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. Гл. III.

фесты, выпущенные «Петром Федоровичем», сулили кнут и пряник. Обращения повстанцев учитывали состав населения и поэтому их призывы к казакам, туземцам, крестьянам, горожанам, староверам и т. д. не были одинаковыми. Также в этих призывах звучали эсхатологические мотивы. Таким образом, знаменитый манифест конца июля 1774 г. после призыва к истреблению дворянства – по Джонсону, «чистки местных элит массами» – обещал, что «по истреблении которых противников злодеев-дворян всякой может возчуствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет». Пугачев в своих публичных заявлениях иногда изображал из себя пророка, обещая восстановить старую веру и избавить страну от засилья иностранных порядков.

По существу реформистский характер идеологии повстанцев четко проявился в их двойственном отношении к крепостному праву. Восставшие выступали против любых проявлений крепостничества, однако никогда не обещали уничтожить его причину. Однажды, во время краткого визита в Пензу в августе 1774 г., Пугачев даже одарил уважаемого там человека крепостными[191]. Повстанцы обещали восстановить независимость казаков и башкир, разрешить старую веру, снизить налоги и рекрутчину и превратить помещичьих крепостных в государственных крестьян, но никогда не выступали за упразднение абсолютистского государства, породившего крепостничество. Причиной этого, вероятно, было то, что в 1770-е гг. в России крепостное право было частью массового сознания и не подлежало обсуждению. Даже казаки, жившие на периферии этого общества, кажется, признавали это.

Отмечая, что идеология пугачевского восстания в определенной мере содержала эсхатологические и реформистские мотивы, эта сторона восстания, кажется, также подтверждает правоту предложенной Джонсоном классификации. Поэтому оправдано будет считать восстание Пугачева крестьянским восстанием на окраине. Для выяснения причин его поражения также могут оказаться полезными некоторые из формулировок Джонсона.

Армия против повстанцев

Восстание Пугачева было подавлено регулярной армией. Почему это произошло? Новейшие советские исследования указывают на характерные недостатки «крестьянских войн» – стихийность, отсут-

[191] Автор имеет в виду: Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Пугачева. Т. II. С.12. В советской историографии это оспаривалось: Документы ставки Е. И. Пугачева, новотанческих властей и учреждений. М., 1975. С. 390. См. также: *Паскаль П.* Указ. соч. С. 174. – *Прим. пер.*

ствие организованности, ограниченность стратегических концепций, регионализм, техническую отсталость. С этим согласны практически все советские авторы. Однако среди них существуют разногласия по вопросу о правоте действий Пугачева.

Один из ведущих советских специалистов по данной проблеме, профессор В. В. Мавродин, полагает, что отказ Пугачева осенью 1773 г. идти вглубь страны и его стремление захватить Оренбург не были ошибкой, поскольку именно в этот период восстание превратилось в региональное движение, а повстанцы создали для себя территориальную базу. Кроме того, согласно Мавродину, у Пугачева тогда не было выбора. Казаки хотели сокрушить Оренбург как бастион царизма в своей среде, что характерно для «крестьянской войны». Вероятно, поэтому они воевали против Яицкого городка и отказались идти на Москву после захвата Казани[192].

Другие авторы считают осаду Оренбурга крупной ошибкой, полагая, что повстанцы должны были сразу двинуться вглубь страны, чтобы поднять массы крепостных крестьян на всеобщее восстание, и большинство населения поддержало бы их. Короче говоря, все условия для успешного восстания были, но повстанцы ими не воспользовались[193].

Обе эти точки зрения на причины поражения повстанцев имеют право на существование и были представлены выше. Но необходимо сделать ряд дополнений, в частности, особо следует отметить роль армии. И Бринтон, и Джонсон подчеркивают ее значение для любой революции. Этот вывод верен и для восстания Пугачева.

Почти всегда столкновения с регулярной армией – в отличие от гарнизонных солдат и иррегулярных войск – заканчивались для восставших тяжелыми поражениями. Так было в Яицком городке, Татищевой, Каргале и Сакмарске, Троицкой, Уфе, Казани, Царицыне и в других местах. Большинство побед было одержано повстанцами только под Оренбургом. Но, перефразируя Кэтрин Чорли, можно сказать, что там правительственные силы по ряду причин не использовали свои технические возможности в полную силу.

Во-первых, большинство местных правительственных военных команд состояло в основном из солдат гарнизонов – хуже обученной, плохо вооруженной и не имевшей опытных командиров части

---

[192] Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: восстание Е. И. Пугачева. Т. II. Введение, гл. I; *Пронштейн А. П.* Решенные и нерешенные вопросы истории Крестьянских войн в России // Вопросы истории. 1967. № 7 (особенно с. 161).

[193] См. особенно: *Рознер И. Г.* Казачество в Крестьянской войне 1773–1775 гг. Львов, 1966; *Кизеветтер А. А.* Пугачевщина // *Кизеветтер А. А.* Исторические силуэты. Берлин, 1931. С. 55–92.

царекой армии. Во-вторых, во время осады Оренбурга повстанцы смогли деморализовать противника, перенять от пленных солдат боевые навыки и получить трофейное оружие и боеприпасы. В-третьих, доля казаков – в широком смысле этого слова – в армии повстанцев достигла своего максимума именио под Оренбургом. Поздиее их численность и влияние стали спадать. Будучи с рождения воинами, казаки были достойным противником для царской армии. Пугачев не понаслышке знал воениое дело и использовал свой армейский опыт в ходе восстания. В-четвертых, под Оренбургом казаки воевали на своей земле, на местности, которая идеально подходила для их тактики партизанских действнй. Не случайно они так и не смогли взять ни одиого крупного населенного пункта, оказавшего сопротивление – даже собетвенного Яицкого городка. Наконец, именно на таких окраинах, как Оренбуржье, у правительства не было достаточных военных сил.

Яицкие казаки вошли в состав Российской империи недавно и не полностью и, подобно жившим севернее башкирам, еще помнили о своей былой независимости. Их отношения с казахами и пример калмыков, ушедших в 1771 г. в Китай, лишний раз свидетельствовали о политической нестабильности на степной границе. Но как только казацкие повстанцы отважились двинуться вглубь страны, их воинский дух и боеспособность ослабли. Случайный успех Пугачева в Казани не должен заслонять тот факт, что действия повстанцев на севере практически всегда были неудачными. Если их последиий марш в Поволжье воспринимался властями и русским дворянством как нашествие, то для самих мятежиików он был бегством. В этом походе казаков сначала покинули их временные спасители – башкиры, а в финале и поволжские крестьяне. У казаков всегда были исключительно локальные цели, и они не помышляли о всеобщем восстании.

Другой причиной постояниых военных поражений повстанцев была их неспособность привлечь на свою сторону армию, состоявшую из офицеров-дворян и солдат-крестьян. Последиие, будучи бывшими помещичьими крепостными и государственными крестьянами, вроде бы должиы были поддержать призывы повстанцев, направленные против их командиров. Но эти воззвания действовали только на солдат местных гарнизонов, казаков и служилых туземцев. Лишь в единичных случаях солдаты переходили на сторону восставших, да и то принудительно. Массового перехода солдат на сторону Пугачева не было.

Невосприимчнвость регулярной армни к революционной заразе позволяла успешно использовать эту силу в интересах правящего режима. Армия была изолирована от остального населения, вся

жизнь солдата проходила вдали от родины, увольнительные давались редко. Отслужив 25 лет, солдат, как правило, не возвращался домой, а в качестве государственного крестьянина оседал в особых поселениях, обычно в глуши империи, ибо ни дворяне-помещики, ни управители казенных земель не хотели иметь у себя под боком большое число опытных в военном деле крестьян. Колонии солдат-отставников имелись в Казанской губернии и когда повстанческие шайки приблизились к ним, ветераны с радостью вступали в их ряды[194].

Однако в годы армейской службы солдаты забывали о своем социальном происхождении, поэтому власти нередко обращались за помощью к армии, чтобы подавить волнения крепостных и работных людей. Многочисленные дезертиры создавали шайки разбойников, но они были слишком разрознены, чтобы представлять угрозу для режима, или, напротив, стать объектом пропаганды повстанцев. Для стирания различий между солдатами и крестьянами должна была полностью измениться структура армии и порядок ее формирования, что и произошло в начале XX в., став катастрофой для царизма.

Поскольку в ряды регулярной армии мятежный дух не проникал, у повстанцев был только один способ одолеть ее – победить в открытом бою. Сами казаки этого сделать не могли, они были способны лишь на захват территории и превращение ее в базу для дальнейшей борьбы. Так, когда в руки мятежников попали уральские горные заводы, составлявшие значительную долю российской металлургии, они заставляли их работать на себя или уничтожали. Если бы правительству не удалось завершить русско-турецкую войну или Россия потерпела бы в ней поражение, или Польша вновь бы восстала, то военный перевес над мятежниками, возможно, не был бы столь большим. Однако повстанцы так и не смогли (или просто не сумели) заложить прочную основу для своих действий. Восстание продолжалось лишь по причине некомпетентности части царских военачальников и чиновников и отдельных успехов повстанцев, и поэтому его исход был заранее предопределен.

Самодержавие и анархия

Описывая тяжелое положение русского крестьянства при крепостном праве, исследователи иногда высказывают удивление, почему оно не приводило к *более частым* восстаниям. Представляется, что для анализа уроков восстания Пугачева – до начала XX в. крупней-

[194] РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 602–602 об.

шего в императорской России народиого бунта – правильнее будет подойти к этому вопросу с другой стороны, а именно выяснить его причины. В конце коицов, теория Джонсона показывает, что факторов, негативно влиявших на устойчивость и эффективность тогдашней социальной системы, было предостаточно. Русский мужик, вероятно, ощущал глубокую несправедливость крепостного права. Закрепление за дворянством особого места в обществе, кульминацией чего стало его освобождение в 1762 г. от государственной службы, изолировало его от остального населения страны. Крестьянство продолжало поддерживать служение государетву, что связывало каждую группу населения с определениой социальной функцией, а быстро вестернезировавшееся дворянство склонялось к идее состоящего из привилегированных сословий корпоративного государства (*Ständestaat*). Эта идеологическая дихотомия отражала скрытую напряженность в русском обществе[195].

Непосредствениой жертвой чувства дворянской исключительности стали так называемые одиодворцы. Стремясь получить дворянские привилегни, они в правовом плане оказались где-то между дворянством и государственными крестьянами и к концу XVIII в. их уравняли с последиими. Но будучи полудворянами или полукрестьянами, они обладали воинским опытом и имели право иметь огнестрельное оружие, чего у остального крестьянства не было. Как и следовало ожидать, многие одиодворцы приняли участие в кровавой «пугачевщине без Пугачева» в Поволжье[196].

Непрекращающиеся войны усиливали напряженность в российском обществе. Длительная русско-турецкая кампания 1768–1774 гг., активное, но в итоге безрезультатное участие Россни в Семилетней войне (1756–1763) и в польских делах ускорили возникновение восстания. Когда к многочисленным латентным проблемам российского общества (затрагивавшим по-разному казаков, нерусские народы и свободных крестьян) и бездушию дворянской власти прибавилось вызванное войной усиление социального гнета, вспыхнул мятеж. Недовольство казаков переросло в бунт, а затем в крестьянское восстание на Урале и в Поволжье

Но почему эти явления не были столь частыми? Потому что дисперсия населения и его коицентрация в мелких хозяйствах – в XVIII в. в России не было латифундий – препятствовали возникно-

---

[195] *Кизеветтер А. А.* К истории крестьянских движений в России // Крестьянская Россия. Прага, 1924. Сб. VIII–IX (нереизд.: Вонросы истории. 1994. № 1. – *Прим. пер.*)

[196] Об однодворцах см.: *Blum J.* Lord and Peasant in Russia; *Esper T.* The Odnodvortsy and the Russian Nobility // Slavonic and East European Review. 1967. Vol. XLV, no. 104.

вению массового восстания. С другой стороны, в стране отеутствовало подобие средиего класса Западиой Европы, крепостиое право не ограничивалось сельской местностью. В 1770-е гг. в России не было ни одиого акционерного общества, а основаниый в 1754 г. единственный на всю страну банк являлся государственным, мелким и был предиазначен для кредитования лишь дворян. Российская экономика оставалась преимуществению аграрной, коммуникацни были примитивными, внутренняя торговля развита слабо, рынок носил местиый характер. В силу этого крестьяне считали, что крепостное право обрекает на рабство только помещичьих крепостиых и завидовали государетвенным крестьянам. К тому же постояниые побеги на окраины страны, несомнению, понижали социальную активность крестьянства.

Отсутствие на селе системы образования не способствовало появлению у крестьян интеллектуальных лидеров и идеологов, а приходское духовенство было малограмотным и подчинялось государству. В отличие от, например, дореволюционной Франции, в России в XVIII в. отсутствовали провинциальная печать и дискуссионные клубы. Имелись только две правительственные газеты, выходившие дважды в неделю в Санкт-Петербурге и Москве и печатавшие почти исключительно судебные решения, коммерческие объявления и иностранные известия. В единственном в стране университете, основанном в Москве в 1755 г., за первые 20 лет его существования обучилось 318 студентов, что явно недостаточно для формирования революционного авангарда[197].

Неравномерность развития тогдашней российской промышленности препятствовала концентрации обездоленных работников – потенциальных повстанцев. Что касается уральских металлургических заводов, то их удаленность от центра страны сильно затрудняла возможность объединения работных людей с крестьянами для всеобщего восстания.

Поэтому повстанцы выдвигали в основном аграрные требования, которые были близки крестьянству, составлявшему большинство населения (причем даже в городах), и мало влияли на дворян, купцов, ремесленников, солдат и духовенство. Правительство полагало, что восстание инспирировано оппозицией среди дворянства, армни, духовенства или из-за рубежа, ибо без нее бунт якобы не смог бы достичь большого размаха, и поэтому крайне жестоко наказывало дворян, купцов, священников, офицеров и солдат, уличенных в сотрудничестве с мятежниками.

---

[197] *Штранге М. М.* Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М., 1965. С. 53.

Главное отличие русских революций 1905 и 1917 гг. от волнений XVIII в. заключается в том, что в XX в. элита активно выступала против существующего строя и даже провоцировала антиправительственные акции, а освобождение дворянства от обязательной службы в 1762 г. не привело к возникновению независимых провинциальных дворянских собраний, наподобие существовавших в дореволюционной Франции. Русское дворянство настолько срослось с государством, что вероятность возникновения союза сельской аристократии и крестьянства – этого, согласно Джонсону, обязательного для стихийной революции условия – была нулевой.

Учитывая, насколько трудно было поднять всеобщее восстание в екатерининской империи, следует признать, что Пугачев сделал все возможное для этого. И одной из основных причин его относительного успеха, вероятно, было то, что он выдавал себя за императора Петра III, тем самым становясь фигурой всероссийского масштаба; к тому же это позволяло перетянуть на свою сторону или деморализовать противника. Почти все слышали о «Петре Федоровиче» и знали – или догадывались – о его целях. Императрицу возмущал любой случай самозванства и она сурово наказывала за это. Казалось, что ее нелюбимый супруг, перевоплотившись в невежественного казака, воскрес, чтобы омрачать ее просвещенное правление.

Восстание оскорбляло Екатерину и по другой причине. Пугачевский бунт разом разрушил столь тщательно создаваемый ею образ просвещенной, процветающей, прогрессивной России. Разграбленные дворянские усадьбы и повешенные на воротах их владельцы опровергли неуклюжие заверения властей о дружбе между помещиком и крестьянином. Восстание сорвало с имперского правительства маску, и оно предстало перед миром в качестве лицемера, громко трубившего о согласии и равенстве прав всех граждан, а на практике установившего над большинством собственного населения тиранию дворян и дворянской военщины.

Институты, способствовавшие формированию у различных социальных классов чувства политического единства, в стране отсутствовали. «Между крестьянской Россией и правительством страны не было никакого диалога и не существовало основ и механизмов для политического компромисса»[198]. Поэтому страна оставалась политически нестабильной, ее эволюция была проблематична, а будущее – неясным. В царской империи самодержавный деспотизм и народная анархия были страшными, но взаимодополняющими друг друга партнерами.

---

[198] *Emmons T.* The Peasant and the Emancipation // The Peasant in Nineteenth-Century Russia. Stanford, 1968. P. 69.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кучумов И. В. Исследование Дж. Александера о пугачевском восстании 5
Предисловие 11
Глава I. Беспокойный народ 15
Глава II. «Император» Петр Федорович 32
Глава III. Осажденный Оренбург 54
Глава IV. Туземцы и работные люди горных заводов 69
Глава V. Подкоп, свадьба, побоище 91
Глава VI. Возвращение в Казань 104
Глава VII. Бегство или нашествие? 117
Глава VIII. Репрессии и последствия 136
Глава IX. Крестьянское восстание на окраине России 151

Научное издание

Джон Торндайк АЛЕКСАНДЕР

ЕМЕЛЬЯН НУГАЧЕВ
и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг.

Авторизованный перевод с английского

Редактор *З. А. Мамаева*
Компьютерная веретка и дизайн обложки *И. В. Кучумова*

Сдано в набор 24.02.2011. Подписано в печать 28.04.2011.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Georgia».
Печать ризографическая. Усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 9,4.
Тираж 200 экз. Заказ № 9. Цена договорная.

Издательство ИП Галнуллин Д.А.
450105, г. Уфа, ул. Королева, 10/3–75; 741387@mail.ru

Отпечатано в типографии ИП Галнуллин Д.А.
в полном соответствии с предоставленными оригинал-макетами.
450105, г. Уфа, ул. Королева, 10/3–75; 741387@mail.ru